

Елена
Серова

Пестро-
ткань

РЕНОМЕ

Санкт-Петербург
2008

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-4
С32

Серова Е.

С32 Пестроткань / Елена Серова. — СПб. : Реноме, 2008. — 240 с.
ISBN 978-5-904045-02-9

Этот сборник — рассказы о событиях, происходивших в жизни главной героини. Они как картинки с выставки, в которых проступают узнаваемые события ушедшей эпохи. Автор приглашает читателя по-особому взглянуть на, казалось бы, простые вещи.

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

ISBN 978-5-904045-02-9

© Елена Серова, 2008
© Реноме, 2008

Мини-
Тюры

ДЕБЮТ, или Моя февральская свадьба

Я еще раз перечитала записку. По-моему, все изложено четко и ясно. «Полагаю, сбор твоих вещей не доставит удовольствия нам обоим, поэтому я уйду в кино. Надеюсь, когда вернусь — тебя уже здесь не будет».

Правильно, так и надо. Расставаться так расставаться. Завтра ведь свадьба, а замуж за Славку идти нельзя и не хочется. Поэтому надо расставаться немедленно, пусть придет из универа, соберет вещи — и привет.

Я вышла на Декабристов и весело зашагала в сторону Дома культуры. Был приятный зимний денек, уже чувствовалось приближение весны, а в воздухе веял ветер перемен. Фильм для меня не имел никакого значения, я думала о другом: вспоминала, как у нас все начиналось и как мы со Славкой ездили к его родителям в Новгород — знакомиться.

В ту пору я жила в общежитии, поэтому все мое имущество было — то, что на мне надето. Полушубок искусственного меха, Наташкины джинсы и удивительные башмаки. Когда-то они были обыкновенными осенними туфлями, но вот наступила зима, в них стало холодно, поэтому они претерпели некоторые изменения. Я ножом отрезала задник, и получились сабо, в которые могла уже влезть в носках. Пятка, конечно, мерзла, а в снегопад еще и мокла, но зато пальцам было тепло.

Когда я вошла в квартиру Славкиных родителей и разделась, то увидела, как Танька, его младшая сестра, стоит в полном оцепенении, глядя на мои усовершенствованные туфли.

— Что это такое? — через некоторое время спросила она.

Ей никто не ответил.

Следующей в очереди желающих познакомиться с будущей невесткой была баба Зина, уникальная, экзотическая женщина. Она

собирала пустые бутылки и этим жила. Мне, человеку, у которого мама — доктор наук, а все дедушки и бабушки как минимум с высшим образованием, показалось, что я очутилась в каком-то другом мире. Уж бутылки-то в нашем роду никто не собирал. Да-а, кажется, попала я...

Тем временем баба Зина разглядывала меня и, наконец, заговорила.

— А пальто-то тебе не долго?

— Почему ненадолго? — удивилась я. — На пару лет хватит.

— А почему без плáта приехала?

— Да нет, не бесплатно, за деньги...

Поговорив таким образом и не поняв, что баба Зина интересовалась длиной моего пальто и отсутствием платка на голове, я решила, что так, наверное, полагается при знакомстве — всякую чушь спрашивать.

Родители Славки мне понравились, а я им — нет. Ну, ясное дело, приехала практически босая, курит, живет в общежитии... Незавидная невеста. Но он им сказал: «Свадьба двадцать девятого — чтобы были, и с подарками».

Свадьба была назначена не просто на двадцать девятое, а на двадцать девятое февраля.

Когда мы в середине января пришли подавать заявление в ЗАГС, оказалось, что ближайшее время, на которое можно записаться, — конец марта.

— Как долго, — протянула я.

Мне ждать никак нельзя было. Я представила себе — какая невеста я буду к концу марта. Как жаль, что мы не в Греции! Там даже приветствуется, когда невеста беременна — это свидетельствует о ее плодovitости, так сказать, и вся родня может видеть, что по крайней мере в этом плане все будет нормально.

— Вы знаете, — полистав свой объемистый журнал, сказала работница ЗАГСа, — есть вот двадцать девятое февраля, никто не захотел в этот день регистрироваться. Вы как?

А нам это жутко понравилось! Какая экзотика — свадьбу отмечать раз в четыре года! Редчайшая дата, интересная, и мы с радостью согласились.

И вот уже сегодня двадцать восьмое, а я решила расстаться со Славкой. У меня для этого было много причин и одна особенно существенная, а среди прочих — просто не хотелось.

Я возвращалась из кино и размышляла о том, как же я дальше буду жить, и где я буду жить, и на что я буду жить... Ответов не находилось, но зато мне было девятнадцать лет и я знала, что все — ерунда. Как-нибудь решится! Я свернула на Маклина и пошла в сторону дома, где мы снимали комнату в коммуналке. Квартира эта оказалась традиционно питерской — с неизменным штатным алкоголиком. В данном случае это была Манька.

Ей стукнуло уже лет пятьдесят, пьяница она была знатная и имела две комнаты. Правда, одну из них, которую мы и снимали, комнатой трудно было назвать. Это оказался бывший чуланчик, в котором поместились вдоль одной стены диван, шкаф и стол. Когда диван был разложен, он почти касался своим боком противоположной стены, и если мы со Славкой шли навстречу друг другу, то неизбежно оказывались в постели, что по молодости лет никак нас не смущало, а наоборот, нравилось, что естественно.

В свое время Манька продавала по ночам спиртное, наша комната была торговой точкой, поэтому когда магазины закрывались, кто-нибудь, как раненый зверь, обязательно бился в нашу дверь в надежде на выпивку.

Манька была просто прелесть! Если я случайно на кухне забывала маргарин, например, то, вернувшись через минуту, видела только край красного халата, мелькнувшего в коридоре и исчезнувшего безвозвратно в Манькиной комнате. Как она это успевала — не пойму.

Однажды я готовила суп. Сварила хороший кусок мяса, дело шло к концу, суп уже был заправлен всяческими овощами, и я предвкушала скорую трапезу. На соседней конфорке стояла огромная Манькина кастрюля, ржавая, наверное, на помойке найденная. В ней варилось вымя — очень дешевый субпродукт, которым в то время кормили преимущественно животных, и то не всегда успешно. На одну минутку (!) я отлучилась в комнату, чтобы отнести растительное масло. Ведь я сейчас сниму свою кастрюлю с огня, руки будут заняты, а масло, считай, пропало, если я его оставлю один на один с Манькой. Когда я вернулась, мне показалось, что как будто ничего не произошло. Моя замечательная соседка что-то помешивала в кастрюле. Я заглянула в свою. В идеально чистой холодной воде там плавало вымя. А Манька, весело подмигнув мне, потащила трофей в свою комнату. Спорить было бесполезно, и продукт не вернешь — после того как он побывал в ужасной кастрюле, употребить его в пищу нормальный человек не рискнул бы.

Так мы и жили, пока однажды соседи не поручили Маньке заплатить за свет. Скинулись, сколько кому полагается, стали думать — кто пойдет платить. Идти в сберкасса и стоять в очереди несколько часов никому не хотелось. Отдали деньги нашей незатейливой соседке, а через две недели пришел электрический человек и перерезал провода. Мы Маньку, конечно, ругали, а она возмущалась: «За что? Это ж когда было!» Славка все соединил обратно, но служитель электрического культа был неумолим и, придя однажды к нам, вырезал аж метровые куски проводов. Мы остались без света, и теперь, если кто-то из ребят заходил к нам в гости, входным билетом являлась простая советская свечка. Это было относительным дефицитом, и мы приноровились жечь подсолнечное масло, сунув в него кусок тряпки. Это, конечно, был не выход — масло сильно чадило, а света давало немного.

Когда я подходила к дому, то увидела Славку, который почему-то шел не в том направлении. Я подумала, что он, наверное, еще не был дома и не читал записки. О-о, значит, предстоит разговор! Хотелось повернуться и уйти, но уже вечер — куда пойдешь? Я подошла к нему, что-то спросила и вдруг увидела, что идти-то он практически не может — что-то случилось с ногой. Оказалось, что его стукнуло сосулькой, причем не напрямую, а рикошетом. Смеяться было нельзя, хотя комизм ситуации был очевиден. Шибануло человека сосулькой по ноге — пойдти кому-нибудь расскажи. Потом пригляделась, а ему действительно больно. Вызвали «скорую».

И вот всю ночь накануне свадьбы мы провели в травмпункте, делали там снимки, которые оказались хорошими, и Славке сказали, что у него кости бегуна. Поскольку он теперь был подраненный, я не могла уже его бросить в силу свойств характера — вечно я кого-то выхаживаю и спасаю. Пришлось идти замуж.

Мы пришли в ЗАГС вдвоем, никого с нами не было. «Пришли» — это сильно сказано. Передвигаться теперь мы могли только на такси — ушибленная нога не ходила. Сели ждать. Пришел какой-то дядька, включил красивую подсветку и музыку.

— Будем делать фотоальбом? — он был мил и приветлив.

— Нет, — ответили мы, бедные студенты.

— Давайте ваши кольца, — погрузнев, произнес дядька и протянул красивый поднос.

— А у нас нет колец.

Он посмотрел на нас долгим взглядом, потом выключил свет и музыку.

— Тогда зачем вы сюда пришли?

Он уже перестал мне нравиться.

— Жениться...

— Так почему вы пошли в главный зал? — почти закричал он. — Получили бы свидетельство в комнате номер два и все!

А мы-то думали, что у нас праздник! Оказывается, в комнатке с серыми стенами делают людей счастливыми, а не в нарядно украшенном зале. Нет колец, не хочешь фотоальбом — в серую комнату! Мы растерялись — нас попросили, надо было уходить, но на сегодняшний день мы сосулькой травмированы, не можем быстро передвигаться. Положение спасла женщина с лентой наперевес, та, которая произносит великие слова о сегодняшнем знаменательном дне. Она пригласила-таки нас в парадный зал.

И вот мы, немножко подстреленные, идем по ковровой дорожке. Торжественная речь была произнесена в полной тишине, в абсолютно пустом зале, но зато она предназначалась уж точно — нам. Служительница ЗАГСа предложила скрепить наш союз поцелуем, и тогда змей-фотограф все-таки включил Мендельсона. Нам вручили свидетельство, а потом мы вышли, сели в такси и поехали домой, где нас ждали гости.

Торжество проходило в маминой квартире. Гостей было немного — мамыны друзья да Славкины родители. Мама поселила их у себя, а сама временно переехала в Пушкин — к Смирновым.

Свадебного платья и фаты у меня не было, зато Славка щеголял в новом костюме. Его родители прислали двести рублей, и мы ему справили костюм за сто шестьдесят, а на остальное купили рубашку, галстук и мне — колготки (в ту пору они стоили дорого и были не везде).

Белого платья в моей жизни не случилось, но обновка все-таки была. Мама отдала мне свое — желтое, с вышитыми кленовыми листьями на груди. По сегодняшним меркам, между прочим, это платье считалось бы «от кутюр» — сшито на руках, да еще и вышивка... Но будущая свекровь, обнаружив его на кровати, долго разглядывала изнанку. Швы были не обработаны, казалось, что платье еще не дошито. Ну и что! Зато сидело прекрасно! Я чувствовала себя нарядной и одетой вполне подходяще для такого случая.

Свадебный стол был шикарным. В ту пору будущим мужу и жене при подаче заявления выдавали талоны на посещение магазина «Юбилей» для покупки одежды и колец, а в продовольственный магазин — для оснащения праздничного стола.

В «Юбилее» мы купили только костюм для Славки, на кольца даже не смотрели — денег не было, но зато продовольственный заказ был шикарным. Родители договорились траты по нему поделить пополам, поэтому можно было разгуляться (правда, в рамках, ограниченных талоном). Мама сказала: бери все по максимуму, потому что в период тотального дефицита любой продукт казался недостижимым. Купленный осенью по случаю майонез берегли для Нового года, мясо лежало в морозилке с ноября — а вдруг не сможешь к празднику достать!

На предприятиях существовала система заказов продовольственных наборов к празднику, и ты, для того чтобы взять по паре банок шпрот и зеленого горошка, вынужден был брать еще и несколько килограммов риса и сахарного песка. Это значительно увеличивало стоимость заказа, поэтому взять ты их много не мог, да и не дал бы никто — «По два заказа в руки!» — молодежь, наверное, и не знает, что это такое.

Свадьба была хорошим поводом, чтобы приобрести дефицит. Некоторые так и делали — подавали заявление в ЗАГС, получали заветные талоны, одевались, забивали до отказа холодильник, а потом продолжали жить как прежде — неженатыми, чтобы повторить все сначала через какое-то время.

Нам было назначено отовариваться в магазине «Стрела» на Измайловском, в те времена это был такой серьезный торговый центр. Меня провели в кабинет и, навсегда забрав заветные талончики, приняли заказ. Сейчас я бы улыбнулась, прочитав весь список, где преимущественно были куры, картошка и масло. Особнячком стояли такие вещи, как красная икра и шпроты. Количество банок было строго регламентировано и в сторону увеличения не изменялось.

Продуктов я заказала столько, что получился целый грузовик. Столы выглядели пристойно, ломились от яств, а мы были печальны — болела нога, да и общее состояние беременности не вызывает ощущение бодрости и здоровья. Самыми мучительными моментами для нас оказались неизбежные поцелуи, как следствие нескончаемых криков «Горько!». Славка сам встать не очень мог, приходилось приподнимать его, целовать, а потом аккуратненько сажать на место. Наконец нам все это наскучило, и мы решили сбежать со свадьбы, оставив гостей одних догуливать наш праздник.

И вот — снова такси, наш чуланчик и первая брачная ночь, как предполагалось. Должна сказать, что у нас были ночи до свадьбы,

были и после, но эта первая брачная... Опустим завесу тайны, как говорится... Только светлая печаль и ничего более. А что вы хотели при таком ранении?

Наутро мы проснулись, были уже мужем и женой и вполне осознавали свой статус, а на подоконнике в большом пакете лежали девять кур — невестребованный продукт праздничного стола, который кто-то из родителей сунул нам с собой, чтобы мы не голодали. Что ж, прекрасно, даже замечательно! Только что же мы будем делать с девятью курицами, сиротливо лежащими на окне?

Семейная жизнь потекла по своим неумолимым законам, она была разной, и сейчас я иногда думаю, какими были мы. Наверное, нужно рассказать немного о нас.

Я тогда бросала университет, будучи глубоко и безнадежно беременной, а Славка учился на последнем курсе психфака. Как раз наступило время диплома, и мы решили не прибегать к помощи профессиональной машинистки (компьютеры, о, где вы?), а взять в прокате пишущую машинку, тем более что диплом у Славки был в голове, и надо было его кому-то надиктовывать.

Принесли домой какой-то «Ундервуд» — раритет, не иначе. Часть букв у него западала. Нажимаешь на клавишу, а она остается утопленной, и ты должен рукой все исправить. Запомнив, какие именно буквы западают, Славка старался не использовать слова, где они преобладали.

Он ходил по комнате, меряя ее ногами (шагов пять, не больше), на ходу сочиняя текст. Назывался он «Профессиограмма шахматиста», и скоро я погрузилась в сенсорные и тактильные ощущения, которые шахматист должен был испытывать в своей деятельности. Слова были непонятные, но научные, а значит, вызывали мой восторг и восхищение. Печатала я одним пальцем, производительность была чрезвычайно низкой, но зато это давало возможность Славке сосредоточиться.

Шахматист тут был неспроста и совершенно оправдан. Славка, кандидат в мастера спорта по шахматам, хорошо это дело знал и даже меня пытался к нему приобщить. Я просто не сказала, что умею играть в шахматы... ну, не умею, пусть, знаю, по крайней мере, как фигуры передвигаются. Мы с отцом часто играли, используя даже специальные часы.

Славка достал доску, а я спросила его, как двигаются фигуры. Он мне все рассказал, показал, а после того как не через три хода,

а через пять поставил мне мат, забегал по комнате, говоря мне возбужденно, что я могу совершить переворот в шахматах. Чтобы его успокоить, пришлось признаться, что я этим развлекаюсь на любительском уровне уже очень давно. Он остыл, но шахматных экспериментов не оставил. Он играл со мной вслепую. Поворачивался спиной и играл. Я пыталась мухлевать, но тут же все замечалось и исправлялось. Поскольку Славка играл не глядя, партия получалась с несколько большим числом ходов. Например, их было двадцать. Потом (выиграв, разумеется) он поворачивался ко мне, сноваставлял фигуры в исходную позицию и шаг за шагом проходил всю партию, все двадцать ходов, попутно объясняя мне, какая я бестолочь.

Еще мы любили читать. Славка записал нас в библиотеку на Садовой, и мы брали там книги, которые тогда невозможно было купить. Их трудно было и в библиотеке получить, но однажды, гуляя возле полок каких-то не то вьетнамских, не то тайских прозаиков, я заметила, что среди их нетленных произведений встречаются рассказы и повести авторов, совершенно для этого места неожиданных. Там, например, можно было отыскать Гессе или Фриша, Хемингуэй тоже иногда попадался. Я брала книгу, несла ее к женщине, которая заполняла формуляры, мы молча понимающе смотрели друг на друга, я уходила с заветным произведением, так и не поняв по существу, что же произошло.

Славка очень любил Стругацких, но достать их было невозможно. Тогда как раз вышел «Жук в муравейнике», а печатался он ежемесячно в журнале «Знание — сила». Мне, конечно, очень стыдно, но как только выходил новый номер с напечатанной главой, мы со Славкой появлялись в библиотеке, чтобы перелистать свежий журнал и покинуть здание с вырванными страницами за пазухой. А как еще прочитаешь? В библиотеке, в читальном зале? А вдумчиво, а с удовольствием и с расстановкой, а перечитать заново? Нет, даже сейчас я почти уверена, что тогда этот путь был единственным. Тогда в нашей жизни случилось много книг, прекрасных и великих, запрещенных и не очень. А еще тогда был Высоцкий.

Уж и не знаю, Славка ли здесь помог, или я сама, но Высоцкий занимает в моей жизни большое место. Я росла в особой среде, мамин второй муж был чемпионом Союза и мастером спорта по альпинизму, и песня «Здесь вам не равнина. Здесь климат иной» пелась у нас просто всегда, на любом сборе. Все мужчины занимались спортом, поэтому серия про бегунов-прыгунов тоже была хорошо известна.

Но это все были какие-то прикладные вещи. Славка познакомил меня с другим Высоцким, необычайно глубоким, с сильными пронзительными песнями. На долгое время он стал моей иконой, и даже сейчас, по прошествии стольких лет, ею и остается.

Жили мы хоть и бедно, но, на мой взгляд, интересно. Это был год Московской олимпиады, и весь Питер заполнили апельсины. Однажды я все деньги, что были, истратила на них, съела, а шкурки не выбросила — мне казалось, что они делают нашу комнатку праздничной и нарядной. Славка не очень разделял мои восторги, так как в доме не было больше никакой еды, но это уж такая мелочь, честное слово! Просто у нас, у беременных, могут быть свои причуды.

Причуды, надо сказать, бывают не только у женщин, ожидающих ребенка. Они случаются и у молодых людей, заканчивающих институт. Поскольку скоро должно было наступить лето и зимние вещи нам стали не нужны, Славке пришла в голову блестящая мысль сдать наши пальто и шубу в утиль. Пальто было шерстяным, поэтому потянуло на рубль с четвертью, а мой полушубочек искусственного меха — на несколько копеек. Такое разумное решение по утилизации ненужных вещей необходимо было отметить хорошим обедом, что мы и сделали в ближайшей пельменной, сократив таким образом наш доход наполовину. Когда мы выходили оттуда, в моей голове на мгновение мелькнула мысль, что после лета придет осень, а потом — новая зима... Но я отогнала ее, как ненужную и пустую. На дворе — весна, впереди яркая, счастливая жизнь, мы молоды, веселы и беспечны...

Годовщину нашей свадьбы мы со Славкой так и не отметили — едва протянули три с половиной года. Жалею ли я о чем-нибудь? Ни в коем случае! Эти три года были непростыми, и мы расстались без печали и обид. А впереди нас ждали другие свадьбы, и следующий мой брак был оформлен летом, в июле, когда жизнь в природе не просто зарождается, а обретает серьезную, зрелую красоту.

ПРОДОЛЖЕНИЕ ИГРЫ, или Моя июльская свадьба

Ура! Мама выходит замуж! Значит, мы с Санькой тоже можем жениться.

Квартира теперь в нашем распоряжении, потому что мама будет жить у Олега Александровича. Кончились два томительных года, когда мы не знали, где приткнуться. Хорошо еще, что мама тогда практически жила в Москве — я уж не помню, по какому поводу, из-за докторской, наверное. Каждую неделю она моталась в командировку, и тогда мы с Саней зажигали по полной. Так проходило два-три дня, а потом мама возвращалась, и опять — свидания, кино, поздние провожания домой, тоска несусветная. Сейчас-то было хорошо — мы жили в маминой квартире, а она — у будущего мужа.

Я пошла в комнату, где мирно спали Санька и Серега. Было десятое мая, вчера достойно отметили День Победы, гуляли допоздна, поэтому такое раннее известие никого не впечатлило.

— А ну, вставайте, поедем заявление подавать!

— Какое заявление? — Саня приоткрыл один глаз и уставился на меня.

— Да в ЗАГС же! — ответила я, а сама думала: «И почему это мужики так туго соображают?»

— А-а-а, — протянул Саня, как будто что-то вспоминая.

Вздохнул, потянулся за сигаретой.

— А ты уверена, что это надо делать именно сегодня? — в его голосе была надежда, что, может, от него отстанут и он опять ляжет спать.

— Ну конечно уверена, — весело сказала я, хотя если бы кто-нибудь спросил меня, что такого привлекательного в этом дне — не смогла бы объяснить.

Просто если мы не подадим заявление сейчас, то потом долго не соберемся. Я это знала — таков уж мой характер. Все нужно сразу

и сейчас, моментально, а если нет, то я вычеркиваю это из своей жизни, ничуть не сожалея о том, что что-то там не удалось.

Разбудили Серегу, который по традиции ночевал у нас. У него недавно родился сын, и хотя он обожал Гришку, частенько скрывался от Светки под всякими предлогами, чтобы отдохнуть от бесконечных памперсов и ночных бдений. Серега пришел в восторг от предстоящего действия, и мы с ним уже вдвоем снарядили в путь слегка упирающегося Саню. Он согласился подать заявление, если его на сегодняшний день никто, он повторяет — никто, не будет ограничивать в потреблении пива. Количество пива? Сколько захочет. Прекрасно! «Пей отраву, хоть залейся». Договор был устно заключен, и Серега стал свидетелем.

Мы с Саней были прописаны в разных районах и могли выбрать ЗАГС на свое усмотрение. Я решила, что будем регистрироваться в Санином — в своем я уже однажды выходила замуж.

Мы поймали черную «Волгу» и с шиком подкатили к ЗАГСу Московского района. Когда собрались выходить из машины — выяснилось, что документы о предыдущем замужестве я оставила дома. Пришлось возвращаться, и опять мы на черной, блестящей и по тогдашним меркам шикарной машине поехали по городу в сторону дома, а потом обратно. Все это время Саня радостно пил пиво, с любопытством постороннего человека наблюдая за происходящим.

Наконец, мы опять добрались до ЗАГСа и вошли внутрь. Оказалось, что часть дома ремонтируется, так что теперь и страждущие жениться, и разводящиеся люди были вынуждены сидеть в общей очереди, потому что работал только один кабинет. Так наша развеселая компания оказалась среди чрезвычайно печальных людей, которые с ненавистью смотрели и на нас, и друг на друга. Это так рассмешило Саньку, что мы с Серегой отправили его на улицу для выветривания пива из головы перед ответственным делом подачи заявления. Когда наступил момент войти в кабинет, мы не стали его звать и оформили все сами. Саня все это время мирно качался в парке на детских качелях, не подозревая, что судьба его, можно сказать, уже решена.

Спустя много лет, когда он бывал чем-то недоволен, то говорил иногда, что женил его на мне лучший друг, даже не спросив согласия, и что, дескать, другу этому он никогда такой подлянки не простит. А я неизменно отвечала ему, что Серега только заявление подал, а уж жениться Саня пошел сам, не под конвоем. На этом спор всегда

заканчивался, и мы соглашались, что Серега, в общем-то, сделал правильный выбор.

С Саней мы познакомились, когда я работала в детском саду и мы выехали летом на дачу. Сначала я не могла понять — что это парень, привозящий продукты для кухни, ко мне в группу заходит. Он приходил вечером, когда дети спали, и мы подолгу разговаривали. О чем? О книгах — Санька много читал. Я этого совершенно не ожидала от водителя ГАЗ-52, но, впрочем, кто же мог и меня, нянюку подготовительной группы, заподозрить в том, что я вообще грамоту разумею.

Оказалось, что у Саньки были удивительные соседи — все стены в их квартире представляли собой книжные полки. Однажды зайдя к ним, он, будучи еще совсем мальчишкой, попросил у них книгу про морские путешествия — и раз и навсегда открыл для себя удивительный мир. Санькины родители не запрещали ему посещать эту необыкновенную квартиру — они остались равнодушны к такому увлечению сына. За несколько лет Санька, можно сказать, проглотил массу книг, но так как им никто не руководил, то начитал он много разного и всякого. Еще он здорово рисовал и писал стихи. Мы играли с ним в игру — один придумывал первые две строчки, а другой должен был продолжить так, чтобы получилось целое четверостишие. Помню только один стих из этих литературных опытов.

Мы ехали однажды по сельской местности на его грузовике и увидели, что какой-то мужик украдкой собирает что-то на колхозном поле. Тут же у Саньки родились строчки:

*Дядька прямо на дороге
Рвет колхозное добро...*

Я продолжила:

*Уноси-ка, дядька, ноги,
А то сдам тебя в УГРО.*

Этим поэтическим играм не суждено было ни во что развиваться, потому что Санька писал хорошие стихи, а я в ту пору тоже считала себя поэтом — вот мы и ревновали друг друга к Музе, решив, наконец, что оба бесталанны, и бросили это дело.

Девчонки-воспиталки недоумевали, почему мы с Саней стали жить вместе. Он был моложе меня на пять лет, кругом прямо-таки цветник из незамужних молодых красавиц, а он запал на меня, жен-

щину уже, можно сказать, в летах, да еще и с ребенком. Когда мама узнала, что у меня появился такой кавалер, она сказала, чтобы я не сходила с ума и не связывалась с малолетними.

— Пригласи его с Денисом в шахматы поиграть.

Это был верх сарказма — Денька, мой брат, был еще моложе и тогда числился в детях.

Я долго не могла ни на что решиться, но потом плюнула на всех и вся и позволила себе окончательно влюбиться в Саньку. Вернувшись с дачи, мы стали встречаться. У его деда была однокомнатная квартира, ключи от которой он отдал внуку, поскольку сам по полгода проводил в своем садоводстве. Узнав, что мы с Санькой регулярно туда навещаемся, и наведя обо мне справки, Ирина Александровна, моя будущая свекровь, ключи у сына немедленно отобрала и запретила ему со мной видеться. Как же — парню двадцать три года, а здесь тетка под тридцать лет с ребенком-школьником на руках!

Нас это огорчило, но не смутило. Частенько в нашем распоряжении оказывалась мамина квартира, так что проблема решалась, несмотря на несогласие всех родителей. Так прошло два года, мне начинало это уже надоедать, но тут — о, радость — мама и Олег Александрович решили пожениться, значит, путь к семейной жизни был открыт и для нас.

И вот, как и в прошлый раз, когда я выходила замуж за Славку, нам выдали приглашения в магазин «Юбилей» и в универсам на праздничный заказ. Ничего как будто с прежних пор не изменилось, только теперь в городе все продукты были лимитированы и отпускались по талонам.

На этот раз местом их получения оказался большой универсам на Московском проспекте. Мне выдали какие-то жалкие пару-тройку банок не то крабов, не то шпрот, но апофеозом священнодействия стал торжественный вынос восьми маленьких бутылок водки. Так государство предлагало нам свадьбу сыграть. Я представила себе на праздничном столе эти восемь бутылочек, похожих на мензурки с лекарством, да-а... Как хорошо, что я работаю в магазине и у меня уже припасена совсем другая водка — экспортный вариант «Столичной» и другие более изысканные напитки. А пара банок крабов — как бы они решили проблему праздничного стола? Предвидя все это, я, разумеется, подготовилась, и продукты, самый наипервейший дефицит, у меня имелись.

Пока мы готовились к свадьбе, не стало Саниного деда. Событие по возрасту, конечно, ожидаемое, но все равно все сильно огорчились — дед был хороший, добрый, еще в силе, никого не обременял, а, напротив, оставил внукам наследство. Одному — квартиру, другому — дачу, да еще и денег каждому на книжке.

Когда мы подсчитали, то оказалось, что день нашей свадьбы — это сороковой день со дня смерти деда. Мы подумали-подумали и решили — регистрацию не отменять, гостей не собирать, а просто на следующий день посидеть с друзьями.

Из моих друзей должна была быть только Верка — подруга, с которой мы дружили тысячу лет, а все остальные гости, что называется, со стороны жениха.

В свое время знакомство с Санькиными друзьями было для меня большой проблемой. Их было четверо, все они еще не связали себя узами брака, но самое ужасное — они были одноклассниками. Это означало, что все как один моложе меня на пять лет! А то, что у меня имелась семилетняя дочь, — это для них невозможно было даже осмыслить.

Первый, с кем мы познакомилась, был Серега, который так коварно Саньку женил. Я сделала стол, вложив в приготовление продуктов все свое умение, чтобы он видел, что у Санькиной избранницы есть весомые достоинства. Мои беспокойства оказались напрасными — встреча прошла легко и приятно, я видела, как Серега незаметно для меня кивнул Саньке — годится, мол, а потом я познакомилась с остальными ребятами и была безоговорочно принята в компанию. Меня даже до того приняли за свою, что когда друзья собирались, например, в бильярд поиграть (у Толика была для этого оборудована специальная комната), то всем девушкам, какие у кого имелись, доступ в эту компанию был запрещен, кроме одной — меня. Это было лестно, и этим очень гордился Санька.

Ну так вот — наступил, наконец, торжественный день, когда мы с ним сидим в ЗАГСе, а какая-то женщина, отдавая нам свидетельство о браке за номером 999, говорит традиционные слова. Опять никого с нами не было, как и в первый раз, когда я выходила замуж за Славку, но не было и конфуза с кольцами и Мендельсоном.

На золото тогда выдавали талоны, на которые можно было купить только обручальные кольца, и их тоже нужно было доставать. Часов с семи утра я заняла очередь в «Искорку», и когда магазин, как положено, открылся в одиннадцать, уже огромная к тому времени

толпа хлынула внутрь. Моя мама дала денег достаточно, чтобы купить достойные кольца, но сегодня в продаже были заурядные, простые и неширокие. Тогда я там же купила Саньке часы — предмет его вожделений. Народ бился за металл, колец было мало, подходящих размеров — еще меньше, а я вспоминала, как месяц назад мы ездили в Нарву.

Это была поездка выходного дня, утром выехал, вечером — домой. Я никогда не была в Нарве и очень хотела посмотреть — Прибалтика все-таки. Денег мы с собой практически не взяли, а только ходили и смотрели, как наши русские тетки скупают в ажиотаже все, что только можно. Было как-то неловко за них, да и продавцы смотрели на все это с презрением. Вдруг нам попался на дороге ювелирный магазин. Зашли и обомлели. Золота, всякого, с камнями и без, удивительных форм... Серьги, кольца, цепи — все это в изобилии лежало на прилавках, а в магазине никого не было! Я быстро прикинула, сколько у нас с собой денег, и подошла к продавцу.

— Скажите, а я могу померить кольцо?

— Да, конечно.

— А что, я смогу его и купить?

— Ну разумеется!

Невероятно! У нас в Питере этот магазин разнесли бы на кусочки. Золото уже очень давно было дефицитом, купить что-либо казалось делом невозможным. Только по знакомству, по большому-большому благу.

Колечко было очень тоненьким, но изящным, самого простого фасона, но мне казалось, что в этой простоте заключена особенная элегантность. Поскольку мы с Санькой собирались в конце концов пожениться, то стали считать его обручальным в том смысле, что мы как бы обручились и совершили помолвку.

В день свадьбы никаких торжеств у нас намечено не было, поэтому мы, выйдя из ЗАГСа, зашли в небольшое кафе, посидели там, вспоминая деда, да и пошли домой. Там предстояла подготовка к завтрашнему пиру. Для начала надо было приготовить платье.

Как и в прошлый раз, свадебный наряд шился моей мамой. Только теперь это было не ее собственное платье, а взятая из журнала «Бурда» модель, которая понравилась маме, а в мою задачу входило обеспечить ткань. Мне удалось достать голубую, с серебряным отливом материю, и вот платье готово. Оно вышло, прямо скажем, не очень удачным, но серебряный перелив ткани обеспечивал ему дорогой вид.

Для создания шедеврального стола на подмогу мне была вызвана Верка, единственная и лучшая из подруг на тот момент. Саня уехал за гостями, мы сидели на кухне, резали салаты, в духовке томилось мясо, все как будто было хорошо... Вдруг на меня напал какой-то сплин: «Не хочу замуж — и все!» Все стало не нужно, безразлично и ни к чему. Я опустила руки и сидела, погруженная в глубокую печаль. Верка, хорошо знавшая, что я могу порушить сейчас все в один момент, забеспокоилась и стала искать способ выведения меня из состояния ступора. Ей показалось, что она его нашла.

— Лен, а ты выпей водочки, она тебя расслабит, в чувство приведет. Вот, смотри, сейчас маленькую откроем...

Верка открыла смешную бутылочку и налила щедрой рукой прозрачную жидкость в бокал. Я сморщилась. Да и куда напиваться до свадьбы-то?

— Давай-давай, пей, да и я уж с тобой заодно. За свадьбу!

Я лизнула напиток. Пить не хотелось категорически, но нельзя было обижать Верку, а та наполнила новый бокал себе и добавила водки в мой.

— Ну, видишь, полегче стало?

«Полегче» мне не стало, но я обратила внимание, что это народное средство сильно подействовало на Верку, она обрела прекрасное настроение и салаты стала резать гораздо крупнее, не заботясь об эстетике блюд.

Постепенно упадническое настроение проходило, хоть я и не воспользовалась Веркиным средством. Я даже повеселела и решила — ладно, пойду замуж. Приехали гости. Это все были Санины друзья, они сели за стол, который их совершенно потряс обилием дефицита, и праздник начался. Произносились тосты, мы целовались, и вот настал черед Верки говорить поздравительные слова. Она встала, и я сразу заметила, что все это время подруга отнюдь не пренебрегала напитками, продолжая, очевидно, лечебную процедуру. Она помолчала немного, как бы собираясь с мыслями, и произнесла:

— Вы не понимаете, как это важно!

Снова помолчала. Молчали и мы, ожидая продолжения и объяснения — почему же это событие так важно для нас. Потом мы услышали снова:

— Вы не понимаете, как это важно!

Эту единственную фразу Верка повторила раза четыре, а потом, прослезившись, села на место. Мы решили, что это был тост, и тост достойный, поэтому встали и, как полагается, поцеловались.

Через некоторое время Верка вызвала меня в коридор, сообщила, что пойдет проветриться, а то «что-то разволновалась», и, попрощавшись, исчезла в этот день навсегда. Так моя лучшая подруга пала жертвой своей самоотверженности, стараясь привести меня в чувство, выпивая при этом невероятное количество водки, но, утратив самообладание, достоинства не уронила. Я не позволила ребятам смеяться над ней, и потом, много лет спустя, мы все вспоминали это как милый, приятный эпизод, несомненно придавший свадьбе некую пикантность.

Свадьба прошла весело — ведь была одна молодежь, а потом, когда гости разъехались, мы с Санькой отправились домой к Толику смотреть запрещенные фильмы по видеку. Фильмы большей частью были эротические, что, в общем-то, соответствовало тематическому направлению первой брачной ночи.

Так началась наша семейная жизнь, и первым приобретением явилась собака. Вернее, это был огромный, размером с дога самец колли черного цвета с великолепным белым воротником. Звали его Тайгер, он был жутко породистый, очень красивый, что и доказал впоследствии, получив медали на выставке. Как оказалось, такого породистого щенка нужно выращивать как малое дитя — с кормлениями в строго отведенное время, витаминами, специально приготовленными блюдами, прививками, и мы с Санькой буквально организовывали по Тайгеру дежурство — кому сегодня отвечать за еду, лекарства, прогулки и прочее.

Песик рос, превращаясь постепенно из существа, похожего на хорька, в красивую собаку, и наступил момент, когда его нужно было тренировать. Саня решил, что займется этим сам, — и преуспел. Мне всегда нравилось наблюдать, как они переходят дорогу. Идет пес, идет хозяин, кажется, что между ними ничего не происходит, но собака в нужном месте останавливается, садится, когда надо, а то, обойдя хозяина, занимает положенное ей место у левой ноги. Люди приходили в восторг, наблюдая такое взаимопонимание человека и животного, не подозревая, что Саня тихим голосом произносит команды.

Все наше внимание было поглощено подрастающим щенком, и, наконец, моя дочь Ленка возмутилась.

— Вот у вас есть свое животное — Тайгер, а у меня никого нет.

Я решила, что ребенку необходим свой зверик, и, однажды увидев на столбе объявление о том, что некто отдаст в добрые руки котят,

сочла, что мои руки достаточно добрые, чтобы приютить у себя котеночка.

Когда я вошла в квартиру, навстречу мне двинулась красавица-кошка. Серая, пушистая, она стала тереться о мою ногу. Затем из кухни показался самец той же породы, крупный, добротный. Хозяйка в это время отлучилась в комнату, а потом вышла, неся на руках абсолютно черного котенка, у которого только за ушами были какие-то белые перья. Да-а, подумала я, папа-кот явно к отпрыску отношения не имеет. Ну что ж, тогда тем более — юный пасынок особенно нуждается в моих добрых руках, и, заплатив символическую плату (так полагается почему-то), я понесла кота домой, коего и вручила дочери, гордо держа на ладони.

Котенок был очень маленький и худой и тут же получил имя Дерьмовик, потому что по сравнению с уже выросшим огромным Тайгером он казался совсем ничтожным. Имя у него потом трансформировалось в Мусю и, несмотря на то, что стало как будто женским, так за ним и закрепилось. Муся очень полюбил Тайгера, и частенько можно было, порывшись в шерсти лежащего пса, найти там мирно спящего котенка.

Вообще-то кот у нас был не первый. Еще когда мы жили и работали на даче, мы с Санькой завели кота по имени Лопух (как видите, имена, даваемые нашим животным, не отличались особенной изысканностью), он был простой, но прямо-таки огромный кот. Жил он при кухне, набирая вес, ленив был страшно, но любили его все. Когда его с детским садом отвезли в город, он опять стал жить на кухне и достиг веса в девять килограммов.

Был у нас еще один, можно сказать, зверь — попугай-неразлучник, которого мама звала петухом, потому что он был весь зеленый, а голова огненно-красная. Злее этой птицы я никого не встречала. Как только кто-нибудь приближался к клетке, попугай яростно бросался на нее и грыз железные прутья. Целыми днями он, как часовой, обходил свою территорию, зорко следя, чтобы никто не приблизился к нему ближе чем на метр.

Он повывергивал из своего хвоста все перья, и если ему давали кусок газеты, он клювом делал из нее полоски, вставлял на место выдернутых перьев и гордо ходил по клетке с бумажным хвостом, очевидно, полагая, что так он выглядит красивее.

Еще в нашей жизни были рыбы, хомяки, лягушки... Но, стоп, а же не об этом!

Родители Санькины долго нашу свадьбу не признавали — мало ли кто где когда поженится! А мне было обидно — жуть. Но однажды все изменилось. Наступал Новый год, когда мы с Саней, уже супруги, были приглашены на праздник в его семью.

Ленку я отправила в ссылку к бабушке, чтобы не терзать сердце Ирины Александровны присутствием постороннего ребенка, достала лучшее платье, Саню одела во все чистое с иголки — пусть свекровь знает, что я мужа в порядке содержу. Приехали, сели за стол. Григорий Ларионович, Санькин папа, тут же разрядил атмосферу, предложив всем выпить. Кое-как завязался разговор, но мы с Ириной Александровной не обмолвились ни словом друг с другом. Что же делать? Надо же как-то контакт налаживать. Ничего не приходило на ум. А в это время в духовке томился гусь, блюдо, которое удавалось свекрови лучше других, и она хотела им похвастаться. Время от времени она бегала на кухню — проверять готовность блюда. Однажды вслед за ней вышла и я...

Что сказать? Присидели мы с Ириной Александровной на кухне часа два, обнявшись, ревели чуть ли не в голос, жалуясь друг другу и на свою женскую долю, и на мужиков, которые ничего в нас, женщинах, не понимают, и что молодость уходит...

Иногда в проеме двери появлялись то Саня, то Григорий Ларионович, готовые возмутиться нашим отсутствием, но, увидев такую картину, уходили тихонечко, боясь нарушить наше единение.

Так я подружилась со свекровью, и хотя в нашей жизни были разные моменты, новогодние слезы на кухне мы помнили обе и дорожили памятью тех минут.

А гусь? Он благополучно высох в духовке, превратившись в нечто, до боли напоминающее мумию. Есть его, конечно, можно было, но только варварским способом — отрывая сухожилия зубами. Потом пришли друзья, вечер стал шумным, громким, мы вскоре вышли на улицу — продолжать праздник.

Я была счастлива — меня приняли в Санькину семью. Санька тоже был рад — его выбор одобрили.

И потекла жизнь, целых восемнадцать лет. Было много веселого, еще больше — горького, но, как говорится, время лечит.

Время, время... Сейчас уже нет в живых ни Ирины Александровны, ни Сани, ни его отца. Поэтому я и написала этот рассказ, чтобы они остались такими, какими я хочу их помнить.

ПРО СКАЛЬПЕЛЬ, СИГАРЕТЫ И МЕЧТУ

Я вышла на крыльцо. Было раннее утро, чистое, не омраченное ничем. Как хорошо на даче! Я люблю бывать здесь весной, когда природа еще только просыпается, а зелень листвы и травы имеет очень юный салатный оттенок. Летом она потемнеет, станет серьезной, и дела на даче приобретут пахательное-собирательное направление. А сейчас — смотри да радуйся, природа пробуждается, ты за нее как-то даже рад.

Да, жизнь определенно удавалась, и настал момент сказать маме, что я решила сделать пластическую операцию груди. А то что это такое? Моемся мы с ней в бане, приезжает ее подруга, говорит: «Ой, девчонки, я сейчас к вам», а я, как была намыленная, ухожу. Не могу, чтобы меня видел кто-то незнакомый, смущаюсь. И так всю жизнь.

Мама пришла в ужас: добровольно, когда не болит, просто так пойти под нож — это невысказано. А что делать человеку, когда у него по жизни такой комплекс, что невозможно нормально существовать? Она сама помнила, как в Финляндии, в аквапарке мы, купавшись в бассейнах, решили пойти в сауну погреться. У входа висела картинка, где был изображен перечеркнутый купальник.

— Не пойду, тут тебя подожду, — сказала я.

Сказала окончательно и бесповоротно. Снять купальник в присутствии большого количества народа, когда у меня так все плохо наверху — невозможно.

— О господи! Ну иди в купальнике, замерзнешь ведь, погреться надо, — мама осуждала, но на людях не критиковала строго.

Так я и сидела на полке, довольная, что экипирована достаточно, чтобы все остались в неведении относительно моих гипертермофированных форм.

Все, кто меня хотя бы немного знал, считали, что ничего такого уж страшного у меня не было. Грудь, в общем-то, как грудь, ну великовата, ну низковата, а так... не операцию же делать. А я раньше и не

собиралась. Прочла как-то, что увеличить грудь — это семечки, никаких проблем, а уменьшить сложно. Надо ведь, чтобы она еще и красивая была, высокая. Шло время, я успокоилась, решив, что придется, видно, так и жить, как вдруг мне на глаза попала рекламная статья о том, что, дескать, клиника изменяет грудь как в ту, так и в другую сторону.

В голове зароились мысли: «а что, а если...». А вдруг и правда сделают! Решила — если это не убийственно дорого, пойду.

Мама перестала со мной разговаривать, надеясь втайне, что это все же блажь, сиюминутное желание. Она не знала глубины и серьезности моих комплексов.

И вот настал момент, когда я сидела в вестибюле клиники пластической хирургии, где мне была назначена консультация.

Словоохотливая до утомительности женщина, сидевшая рядом, раторила без умолку.

— Я сделала себе плечи и бедра. Знаете, мне ведь было трудно двигаться уже. Посмотрите, какие у меня руки. А бедра? Потом я сделала подтяжку лица и веки, посмотрите, какие у меня веки.

Я критически оглядела мою соседку. Руки как руки, полноватые даже, веки слегка болезненного вида, но и впрямь молодые. Я только не могла понять, зачем ей все это. Она была настолько никакая, неинтересная и некрасивая, что, как ни делай веки-руки, красоты не добудешь.

Устыдившись своих, как всегда, критических мыслей и осудив себя, я стала листать журналы. Они в избытке лежали на столе и были очень предсказуемы. Вид спереди «до» и «после». Выбраны, конечно, наиболее удачные варианты. Нашла свою операцию. Что ж, очень даже красиво и выглядит несложно. Я, пожалуй, еще одновременно и живот подтяну.

В кабинете сидел молодой приветливый врач. Он осмотрел меня, и мы поговорили. Вот тут-то и наступил момент истины. Он достал совсем другие журналы, где процесс операции был показан без прикрас, последовательно, с подробностями, с реальными шрамами. У меня потемнело в глазах и слегка качнуло. Да, для этого понадобится мужество. Я перелистывала страницы, все больше приближаясь к завершающим фотографиям. Нет, все-таки буду делать. Все равно так жить дальше не смогу. Жалеть буду потом невероятно, потому что больше не соберусь.

— Сколько это будет стоить и успею ли я поправиться? Мне через месяц надо в Тунис ехать.

Врач слегка растерялся и медлил с ответом. Вот здесь я поняла, что операция действительно серьезная, раз хирург не знает, каково мне будет через месяц. Не поехать в Тунис я не могла, не рискуя испортить отношения с мамой окончательно. Мои дела, какие бы они не были, не должны нарушать ее планов, а она очень хотела в Тунис.

— Да, конечно, успеете, — в ответе врача явно читалось сомнение, но я решила этим пренебречь.

Мы условились о дате проведения операции. Она должна была произойти не мгновенно — надо было сдать огромное количество анализов. Время до поездки в Тунис еще уменьшилось, но я уже решила.

Я вышла на улицу другим человеком. Села покурить. Боже мой, у меня все будет красиво! Я позвонила маме.

— Ну, что тебе сказал врач? — спросила она, явно рассчитывая на то, что я отказалась.

— Операция двадцать восьмого, — ответила я и выключила телефон, потому что в трубке уже раздавались короткие гудки.

Вплоть до самой операции, до самого последнего дня мама со мной не разговаривала. А я летала на крыльях, сдавала анализы, врал, что мне надо в банк, а сама ходила по врачам, потому что мама (мой строгий начальник) не отпускала с работы, всячески мне препятствуя и видя, что все напрасно. Экзекуцию я назначила на праздники, чтобы рабочих дней поменьше задействовать и никто не смог предъявить никаких претензий.

Вечером, накануне великого дня, мы шли с мамой с работы и много смеялись впервые за последние дни.

— Ты не боишься? Ведь завтра в восемь утра... — мама сдерживала себя, чтобы не наговорить грубостей.

— Ну как ты не понимаешь, завтра же произойдет чудо, я стану красивой. Как можно бояться?

Мама смотрела на меня и видела, что это правда. Было совсем не страшно. Я стояла на пороге новой счастливой жизни. Думаю, что всему человечеству было все равно, но я была убеждена, что в моей жизни теперь все изменится.

— Мам, вспомни, как у тебя было с зубами. Когда тебе сделали их красивыми, ты обрела гораздо больше степеней свободы, чем раньше, ты сама говорила. Ты стала более успешной, открытая красивая улыбка не раз сыграла свою роль.

— Да, пожалуй, но грудь! Об этом будешь знать только ты.

— Это не важно. Главное — я себя буду чувствовать по-другому, более уверенной.

— Не знаю... И почему тебе не страшно?

Больше мы об этом не говорили. Я смотрела на Садовую — по ней шли люди и не знали, занятые своей обыденной жизнью, что завтра все будет иначе!

Мы шли домой, говорили о ерунде, а мысли уводили меня в сторону. Я давно замечала, что могу параллельно говорить и думать на разные темы, особенно с мамой. И не потому, что говорить с ней неинтересно, а просто мы настолько давно друг друга знаем, что и слова-то произносить почти не обязательно. Я шла и думала о мужестве. Я не боюсь, но это сейчас. А при других обстоятельствах?

Что такое мужество? Это у всех по-разному.

Однажды я лежала в больнице, меня туда доставили в тяжелом состоянии. «Это было дело минут», — как сказала медсестра. То есть мне ставалось жить несколько минут, если ничего не предпринимать.

Прошла пара дней после операции под общим наркозом, и я, еще слабая, лежала и смотрела на вновь прибывших.

Привезли девушку с копчиковым ходом. Это когда что-то воспаляется в спине, там, где копчик, нарывает, боль нестерпимая. Ей сделали операцию, привезли в палату, но она не спала. Все по обыкновению спят, так как операции подобного рода проходят только под общим наркозом. Она лежала на животе, а из спины у нее текла кровь. Сначала намочила простыня, потом одеяло. Потом сквозь одеяло тяжелые капли начали падать на пол. Я точно знаю (по себе), что ей было нестерпимо больно. Кто-то из наших, кто мог ходить, позвал врачей. Они набежали, руками замахали, скоренько погрузили ее на каталку — и увезли.

Через полчаса она вернулась. Белого цвета. Оказалось, что у нее не зашили какой-то сосуд. Врачи наживую, без наркоза, почти через край залатали ей эту дыру — и привезли обратно. Она лежала и молчала. Не издала ни звука.

— Тебе больно? — спросила я.

— Очень, — тихо ответила она.

Это было высочайшее проявление мужества. Я такого не встречала — и преклоняюсь перед этой неизвестной мне девушкой.

Мне доводилось встречать разные проявления эмоций. И при боли в том числе. Люди могут кричать, впадать в истерику или не испытывать боли при шоке. Так случилось, когда я с детским садом выезжала на дачу.

Родительский день. Женщины-матери, как правило, на уборке, а мужчины-отцы — на колке дров. Целый день рубить дрова —

не шутка. Мы предупреждали доблестных мужчин, чтобы они смеялись друг друга. От однообразной монотонной работы глаз «замирается», и можно по руке тяпнуть топором. Так и случилось. Ко мне подошел один такой и говорит: «Я себе палец поранил».

— Идем, — говорю. — Здесь сторож с женой, у них, наверное, аптечка есть.

Пришли к сторожу.

— Давай, покажи палец, — говорю.

Он в лицо сует мне руку, а пальца-то нет! Только черное вздутие. Сам улыбается.

— Тебе больно? — боюсь потерять сознание, спрашиваю я.

— Нет, — и улыбается.

— Стой здесь, — говорю я и бегу к тому месту, где он рубил дрова. В голове вертятся какие-то не то фантастические, не то правдоподобные рассказы о пришитых пальцах. Твердо знаю одно — нужен лед. По счастью, май выдался холодный и на крышах детских корпусов сохранилось немного льда. Я зову всех мужчин.

— Там лежит отрубленный палец, — я стараюсь говорить это твердым голосом и гоню от себя воспоминания о страшном вздутии на руке. — Я не могу его взять. Вы — мужчины, надо его найти. Надо собрать лед с крыши. Надо найти машину, которая отвезет его в город.

В это время я замечаю жену того несчастного. Говорю ей ободряющие слова — а она улыбается, кивает мне головой. Я поняла — тоже в шоке. Все говорили, что машину я не найду. Дачники, мол, нехорошие люди, никто просто так не поедет. Но, видно, что-то важное было в моих словах или глазах, только первый же с готовностью согласился помочь. Мы погрузили в машину и жену, и мужа, и завернутый в несколько полиэтиленовых пакетов, переложенный тающим льдом палец. Конец у этой истории простой и прекрасный — палец пришили. Не знаю, все ли функции восстановились, но когда они пришли благодарить меня, палец выглядел вполне нормальным и естественным.

Это я к тому говорю, что здесь человеку мужество не потребовалось. Когда он отрубил палец, очевидно, испытал такой болевой шок, что сознание отключило ощущение боли. Тем большее восхищение вызывает у меня девушка, которая с великим мужеством переносила нечеловеческую боль и вела себя в высшей степени достойно. Сохранить достоинство трудно. Вернее, не всякому удастся. А мужество... Никто никогда ничего не знает.

В день операции я явилась в больницу и тут же кинулась к медсестре.

— Где у вас курят?

— Нигде.

— А что же делать, я же не могу не курить, мне обязательно надо курить, — я уже нервничала из-за таких глупых порядков, и хорошая сигаретка быстро привела бы меня в чувство.

— Врачи не разрешают. Но вы знаете, тут у нас была одна пациентка, так она такую истерику закатила, что ей все-таки разрешили покурить.

Я успокоилась — в крайнем случае, есть на них управа, а когда оказалась в палате, то сигареты демонстративно выложила на тумбочку. Смотрите — я курю! Если что, так я только таким способом прихожу в себя.

Включила телевизор. Там как раз была какая-то аэробика, и я вместе с диктором принялась выполнять упражнения. Увлечлась и не заметила, что некоторое время назад в палату вошли врачи и наблюдают за мной. До такой степени не боялась, что занялась физкультурой и не слышала ничего.

— Посмотрите на нее, — они смеялись, понимая несуразность ситуации. Человек пришел на операцию и развлекается поднятием ног под музыку. Чудеса!

Я встала, и ко мне подошел врач, который проводил консультацию. Он уже не улыбался.

— Лена, нам с тобой сейчас предстоит серьезная операция. Я думаю, все будет хорошо.

В это мгновение я полюбила его окончательно, бесповоротно, навеки, можно сказать. То, что он вдруг обратился ко мне на «ты», сразило меня наповал, а слова «нам с тобой» сделали нас необычайно близкими, почти родными. Я почувствовала к нему такое доверие, что даже тень беспокойства улетучилась. А когда он сказал, что мне не нужно бы травиться никотином пару недель, чтобы раны быстрее заживали, я поняла, что вообще больше не буду курить. Вот как я ему поверила!

Потом они нарисовали на мне зеленкой какие-то каббалистические знаки, сделали укол — и все.

Очнулась я в палате, потрогала себя. Объем явно уменьшился, значит, все уже произошло. Тут же я стала счастливая — меня устроило уже то, что размеры изменились, а уж о красоте формы я и не мечтала. Рядом со мной лежала женщина с каким-то клювом — поправляла нос. Лицо было все черное, оно представляло собой один сплошной синяк, но она тоже была счастливая и все норовила пока-

зять фотографию, где она была с прежним носом, некрасивым, по ее мнению. Все показывала какую-то перегородку и обвисший кончик. Мне ничего не было заметно, но я понимала — это были ее проблемы, не дававшие ей спокойно жить.

К ней пришел очень печальный муж, и тут я узнала, что операция эта далеко не первая и что соседка моя стала, пожалуй, жертвой болезни, когда люди не могут без пластических операций. Улучшат что-нибудь, останутся как будто довольны, но не успеют раны зажить, как их опять тянет что-то изменять, доводить до совершенства. Считается, что критический срок от четырех до десяти месяцев. Если человек в этот период не удержался и направился к пластическому хирургу — есть основания для беспокойства. Я твердо решила, что ничего у них не выйдет, не дождутся они этого от меня. И ошиблась. Я снова там оказалась. Правда, случилось это через четыре года, и новая операция явилась в какой-то мере следствием этой.

А сейчас я лежала, вся перебинтованная, счастливая, другая, но страшно хотелось курить. В голове начал созревать план. Пребывание в стационаре было оплачено еще на сутки, но я убедила врача, что завтра меня некому будет встретить, поэтому надо выписаться прямо сегодня, прямо сейчас. Он с трудом, но согласился, и вот я, вольная птица, уже на улице.

Мои сигареты я забрала по причине излишней крепости и купила в ларьке самые легкие, с длинным фильтром, суперзащищенные. Первая же затяжка заставила меня немедленно сесть на скамейку, благо ларек находился на остановке. Голова закружилась, чувствовалось, что могу здесь упасть. Я потушила сигарету. Вот и славно! Оказывается, я не совсем могу курить. Тут же стала считать — если я буду выкуривать по столько-то за раз, в день мне понадобится три-четыре сигареты (это против моих-то ежедневных полутора пачек!), а это уже, считай, бросил курить.

Меня встречала на машине мама. Она жила на даче, и мы решили, что после операции я поживу выходные с ней, так как от Сани помощи ждать не приходилось — он то ли входил в запой, то ли выходил из него. Мы тогда жили уже отдельно, и я только фиксировала его состояния, изредка вызывая врачей для капельницы.

Мамина машина остановилась неудобно — мне нужно было перейти дорогу дважды. Я ее видела, но она была далеко, и я заплакала. От слабости. В моей руке был пакет, в котором лежала лишь ночная рубашка, сигареты и книжка, но даже такую тяжесть мне нельзя было поднимать. Я шла и плакала, а мама смотрела на меня через стекло,

и я не могла сказать ей, как мне трудно и больно. И потом нельзя было показывать слезы, ведь она меня предупреждала, и винить мне, кроме себя, было некого.

— Надо купить водку, так сказал врач, — слезы высохли, и я старалась говорить обычным голосом.

— Зачем? — спросила мама в ужасе.

Тут человек едва на ногах держится, а ему водку прописано принимать!

— Не знаю, он сказал, так легче будет.

Мы приехали на дачу, сели за стол, стали пить-выпивать. Я взяла недокурную сигарету и попыталась, сидя у камина, пару раз затянуться.

— Знаешь, я, пожалуй, брошу курить, что-то мне нехорошо, — сказала я, зная, что эти сказанные, пусть даже невзначай, слова навсегда вычеркнули меня из клана курильщиков.

Я как бы маме слово дала и нарушить его не имела никакого права. Меня никто не ограничивал, но я знала, что мама будет презирать меня, если я не выполню обещания, а это пережить было нельзя.

Ночь была тяжелой. Я стонала от боли, почти не спала, не спала и мама. Мы с ней поняли, зачем нужна была водка. Она как бы снимала ломку — последствия применения сильных обезболивающих лекарств. Да и боль, казалось, уменьшала.

Весь следующий день я пролежала в кровати, слабая, несчастная. Ждать от мамы слов сочувствия было бесполезно. Она только воздевала руки к небу и говорила, что ей непонятно, зачем человек сам с собой такое сотворил.

Потом начались другие страдания. Курить хотелось так, что мутнело сознание.

Я тогда переводила бесконечные «тысячи» на английском для сдачи кандидатского минимума. Сижу, гляжу в текст, а сама думаю: «На камине лежит пачка сигарет. Я же никому никаких клятв не давала» и все пытаюсь вспомнить, с какой степенью твердости я сказала маме, что брошу курить. Может, я сказала это в предположительном смысле, может, тон моих речей носил характер размышления на тему: «А не бросить ли мне когда-нибудь (не завтра!) курить?» Нет, нельзя. Даже неуверенный тон не спасет — слово брошено. Мне бы не хотелось увидеть, как мама посмотрит на меня, когда в руках моих окажется сигарета.

Я уехала с дачи, так и не закурив. Это было великое достижение! Оказавшись дома, я уничтожила все, что было связано с табаком.

Пепельницу и многочисленные зажигалки отдала Сане — он-то не собирался бросать курить. Так я прожила один день, а потом взвyla. Пришла в комнату к Сане.

— Иди в аптеку, делай что хочешь, но купи средство, которое мне поможет. За любые деньги. Иначе я за себя не отвечаю.

Саня пошел за лекарством.

— Сильно страдает? — спросила девушка в аптеке.

Саня махнул рукой и сказал, что лучше не спрашивать.

— Я вам тогда посильнее лекарство дам.

Это оказались жевательные резинки, содержащие никотин. Не знаю, как они, но мне точно помогла брошюрка, которая к ним прилагалась. В ней говорилось, что важно сбить стереотипы. То есть если вы курили дома — важно от этой привычки избавиться, уничтожив все предметы для курения. Если вы курили на работе — надо иметь мужество не пойти со своими друзьями в курилку. Раз не пошел, два — глядишь, и звать перестали. А если вы много курите, когда пьете, то надо попасть в такую ситуацию и показать всем, что вы теперь другой. Дело было в праздники, и я напросилась в гости к своим друзьям, мужу и жене, которые курили как сапожники. Уж если избавляться от стереотипов, так с трудом, через преодоление!

Сказать, что мне было трудно, — значит приуменьшить страдания до ничтожной степени. Я сидела за столом, праздник постепенно набирал обороты, количество выпитого увеличивалось, а рядом на столе лежала незажженная сигарета. Как искушение, как провокация. Мне почему-то казалось, что это усилит эффект, упрочит его и сделает курение невозвратным.

— Ленка, если ты в результате всего этого бросишь курить, тогда — да, игра стоила свеч.

Эти мамины слова придавали мне силы, останавливали, когда казалось, что терпеть невозможно. Да и ради чего терпеть? Курила же я двадцать пять лет — и ничего. Но постепенно, с каждым часом, отвоеванным у никотина, мне становилось легче. Я удержалась.

На работе тоже все прошло не очень просто, но с той самой минуты, когда я, сидя у камина, сказала, что брошу, я не выкурила ни одной сигареты. Хотя мне даже сейчас, по прошествии пяти лет, снится, что я курю. Видимо, что-то крепко засело в подсознании.

Результатами операции я осталась очень довольна, мне все очень нравилось, но, бросая курить, я тут же набрала тридцать килограммов. Я всегда говорила, что никогда не буду толстой, а тут случилась со мной такая беда. Я думаю, что привычка что-то делать ртом (ведь

курильщик все время держит сигарету во рту или около) заставила меня непрерывно есть. Мне надо было что-то жевать. Я вставала ночью и пекла блины, а однажды на даче, когда мы с мамой уже собирались ложиться спать, сказала, что сварю щи для завтрашнего обеда. И не поленилась, потратила на это пару часов, зато наградой мне была хорошая тарелка щей, щедро политых сметаной.

Меня распирало вширь, и наконец мама сказала, что так дальше продолжаться не может. По телевизору она нашла какую-то рекламу про похудение и записала меня на прием.

Когда я приблизилась к дому, где располагалась клиника, то увидела табличку, на которой крупными буквами было написано, что здесь печат от тяжелого алкоголизма, пристрастия к азартным играм и наркомании. Как бы невзначай, мелким почерком значилось, что от излишнего веса тоже спасут. В это верилось с трудом. Может, потеря веса — это какой-нибудь побочный эффект от лечения алкоголиков?

Меня встретила женщина-врач, похожая на медсестру, и стала заполнять какую-то карту. Очень много и тщательно расспрашивала о моих пристрастиях, а мне подумалось, что я заодно и от алкоголизма вылечусь. Пример медленно угасающего Сани впечатлял.

Немного смущаясь, я сообщила ей, что помимо лишнего веса меня беспокоит и пристрастие к спиртному. Это ее почему-то обрадовало, она почувствовала уверенность и стала задавать привычные вопросы, а то чувствовалось, что проблемы ожирения для нее новы и не вполне освоены.

— Значит, вы — алкоголик? — строгим учительским тоном спросила она меня.

— Безусловно! — торжественно заявила я.

— Вы пьете для того, чтобы захмелеть?

— Разумеется! — весело отвечала я, недоумевая по поводу этого вопроса, ведь люди пьют не для того, чтобы остаться трезвыми.

— Ясно, — сказала она, понимающе кивая головой.

Ужасающий диагноз был, очевидно, поставлен, и меня уже отнесли к определенной группе злоупотребляющих. Я бы еще от наркомании и пристрастия к различным играм полечилась, но это совсем уж не про меня.

Велено было прийти завтра на процедуры. Сначала меня какими-то магнитами лечили, потом электричеством. Я должна была представлять некий прибор то к запястью, то ко лбу, держа его так минут по тридцать. Сидение в неподвижности утомляло, но в моем распоряжении было множество журналов. Все они были «Плейбой».

Я сначала недоумевала, что за пристрастия у пациентов, а потом поняла. От ожирения в этом заведении лечилась только я одна, все остальные были алкоголики, не бедные, правда, а так, обеспеченные. Все они были мужчины — вот и литература соответствующая.

Просидев на аппаратах часа три, я могла расслабиться и приступить к лечению другого рода. Меня приглашали в темную комнату, где находился огромный телевизор. Я ложилась на кушетку и должна была неотрывно смотреть на экран. Там появлялись диковинные фигуры, как в калейдоскопе, они сменяли одна другую в непрерывном ритме. Это был эффект двадцать пятого кадра, поэтому надо было все время смотреть на экран. Но поскольку мне надевали наушники, где звучала какая-то средневековая музыка, то минут через двадцать ко мне подкрадывалась сладкая дремота, экран телевизора тускнел, красивые изображения на нем переставали существовать.

Потом моя врач-сестра меня безжалостно будила и надевала какие-то странные очки. Они были абсолютно непрозрачны, более того — в них на разные лады мигали лампочки. Даже с закрытыми глазами я испытывала дискомфорт от непрерывного мельканья. В это время врач ходила по комнате и разговаривала со мной. Совершенно замогильным голосом она повторяла фразы: «Я буду есть умеренно. Мне не надо много еды. Я не буду больше пить. Вкус алкоголя — как вкус кошачьей мочи».

Все это действие меня чрезвычайно веселило. Что за сравнения! И потом, мне ни о чем не говорит вкус кошачьей мочи, ведь я никогда ее не пробовала. Неужели не понятно, что сравнения должны быть с предметами и ощущениями знакомыми. С чем я буду сравнивать?

Так прошел день, другой. На третий день, когда я сидела на аппаратах, врач тихонько, чтобы не слышали другие пациенты, вдруг заговорила со мной.

— Ну как? Хотелось?

— Чего? — растерялась я. Ну и вопросыки здесь!

— Выпить, — шепотом промолвила она и оглянулась, не слышит ли кто.

— Нет, — я пожала плечами, удивляясь, почему мы говорим шепотом и почему вообще об этом говорим.

— А вчера?

— Нет.

— А позавчера? — свирепая, спросила врач.

— Нет, — уже испуганно ответила я, чувствуя, что в чем-то провинилась.

— Ладно, — недовольная, она, наконец, отошла от меня.

Прошло еще два дня. Этот разговор повторился, и врач сказала мне, чтобы я не морочила ей голову, что я не алкоголик, и с той поры из ее завываний в темноте исчезли слова про алкоголь и кошек.

Я похудела, но главным образом потому, что после работы в течение четырех-пяти часов сидела на лечении без еды, а домой возвращалась такая уставшая, что ни есть, ни пить была уже не в состоянии. Потом мой вес очень быстро вернулся, я посидела на множестве диет, ничего не помогло, и тогда мама записала меня в фитнес-клуб.

До сих пор этот период жизни я вспоминаю с содроганием. Пойти и добровольно поистязать себя, подавать себе нагрузок, побегать и походить с утяжелением — это сродни средневековым пыткам. Результат мизерный, придет недели через две (и придет ли?), а ты должен практически висеть на дыбе, распятый тренажерами, этими орудиями инквизиции.

После занятий мы шли домой, а мама спрашивала меня, испытываю ли я чувство глубокого удовлетворения и гордости от того, что так современна, слежу за собой и прочее. А я отвечала, что чувствую себя глубоко несчастной, истерзанной и голодной.

Это продолжалось где-то семь месяцев, фитнес радости мне не принес, как не принес и желанной стройности. Я уже было впала в отчаяние, как увидела по телевизору рекламу о том, что можно в желудок вставить резиновый шар, который заполнит собой все пространство, и пища просто некуда будет деваться. То есть питаться будешь, как птенчик, мелкими, ничтожными порциями, остальное организм не примет. Я тогда не знала, что не примет в буквальном смысле слова.

Процедура осуществлялась в Москве, надо было туда ехать, и, странное дело, мама не только не была против, но и еще денег в долг дала. Видно, мой гороподобный вид ее совсем доконал.

Клиника была современной и дорогой, с комфортабельными палатами и вышколенным персоналом. Моей соседкой по палате оказалась москвичка лет пятидесяти, развлекающаяся тем, что корректировала свою фигуру на протяжении длительного времени и многократно.

— Ой, вы видели рекламу с Верочкой Алентовой, где она говорит, что жизнь после сорока только начинается? Как не стыдно! В ее случае надо говорить, что после шестидесяти. Хотя выглядит хорошо, надо признать. А Люся? Не правда ли, какая прелесть? Молодец, я так ее уважаю. Какая Люся? Боже мой, да Гурченко, конечно!

Она с легкостью перебирала известные имена и делала это типично по-московски, создавая впечатление, что это все ее знакомые.

Зашел разговор о Египте. У меня после поездки осталось тягостное впечатление от нищеты и убогости этой страны, где даже проживание в шикарнейших отелях не спасает — люди и пейзаж вокруг те же. Моя же соседка обожала Египет, причем выяснилось, что жили мы в гостиницах, стоявших по соседству. Они ездили туда с мужем каждый год.

— Что же вам там нравится, объясните, — я, наконец, нашла человека, который, видимо, сможет объяснить мне, в чем прелесть Египта.

— Море, — последовал недоуменный ответ.

Да, пожалуй, этого не отнять. Если закрыть глаза на плохой сервис, неустроенность и несоблюдение любых правил цивилизации, то море — это да, это действительно то, ради чего стоит туда ехать. Они с мужем так его любили, что их не смущало то, что к морю их привозили на автобусах.

— Ой, вы знаете, мой муж так увлечен всем этим! Он каждый день уплывает подальше в море и кормит там рыб. Хлеб он кладет в трусы — больше ведь некуда, и, представляете, рыбы его покусали!

Мне стало смешно. Я представила себе этого фаната рыбьего прикорма с набитыми хлебом плавками, а потом его же, когда стая рыб набросилась на еду. Интересно, что он испытал? Моя соседка рассказывала об этом с легким оттенком печали — стало быть, рыбы какой-то ущерб ее супругу все же нанесли.

Наконец мы расстались, каждая пошла на свою процедуру, и больше я ее никогда не видела. Мне вставили в желудок этот шар (неприятное действие) и отправили домой, наказав явиться где-то через полгода для того, чтобы этот шар извлечь.

Так началась моя жизнь в течение восьми месяцев, окрашенная в серые тона. Организм действительно не принимал большой объем пищи, и я скинула с десяток килограммов. Потом все затормозилось, вес не уменьшался, но я продолжала носить в себе эту штуку просто потому, что так было положено. Удаляли ее тоже в Москве. При этом делается такой полуобщий наркоз, то есть тебе вводится какое-то лекарство — и ты пребываешь в сонно-заторможенном состоянии, не спишь, но и не бодрствуешь. После процедуры я, еще не придя в себя, отправилась на вокзал — хотелось поскорее домой. Купе было неудобным, таким, когда люди по три человека сидят друг к другу лицом. Это очень утомительно. Рядом со мной сидела очень приятная на вид молодая женщина, а напротив расположились трое веселых мужчин, которые очень обрадовались нашему с ней появлению. Они, очевидно, рассчитывали нескучно провести время, скрашивая тоску пути разговорами и шутками с прибаутками.

Меня слегка покачивало, и сознание внезапно ненадолго отключалось, поэтому я решила сразу же все объяснить, чтобы никто не посчит меня не заблуждался и с разговорами не приставал. Я обернулась к девушке.

— Вы знаете, если я ненадолго буду отключаться, то вы не пугайтесь — я только что после операции, и наркоз еще не отошел.

Она почему-то обрадовалась и стала закатывать штанину.

— Посмотрите, а у меня нога в гипсе, — возбужденно заговорила она. — Я тоже еще под наркозом!

Я посмотрела напротив. Вытянутые лица наших попутчиков говорили о многом. Повезло же им оказаться в купе вместе с подраненными тетками, которые к тому же грозились время от времени впадать в забытье! Мне же это полубморочное состояние скрасило путь, и я незаметно для себя оказалась дома.

Худой я пробыла недолго, около года. Вес с какой-то неумолимой настойчивостью набирался, отвоевывая у стройности один килограмм за другим. И настал тот день, когда я сказала себе: «Пора, мой друг, пора» — и отправилась в ту же клинику, где делала первую пластическую операцию. Думалось, что небольшая липосакция принесет желанную стройность и удовлетворение собой. Прошло уже четыре года, как я была здесь, значит, о пристрастии к операциям говорить пока рано. Хотя...

Прием осуществлял тот же врач. Он вспомнил меня, осмотрел и пришел в восторг от своей предыдущей работы. Я согласилась с ним. Ему удалось угадать пропорции, внешний вид и прочее.

Врач меня сразу же огорчил. Мои эксперименты с весом (колебания — плюс минус двадцать килограммов) сделали невозможной легкую липосакцию и привели к необходимости делать серьезную операцию. Я думала недолго. Врачу я доверяла, а потому уже через пару недель забинтованная, перетянутая какими-то резиновыми поясами, была дома. Живота как не бывало. Снова обретя счастье, я как-то незаметно для себя и похудела даже.

С тех пор прошло полтора года. Я снова толстая, но теперь почему-то беспечная. Живота по-прежнему нет, а вес распределился в других частях тела, но меня это даже веселит. Чем я не Дженнифер Лопес?

Толстая и добротная, я перестала быть отвратительной самой себе, и, кажется, обрела душевный покой. Основную часть своей жизни я была худой и стройной, пора бы и толстой, в конце концов, побыть какое-то время. Так ведь лучше, правда?

В ПЕРВЫЙ РАЗ

Она заметила его сразу, потому что красивее никого на курсе не было. Подойти первой познакомиться казалось немислимым, поэтому она ходила, вздыхала, как и большинство девчонок. Ей было семнадцать лет. Ему — тоже.

Они учились в разных потоках и если бы не оказались случайно в очереди в буфете, то, скорее всего, ничего бы и не случилось.

Она стояла с подружкой, очередь не двигалась, перерыв кончился, а чашку кофе выпить нужно... Сзади встали два парня, о чем-то спросили. Она обернулась: Он! Сам! Заговорил! Моментально все переменялось. Жизнь обрела смысл и очертания, хотелось смеяться и поверилось в счастье. И они уже смеялись и обменивались шутками, а она замечала, что Он улыбается именно ей, а не подружке! Она ловила каждое слово. Оказывается, он живет в общежитии — приехал из Белоруссии. Ничего страшного! Зато — какой красивый! И умный!

Он рассказал, что у них самая необыкновенная комната — на потолке из скрепок сделана паутина, а в центре ее сидит паук.

— Заходите, не ошибетесь, такая комната единственная, — а сам смотрит взглядом, в котором не ошиблась еще ни одна женщина.

— Хорошо, как-нибудь...

Когда они с подружкой уже вдвоем пили кофе, она спросила:

— Слушай, а ты не знаешь — где у нас общага?

— Не знаю, где-то на Васильевском...

— Мне точно нужно. Адрес, понимаешь?

— Ты что, с ума сошла? Неужели поедешь? Прямо сегодня?

— Да!

— Да ты даже его фамилию не знаешь, номер комнаты...

— Я знаю, какая у него комната, — с пауком!

Она уже потеряла голову. Зачем ехать — этим вопросом она не задавалась. Просто точно знала, что ехать надо, она поедет — и точка.

Через два часа она стояла перед зданием общежития, в котором оказалось целых пять этажей. «Как же я найду эту комнату? И что я скажу ему, когда увижу?»

Она закрыла глаза, вспоминая сегодняшнюю встречу. Только бы увидеть его, поговорить, вернуться в то ощущение счастья, которое вот-вот, уже на пороге, уже совсем рядом...

Комнату она нашла почти сразу, просто шла по коридору — и вошла. Все было — и паутина, и паук, только его не было. Зато на одной из кроватей лежал здоровенный белобрысый детина и с удивлением смотрел на нее.

— Вы к кому?

— К нему, — она прошла и села на пустую кровать. На его кровать.

— А-а... Его сейчас нет. А вы в гости?

— Да, — спокойно ответила она, как будто это было для нее привычно — ходить в общежитие к незнакомым парням.

— Тогда, может, сходить в магазин?

Вопрос удивил, но не очень — она ждала Его.

— Сходите... Только зачем?

— Ну, не каждый день у него гости.

— Ладно...

Она осталась одна. Было не страшно. И почему-то не стыдно. Она пришла просто поглядеть на него, увидеть, как он улыбается той, зовущей улыбкой.

Нет, неправда! Ей было уже ясно, что произошло что-то такое, что перевернет всю ее жизнь, и она чувствовала, что готова к переменам.

Когда он вошел, она сидела на его кровати, сидела, как будто и должна тут сидеть. Посмотрела ему в глаза и увидела — он рад. Все! Сразу последние сомнения улетучились, они уже весело болтали, а тут подоспел и друг с портвейном и какой-то едой.

Она пить не умела — ее алкогольный опыт ограничивался бокалом шампанского на выпускном школьном вечере, поэтому рюмка неизвестного и довольно противного напитка быстро сделала свое дело. И все закрутилось, завертелось, стало неясным и прекрасным, и она не заметила, как оказалась в темной запертой учебке. С ним. Один на один.

Они долго и страстно целовались. Этого ей тоже еще не приходилось делать, и она думала: «Надо же, это происходит со мной! Как в кино, только по-настоящему! Так вот как это, оказывается, бывает!»

Потом они, обнявшись, уснули на его кровати.

Это случилось утром на полу комнаты на матрасе, разрисованном голубыми полосами. Он потрогал влажное пятно на простыне — кровь.

— Ты что — девушка?

— Да...

— Ну, дела! Ничего себе!

Он был явно смущен, ходил по комнате, а она смотрела на него с нежностью, которая переполняла ее всю. «Мы ведь теперь муж и жена. Какое счастье!» Так она думала, потому что откуда-то из книг, из фильмов знала, что теперь все — они обручены, можно сказать. У них то самое — любовь, настоящая, вечная...

Ей никуда не хотелось идти, но он решил, что на занятия все-таки стоит поехать, они собрались и вышли на улицу.

О, теперь совсем другая женщина шла по улице. Она смотрела на людей и думала, что они ничегошеньки не понимают, идут по своим делам, заняты своими же мыслями, а тут свершилось такое! «Я — женщина! И я иду по улице с любимым человеком!»

Она посмотрела на него — он молчал. Ей подумалось, что, может, он тоже взволнован и не нужно к нему приставать. Они приехали на факультет, разошлись по группам, а когда занятия окончились, ей сказали, что он уехал. Как же так? Почему? Ведь он же ее любит, слова какие говорил... Нет-нет, все в порядке, это он просто растерялся. Радость куда-то пропала, осталось чувство тревоги и пустоты. Она почувствовала, что ехать к нему не надо. Можно все и навсегда испортить.

В эту ночь она пошла к подруге. Та ни о чем не спросила, только поставила *Pink Floyd*, и они молча просидели полночи, погруженные в звуки музыки, думая каждая о своем. Утром она помчалась в институт. «Вчера это было так, помутнение! Сегодня все будет иначе! Ведь мы теперь одно целое, мы не можем друг без друга!»

Она была в этом настолько уверена, что когда увидела его в библиотеке, заулыбалась, помахала ему рукой и быстро пошла к его столу. Но что-то случилось, и ее шаги становились все медленнее — он не смотрел на нее. Он читал учебник, и его совершенно не интересовало, что кто-то там идет по проходу. Очень тихо она подошла к нему.

— Здравствуй!

— Я занимаюсь.

— Здравствуй!

— Не мешай, у меня завтра зачет.

Она ничего не понимала. Этот человек, ставший для нее самым близким и родным, ближе всех, сидит и не замечает, не хочет ее замечать.

Она села рядом, дотронулась до его руки.

— Посмотри на меня... Это же я...

— Мне надо заниматься.

Она встала и медленно пошла к выходу. Ей вдруг стало отчетливо ясно, что все кончено, ничего больше не будет. Должно было произойти только то, что произошло.

Она вспомнила о доме, о матери. Ужас! Что ее там ждет? И как идти туда, когда случилась такая беда? Как выдержать все это, когда жить-то невозможно дальше...

Долго стояла у двери — открывать не хотелось. Добровольно добавить себе еще боли, зачем? Но идти надо...

— Где ты была?

— Влюбилась...

Она стояла у двери, а в зеркале отражалась ее фигура, такая знакомая и привычная, только лицо казалось совершенно чужим. Губы были синими, они распухли от неумелых жарких поцелуев, но пугало не это. На нее смотрела женщина, к которой ей теперь придется привыкать, женщина, лишенная иллюзий, веры, опустошенная и поэтому страшная в своем новом знании.

— Он тебя что — бил?

— Нет...

— У вас что-нибудь было?

— Нет!

Она ответила слишком громко, слишком быстро и увидела, как у матери моментально осунулось лицо. Все было ясно.

— Что, у него ничего не получилось? — уже ненужный вопрос был задан просто по инерции.

— Почему не получилось... Получилось...

— Я жду тебя на кухне.

Когда она пришла туда, мать сидела, положив ногу на ногу, глядя на противоположную стену, и уже что-то решала, как-то справлялась с ситуацией, потому что не могла, ну просто не могла пребывать в пассивном отчаянии. Она курила, глубоко затягиваясь, сигарета прыгала в пальцах, и скоро такой привычный табачный дым стал возвращать всех в реальность, в знакомую жизнь, где все, в конце концов, решается.

— Так. Поздравляю. Женщина. И что дальше?

Она не знала, что ответить матери. Как ей объяснить, что ничего не будет, что ее бросили. Бросили в первый же день! Она молчала. А мать говорила... Рассказывала, как ее разыскивали, как обзвонили морги и всякие там службы экстренной помощи. И родственники-то все всполошились, и чудилось-то им неизвестно что...

А она сидела напротив матери, чужая, незнакомая. Смотрела в пустоту, не слыша ничего, и никто на свете не знал, что она в этот день умерла.

РАЗГОВОР С КОТОМ НА ДВЕ РЫБКИ

— Ах ты, паршивец! У тебя то же самое в плошке лежит, точно такая же жареная корюшка... Так нет же! Тебе нужно именно из моей тарелки последнее доесть!

«Мы его на помойке нашли, очистили от очисток, а он тут нам фигвамы рисует». Так, что ли? Нет, брат, не выйдет, это вообще не про тебя. Ты кто такой есть? Неизвестно! Единственное, что мы точно знаем, ты — кот. В том смысле, что не гусь. И не лошадь. То, что ты плохой кот, мы обсудим позже, но что вся кошачья шатия-братия суть твои родственники — это факт. Приходится признать.

Оставь тарелку!

Надо же! Самую первую, самую дорогую корюшку я трачу на это бесполезное животное, которое еще к тому же не желает довольствоваться посудой, предназначенной как раз для таких, бесполезных и бесцеремонных.

Видели бы мои гости, кто последним трапезничает на тарелках с розами... На тех самых, с красивыми алыми розами, из которых и человеку-то есть нужно с придыханием и благоговением.

Да-а, распустила я тебя. За шестнадцать лет нашего совместного проживания ты, Муся, обнаглел. О, не надо делать такое лицо! Я знаю — имя женское, а ты — мальчик. Хорошо, согласна, давай будем звать тебя полным именем — Дерьмовик. Не очень, да? Ладно, выбирай из десятка имен, которыми я тебя нарекла в разное время, — Лемюэль Джексон, Непетря, Петруша... Педрилик, наконец... Муся — лучше? Мне тоже так кажется.

Наелся? Что сидишь печальный? Никто с тобой не играет... А может, тебе собачку купить? Ага, сейчас! И прекрати драть диван. У меня в доме из-за тебя разруха. Мебель куплена два года назад, а вид имеет такой, как будто я ее на помойке или в лучшем случае на барахолке раздобыла. А белый ковер, купленный для спальни? Третий год

на лоджии лежит. Зачем купила — и сама не знаю. Белый! В квартире, где живет черный кот! Твоя шерсть, Муся, настолько всепроникающая, что порой мне кажется, будто я тоже ношу на себе пусть небольшой, но заметный слой пушистого покрова.

Что тебе еще? Что это за стоны? Не нужно сообщать мне, что тебе надо в туалет, я и так скоро об этом узнаю. Я, можно сказать, живу в туалете, постоянно убираю за тобой, а ты еще ходишь проверять — насколько тщательно я это делаю.

Слушай, Муська, а ты ведь старый, наверное, уже. Оттого и вредный. Сколько ты мне всего побил-переколоти! От уникальных бокалов для шампанского не осталось ничего, даже стеклышка. А это ведь был эксклюзивный набор, мне его москвичи-банкиры подарили... Никакого почтения. Вот и сейчас — из таких тарелок...

Все, отстань, нет больше корюшки! Понравилась, да? Мне тоже... Ну, иди сюда, ложись, только не очень близко, а то от твоего умывания шерсть во все стороны летит. Ну что, ну что? Погладить тебя, да? Благодарить за рыбку? Ладно... Приблизься, змей. Эх, куда ж мы друг без друга. Ты — старый перечник, да и я, сам понимаешь, не девица.

Не царапайся, лежи спокойно, наслаждайся лаской хозяина. Скупой, суровой лаской ЧЕЛОВЕКА. Хотя, подозреваю, что правильно в книгах пишут — ты думаешь, что это я в твоём доме живу, а не ты у меня. Хорошо, пусть так. Тем более что это так похоже на истину. Я тебе готовлю, убираю за тобой и, как кто-то сказал, выполняю все твои команды.

Ты, Муся, конечно, паршивец, но ведь именно это мне в тебе и нравится. Имей ты покладистый и смиренный нрав, был бы, подозреваю, скучен и неинтересен. А так — борюсь с тобой уже шестнадцать лет, и все без толку! Зато у нас обоих в жизни есть цель — выяснить, кто кого.

Ладно, спи, вон уже запыркал. Пыр-пыр-пыр. Спи. Завтра корюшки нажарим и будем ее, заразу, из праздничных тарелок есть — какие наши годы!

ЗВОНОК В ДВЕРЬ

«Кто там еще?»

Звонок прозвучал неожиданно, а потому резко и неприятно.

Она подумала, что это, наверное, Маринка со второго этажа. Опять какие-нибудь взносы на сигнализацию, покраску, решетки от бомжей...

Ей нравилось, что есть такая Маринка, которая везде позвонит, со всем разберется, если, например, свет погас или вода потекла куда не надо. Такие люди — всегда большая ценность и редкость.

Слегка досадуя, что оторвали от монитора, она подошла к двери. Смотреть в глазок было бесполезно — второй день как не было света на лестнице, а знаменитая активистка со второго этажа еще не подсуетилась.

А может, это и не Маринка... А может, тетки-мракобески, которые пытаются Библию толковать по-своему и заманивать в какие-нибудь секты доверчивых женщин, а может, картошку предлагают или еще что-нибудь... Надоели...

— Кто?

— Машина пришла.

Голос за дверью был мужской. Уверенный и спокойный. Обычный.

— Какая машина? — Она прикинула в уме. Вроде бы ничего не заказывала, не покупала...

— За покойным.

Вдруг как-то сразу и очень внезапно стукнуло сердце. И пустота. И тишина. Долго-долго.

— Знаете, это не смешно.

Она успела произнести слова твердым голосом, а ноги уже слабели, а мысли побежали-побежали... А что если, а где-то вдруг...

Снова спокойный вежливый голос:

— Квартира сто шестьдесят четыре?

Ей вдруг стало остро больно, что-то стрельнуло в голове, как будто лопнуло, сердце стучало так, что от этого звука закладывало уши.

Ее квартира...

— Да...

— А дом — двадцать четыре?

— Да...

И дом! Адрес совпадает! Она не открывала дверь, но человек, стоящий по ту сторону железной перегородки, и не пытался проникнуть внутрь.

Он хотел забрать тело.

И больше ничего.

— Это мой адрес, но у меня никто не умирал, — сказала и тут же почувствовала, что не совсем уверена в этом.

Что-то произошло... Где, с кем?..

По разные стороны двери стояли и молчали два человека.

Время не шло, не бежало, оно тягуче, как мед, сочилось откуда-то, тяжелыми каплями падая вниз, совпадая с ударами сердца. Звуки потерялись, стало ватно, глухо и очень темно.

Она прислонилась к стене и вдруг почувствовала, как ждет, ждет, ждет — что скажет этот незнакомый человек, потому что только в его силах было отвести беду.

А тот за дверью уже ругался с напарником, уже нажимал кнопки мобильного телефона и какой-то Алле кричал, что они, мать вашу, как дураки, приехали не туда...

Потом звук отъезжающего лифта — и все.

Только она одна стояла у закрытой двери, потеряв разом все свои силы.

Прошло всего три минуты с тех пор, как она сидела за столом и равнодушно читала скучное письмо в компьютере. А теперь, испуганная и какая-то ненадежная сама для себя, ушла в комнату и тихонько присела на диван, прислушиваясь к чему-то и пытаясь успокоиться.

Ужас от предчувствия постепенно уходил, оставляя после себя разрушения, травмы и раны — страшно болела голова, и что-то творилось с дыханием.

Тяжело, как давно и безнадежно больной человек, она поднялась, прошла в коридор и погасила свет в прихожей.

Ничего не случилось. Подумаешь — ошиблись адресом...

ПРО МАГАЗИН

— Так, сейчас подумаю... Ты будешь у нас Элеонора Георгиевна! — Фоминична была очень довольна таким решением.

— Но ведь меня зовут Елена Егоровна, — робко сказала я, представляя себе, что подумает мама, когда узнает, как меня здесь нарекли.

— Нет, нет и нет! Ты только представь себе: я — Вера Фоминична, до тебя здесь была Галина Федоровна, а теперь — здравствуйте вам — Елена Егоровна! Скажут — пошла Россия-матушка вперед! Нет, решено! Только Элеонора Георгиевна, и не спорь.

Так под этим непривычным для себя именем я начала трудиться в продовольственном магазине в должности заместителя заведующей хлебного отдела.

Что это такое, я понимала с трудом и оказалась-то здесь случайно. Просто я работала в детском саду кладовщиком и ежедневно ходила к Фоминичне за хлебом. Она ко мне присматривалась, а потом, решив убрать Галину, позвала меня. Место-то хлебное, в каких смыслах ни понимай. Я недолго думала — дочка уже в школу пошла, и необходимость работать в детском саду отпала сама собой.

В мои обязанности входило заказать хлеб на завтра, обзвонив хлебозаводы, принять товар, включающий в себя кроме хлеба еще и кондитерские изделия, торговать целый день, а потом составить «опись дел», то есть посчитать остатки.

Означенная «опись дел» всегда смущала меня до крайности. На бумаге это выглядит вполне пристойно, а вот если произнести вслух — получается что-то непотребное, в среде приличных людей недопустимое. Однако магазин — это общество более чем смешанного типа, так что там никаких возражений не возникало.

В моем подчинении были два кассира и бригада грузчиков. Я вместе с кассирами работала «два через два», а у грузчиков график был «три через три», поэтому получалось, что ты то с одними, то с дру-

гими ребятами работаешь. Грузчики все были веселыми, сильно пьющими и, конечно, далеки от желания работать.

Пили они целый день, изредка и нехотя вставая для того, чтобы разгрузить эти непонятно зачем приехавшие сюда машины с хлебом. Иногда машин было много, и я разрешала страждущим заработать грузчикам из других отделов помочь нам. Чаше других приходил один — Толик. Он был совсем плох, неопрятен и небрит. Я решила выяснить, в чем проблема.

— Толик, почему не бреешься- то?

В ответ он зарыдал и протянул ко мне дрожащие руки.

— Нечем бриться!

Я сначала подумала, что у бедняги нет бритвенных приборов, а потом поняла, что отсутствие пригодных рук, так сказать, довело его лицо до крайней степени небритости.

Еще был Сашка-наркоман, веселый шустрый парень, который всем нашим в магазине чинил заморские магнитофоны, лихо заменяя импортные детали на отечественные и продавая их потом с рук. Магнитофоны между тем работали прекрасно, так что никто не был ни в накладе, ни в претензии. У Сашки был друг, здоровенный парень, слегка с приветом. Как-то я увидела его паспорт и ужаснулась — он был весь разрисован синими цветочками.

— Что ты наделал, он же теперь никуда не годится!

— Ты ничего не понимаешь, — сказал он, приходя в недоумение от моего скудоумия. — Я же собираюсь стать шпионом, поеду за границу, мне понадобится фальшивый паспорт, а у меня уже есть!

Такой вот контингент. Были и другие, постарше, но тоже, к сожалению, пьющие. Впрочем, мне с ними удавалось ладить. Только иногда, когда их праздник души уж слишком затягивался, приходилось принимать меры. Сначала я пробовала разгружать машину сама, ни слова им не говоря, являя, так сказать, пример достойного поведения. Это их нимало не смущало, они с интересом наблюдали за тем, как я лихо управляюсь с лотками. Вскоре наиболее совестливые все же вставали из-за стола и шли мне помогать, но не все. Наиболее стойкие, они же наиболее пьяные, оставались безучастными, но тогда и мне приходилось действовать жестко — их увольняли. Что на всех поголовно грузчиков действовало безотказно, так это то, когда я, вооружившись железным крюком, которым вытягивают лотки с хлебом из машины, шла в их святая святых и произносила какое-нибудь матерное слово. Только этим я могла сразить их наповал. Они не верили

своим ушам и... шли работать. «Елена Егоровна ругается матом!» — из уст в уста передавали они эту новость. Это означало, что я доведена до крайней степени сердитости и лучше со мной не спорить.

Однажды у нас завелась крыса. Она забежала из магазина, под дверями были огромные щели. Я пришла в ужас! Мало того, что я боюсь их до умопомрачения — она же перепортила мне весь товар! Этого я стерпеть не могла, вызвала дядьку, который набил пороги, да еще и обшил их железом. Получилось красиво, появилась даже некая эстетика, а главное — надежно. Теперь никакая тварь не пройдет, думала я, но не учла одного обстоятельства — люди годами ходили из магазина к нам в булочную и к порогам были не готовы. За первые два дня после моего нововведения я услышала в свой адрес много разных слов, новых эпитетов и всяческих сравнений. Но самое страшное произошло, когда на порог наткнулась Павловна. Женщина она была размеров величайших, особенно в нижней части. Фоминична даже говорила: «Слушай, Павловна, тебя бог за что-то наказывает — он заставляет постоянно носить сзади целый мешок с сахарным песком».

Я сама не видела, но люди говорили, как падала Павловна. Она и так-то не очень ограничивала себя в крепких выражениях, а тут выдала такую тираду, что даже выдавшие виды грузчики онемели на некоторое время, замороженные музыкой незнакомых слов. Оказавшись в горизонтальном положении, Павловна еще некоторое время лежала на полу, стуча кулаком по порогу, по двери и по любому, кто к ней приближался. Наконец, усилиями нескольких человек ее удалось поднять, после чего она ушла к себе в кассу и долго сидела там, отказываясь выходить и страшно ругаясь. Потом Павловна еще долго дулась на меня.

История с крысой, однако, на этом не закончилась. Пороги я набила, но она-то осталась в моем отделе и начала портить хлеб. Пришлось заняться научными исследованиями. Я заметила, что крыса ест хлеб только из третьего снизу лотка в стопке. Тогда я стала этот лоток освобождать и класть в него брак, неизбежно случающийся при транспортировке. Так мы просуществовали пару дней — я с нормальным хлебом, и животное не без питания. Потом яд сделал свое дело, но еще долго по магазину ходили легенды, «как Ленка крысу кормила». Работники магазина говорили, что никогда не видели, чтобы вредителю уделялось такое повышенное внимание.

В магазине много пили. И практически все. Я сначала не могла понять причины этого, а потом догадалась. Там все время делают

вещи, которые не одобрили бы ни Госторгинспекция, ни народный контроль. Эти организации проводили постоянные и внезапные проверки, и старые работники магазина учили меня, как надо работать.

— Лен, делай так, чтобы тебя в крайнем случае в уборщицы перевели, и никогда не делай ничего такого, что потянет на десять лет с конфискацией.

Я это усвоила очень хорошо и старалась вообще ничего не делать. Мне часто говорили: «Нет, Ленка, ты человек не торговый». И действительно, люди, имеющие такую же должность, жили не в пример богаче. Я не могла иногда через что-то переступить. И не потому, что хорошая, а просто не могла, и все.

А люди пили, чтобы снять стресс после трудового дня. Были, правда, и просто алкоголики, которые выпивали просто так, для души или потому, что не могли иначе. Наиболее колоритной фигурой была Тамара. Мы звали ее Томик, и работала она в главном зале кассиром.

— Томик, зачем ты пьешь? Директор ведь запретила, и потом — как ты выйдешь в таком состоянии к покупателям?

— Лен, так дело-то в том, что я не смогу выйти к покупателям, если не выпью! Как же я выйду трезвая-то?

Вино она пила из большой эмалированной кружки, наполняя ее сразу до краев. Глотала медленно и с удовольствием. Посидит, пождет прихода. И точно, в глазах появляется блеск, в движениях — легкость, из кармана достается то, что раньше было помадой, несколько движений в области губ, взмах расческой — и сияющий, довольный Томик спешит дарить себя людям — покупателям.

Страшна она была неимоверно, больше походила на мужчину и была женой того самого Толика, который утратил возможность бриться. Вместе они составляли необычайно колоритную пару. Я никогда не видела ни одного из них трезвым, и мне было интересно, а они вообще разговаривают о чем-нибудь или нет?

Так случилось, что время моей работы в магазине совпало с вводом талонов на продукты. Это было тяжелейшее время. До сих пор помню, как я вышла в главный торговый зал, где были все отделы, кроме хлебного.

Шел последний день, когда можно было отоварить мясные талоны. Мяса, естественно, не имелось в наличии, но зато его можно было заменить колбасой. Из колбасных изделий в отделе была только копченая грудинка, состоящая из одного сала. Подойти к прилавку было невозможно — настолько магазин был забит народом. Все ругались, кричали. И вот один высокий здоровый мужик, действуя мощным

плечом, проложил себе дорогу к продавцу и добыл-таки заветный кусок жира. Подняв его высоко над головой, с видом победителя он вышел из толпы, тесные ряды тут же снова сомкнулись, а по ним прокатился завистливый гул: «Счастливцев!»

Как завороженная, я стояла и смотрела на все это — до чего же людей можно довести. За что же их ставят в такое положение, когда они должны выбирать: или сохранение хоть какого-то человеческого достоинства, или только лишь удовлетворение естественных нужд — утоление голода.

В связи со всем этим хлеба стали потреблять больше. Ежедневно у меня в отделе скапливалась гигантская очередь, а в месте выгрузки машин были расставлены посты из добровольных дружинников, которые пытливо следили за тем, чтобы ни одна буханка не была мною продана налево. Какое тут налево! Количество заказов пришлось увеличить втрое, а каждый заказ на хлебозаводе — это пара батонных колбас, выклянченной мной в гастрономе. А им за колбасу — чай подавай, а он тоже по талонам. Вот и раскладываешь пасьянс, чтобы у тебя хлеб был, чтобы люди не ругались и не говорили, что в блокаду лучше жили. После очередного такого заявления я шла вечером к маме домой и ревмя ревела от усталости, эмоционального перенапряжения и от того, что люди абсолютно не ценят моих усилий.

Работающим в магазине, конечно, жилось легче. Ненамного, но легче. Просто талоны иногда невозможно было отоварить — не было такого продукта в наличии, а работники магазина, находясь ежедневно среди продуктов, могли не только получить необходимый товар, но и выбрать получше. В нашем отделе тоже был дефицит — чай и конфеты.

Чай был по талонам, которыми я ежедневно отчитывалась за проданный товар, а вот конфеты — просто так, но из-за них случались настоящие битвы. Сахарного песка можно было приобрести в месяц только один килограмм, поэтому конфеты моментально вознеслись на высшую ступень дефицита. Пакет карамели «Лимончик» стал валютой, дающей тебе вход куда угодно.

Ежедневно меня посещал бдительный народный контроль, состоящий из одной неприятной тетки, которой нужен был дефицит — и только. Приходили просто люди, недовольные чем-нибудь, писали жалобы. Этих было много, а одна любительница эпистолярного жанра писала целые послания в торг, оснащая свои произведения прямой речью, междометиями и восклицаниями. Потом, когда полмагазина, чуть ли не стоя на коленях, уговаривали ее снять жалобу,

она, довольная, сочиняла новый шедевр, начиная его неизменно со слов: «Ладно, жалобу снимаю».

В таких забавах проходил день, наступал вечер, время приближалось к закрытию. Я заметила, что покупатели идут стайками, порциями по несколько человек. То нет никого, а то вдруг — толпа. Без десяти девять появлялись «безумные», как мы их называли. Эти люди скупали все, что попадалось им под руку, — хлеб, конфеты, пряники. Раньше ведь не было ночной торговли, единственный магазин, который работал до десяти, — Елисеевский, но ведь до него еще добраться надо. А так — деваться некуда, сиди без хлеба до утра.

Наконец магазин пустел, кассиры закрывали свои аппараты, а уборщица складывала инвентарь в углу кладовки. Грузчики уходили первыми, потом все остальные, и я оставалась одна. Я любила это время. В гулкой тишине огромного зала чувствовалось успокоение, он остывал от недавнего громкого гула возбужденных людей, стука хлебных лотков и грохота передвигаемых контейнеров с хлебом. Я бродила среди полок с товаров, подсчитывая остатки, и в меня тоже постепенно входило чувство покоя.

Потом наступало время закрытия магазина. Надо было сдать все на сигнализацию, последовательно закрывая массу дверей. Наконец, выйдя на улицу и убедившись, что лампочка горит не мигая, я шла домой. Магазин закрывался в девять, но с работы раньше одиннадцати не уйдешь. И никто не гарантировал, что на этом все закончилось — довольно часто срабатывала сигнализация, а поскольку я жила гораздо ближе, чем Фоминична, то звонили, конечно, мне. Я говорила: «Хорошо, сейчас иду», спокойно заканчивала ужин, а потом уж шла в магазин. Всегда получалось, что мы с Саней приходили раньше милиции.

Я открывала одно помещение за другим в полной темноте, потому что главный рубильник находился в последней комнате, а в этот момент приезжала милицейская машина. Заметив наши темные силуэты, они направляли на нас луч какого-то очень мощного фонаря и через мегафон сообщали, что видят нас и чтобы мы не двигались. Было такое ощущение, что все мы — участники боевика с погонями, выстрелами... Помедлив некоторое время, потому что не хотела расставаться с романтикой триллера, я доставала на свет связки ключей и сообщала громко, что свои, мол.

Потом мы с ребятами из охраны проходили шаг за шагом весь путь заново, убеждались, что злоумышленников нет, закрывали ма-

газин, и все шли по своим делам, хотя это и не значило, что мы не встретимся сегодня еще раз, а то и два.

Одна из особенностей национальной торговли (впрочем, как и любой другой) — исхитриться добыть прибыль из чего только можно. В этом не было бы ничего удивительного, но дело в том, что, находясь в стенах одного помещения, товар, проходя через различные руки, приносил каждой паре этих рук какой-то пусть малый, но доход.

Способы добывания прибыли в деньгах, в граммах, штуках, бутылках были многочисленны и виртуозны. Например, при фасовке колбасы достаточно положить на весы простой карандаш, которым пишут цену на упаковке. Он и не весит-то ничего, а если взять по сумме? А если за целый день фасовки, когда разрезано и развешено несколько сотен килограммов? Эти миллиграммы постепенно складываются в килограммы, и, глядишь, каждая из фасовщиц оказывается к вечеру не без колбасы. Причем здесь надо учесть, что масштабный доход уже был подсчитан и получен задолго до этого группой великих, называемых «материальщиками» из-за их материальной ответственности. Каждый на своей ступени общения с товаром говорил себе: «А чем я хуже?» и изобретал свои способы. Помню случай все с тем же Томиком. Она тогда временно была переведена в мясной отдел, и ее поставили на весы.

В задачу Томика входило не обвешивать покупателей ни в коем случае, потому что великое таинство проходило в комнатке мясников, где шел обмен деньгами — товар, куда приходили хорошо одетые люди и уходили довольные, унося заветные свертки. В отделе все должно было быть в идеальном порядке, чтобы не спровоцировать ни народный гнев, ни народный контроль.

Но все забыли, что на весах («на стрелке» по-нашему) стояла Тамара! Что там поддельные гири или листок бумаги в противовесе, это, господа, все прошлый век. У Томика были электронные весы! Должна сразу сказать, что никакого образования в Тамарке не чувствовалось, а лексикон ее ненамного превышал словарный запас Элочки-людоедки. И вот однажды, когда я сидела в своей булочной и безмятежно пила кофе, ко мне буквально влетела Томка со словами, что отсидится у меня — комиссия пришла.

— Ну и что, ты ж на весах, все в порядке должно быть...

— Ты что! У меня ж там шпилька вставлена!

Воистину восхищаюсь я нашим народом. Томик, человек, не могущий связать двух слов, непрерывно пьющий кружками самый

гнусный и дешевый портвейн, умудрилась в электронные (!) весы вставить какую-то штуку, которая обеспечила ей дополнительный заработок. Зачем образование? Берешь шпульку, вставляешь — и ты молодец. Как это получается, не пойму. С той поры я прониклась к Томику некоторым уважением, потому что даже не догадывалась, с какого боку к этим весам и подойти-то, а она — знала.

Издревле, еще не зная слова «корпоративность», торговые люди осуществляли на деле принцип «свой свояка видит издалека». Так, например, в талонную пору стало совершенно невозможным приобретение цветного телевизора отечественного производства (об импортных тогда и не помышляли). То есть ты, конечно, мог купить «Радугу» за двенадцать тысяч, но ведь лучше купить за две, правда? Этот вопрос легко было решить, если ты работал в торговле. К тебе же ходит отовариваться директор магазина телевизоров, а у нее как раз пришла новая партия, и она ее придержала. А у тебя конфеты «Грильяж», и тогда все просто и понятно. И вот мы с Сашкой-грузчиком уже катим на санках телевизор от одного магазина к другому.

Заведующим винным отделом у нас был Арес, армянин, так вот он был гений дефицитообмена. Помню, как-то мы с рук купили Саньке крутой спортивный костюм, а еще мне принесли удивительные белые сапоги, за которые я тут же, не глядя, отдала три цены. Надев на себя всю эту красоту, я пошла в магазин — хвастаться. Случайно мимо проходил Арес.

— А, я знаю, этот костюм стоит сто двадцать рублей, а сапоги — сто шестьдесят.

Я была потрясена. Знать цену товаров в четырехмиллионном городе, не продовольственных, а промышленных — это было чудо. Он ведь назвал правильную стоимость — люди, продавшие мне вещи, ее не скрывали. Тогда все было «две цены, три цены»... Для своих в магазине все было по себестоимости.

И вот талонная система прекратила свое существование, но свалилась новая напасть — отпустили цены. Началась рыночная экономика, теперь с хлебозаводом договор заключался напрямую, ты имел право выбирать, это было интересно, но что творилось с покупателями... Практически каждый день приходилось переписывать ценники. Люди никак не могли привыкнуть к новой цене, называли старую и ругали нас. Творилась полная неразбериха во всем — с покупателями, с водителями машин, с грузчиками. Куда-то безвозвратно исчезал товар, воровство в магазине достигло невиданных масштабов, причем товар утаивали дамочки в дорогих шубах, а бабулька, зажав

в руке свою мелочь, честно в очереди стояла. В этот момент и случилась в нашей булочной недостача.

У нас с Фоминичной был уговор — в чью смену случилось, тот и покрывает. А тут прихожу я на смену, а мне записка, что, Лена, мол, в лавке недоимка на такую-то сумму, и давай вместе вытягивать это дело. А сумма-то огромная, где возьмешь? Размышляя на эту тему, я прогуливалась между рядами с пряниками. Ничего не приходило в голову. Вдруг я остановилась среди знакомых коробок. «Пряники зимние»... Хорошее название... Даже очень хорошее название! А почему бы не появиться летним пряникам?

Мысль показалась мне подходящей, и я взяла в руку пакет. Да-а, зимние пряники потому и зимние, что политы сверху белой помадкой, как будто они в снегу, а как же нам оправдать летние? У покупателей большим спросом пользовались «воронежские», они всегда были очень свежие, вкусные, и их раскупали моментально. Решено, теперь они (на пару дней) — «Пряники летние». Накинув две копейки на цену (этого было достаточно, ведь пакетов — сотни), я выставила их на продажу. Товар раскупили в одно касание, и свою долю в покрытие недостачи я внесла. Почему-то было не страшно — я же трудилась не на себя, а на общее дело. К счастью, больше мне таких экспериментов ставить не приходилось. Эта история постепенно стала забываться, шли годы, и она совсем выветрилась у меня из головы, но недавно мне о ней напомнили. Иду я как-то раз по магазину «Перекресток», скольжу ленивым взором по полкам с товарами и вдруг как будто спотыкаюсь с разбега — «Пряники весенние». Мимо меня проходили недоуменные покупатели, они видели: стоит тетка и сметается-заливается над пакетом с пряниками. Где им было понять, что перед ними родоначальник идеи, прародитель, так сказать, пряников всех времен года!

Именно это приключение и стало причиной появления на свет данного рассказа. Я уже давно и далеко не работник магазина, даже и не знаю нынешних принципов торговли, но кое-какие привычки остались. Какие? Ну, например, я никогда не куплю ни развесного фарша, ни сметаны из бочки. Так и слышу голос тети Маши на эстакаде:

— Лен, ну прямо не могу, ну что за сметана! Которое ведро воды в нее лью, а она все густая!

РАЗГОВОРЫ С ДЕДОМ

- Дед, ты что ищешь?
— Да баночку одну...
— Ты в таком количестве коробок ничего не найдешь. Вот постепенно распакуемся — и найдем твою баночку.
— Мне сейчас надо. Там у меня паштет.
Слово «паштет» он произносил почему-то через букву «э».
— Что за паштет?
— О, отличная вещь! Я покупаю банку печеночного паштета, добавляю туда сметаны, все перемешиваю — и ем. Вкусно!
— А-а... И давно ты все это смешал?
— Да когда коробки упаковывал — в ноябре.
— Дед, сейчас апрель! Можешь банку не искать!
Да жалко ведь — такой хороший паштет! Со сметанкой...

* * *

- Лена, а чего это у вас — новый телевизор?
— Да, дед, смотри — японский! Видишь — это пульт, я кнопку нажимаю — и программы переключаются.
— Ну, япошки, ну дают! Ты мне завтра такой же купи...
— Ладно.
— Вот не пойму только — а провод-то где?
— Дед, понимаешь, тут нет провода. Это дистанционное управление, без шнуров и всего прочего.
— А-а, ну-ну...
Дед долго любовался покупкой, проводил рукой по черному боку телевизора, восхищался хитрыми япошками, а уходя, подозвав меня пальцем, спросил на ухо, прищурив один глаз: «А провод-то все-таки — где?»

* * *

— Лен, я, по-моему, отравился этим соком — весь день в туалете сижу!

— Покажи, что за сок.

— Вот, видишь — это концентрат, надо один к трем разводить, и получается апельсиновый напиток.

Дед протянул мне оранжевый пластмассовый контейнер. Я хорошо знала такие — там все безобидно должно быть, еще никто не отравился. Отвинтила крышку...

— Дед, у тебя же здесь подсолнечное масло! Ты что, не почувствовал, что пьешь?

— Ой, точно, а я смотрю — какой-то этот сок стал невкусный... Да-а-а... А я его стаканами пью. Разбавлю маленько водичкой — и вперед!

— А как там масло-то оказалось?

— Да понимаешь — я его туда перелил. У нас в магазине очень хорошее развесное масло было, вот я его и накопил.

— Ты бы контейнер пометил как-нибудь, а то опять перепутаешь.

— Да все уже. Этот последний.

— А сколько их было?

— Четыре.

* * *

— Дед, ты прекращай это дело. Я не знаю, откуда у тебя в комнате тараканы, но ты изведи их как-нибудь, а то они на кухню перебегут, а то и к нам в комнаты. Купи какое-нибудь средство.

— Надо, наверное... Ты знаешь, Лен, а они шустрые такие, я их ловлю — не получается. Так быстро бегают, да еще в разные стороны. Никак не могу поймать.

На следующую ночь мы все проснулись от жуткого запаха. Слезились глаза, жуткий кашель не давал дышать. Оказалось — дед! Купил какую-то запрещенную отраву и чуть не уморил нас всех. Сам он даже не почувствовал никакого запаха, спал как младенец! Тараканов, правда, вывел.

* * *

Привез с собой три коробки из-под телевизоров, заполненные майонезными банками. Штук пятьсот, не меньше.

— Дед, зачем тебе столько?

— Для анализов.

* * *

Начался ажиотаж с электрическими чайниками. Они тогда только появились, белые, пластмассовые, с подошвой и без, очень быстро кипятившие воду. Дед пришел в восторг от достижений современной науки и немедленно купил такой чайник. Ну, купил и купил... Через неделю, смотрю — появляется еще один, а потом и еще.

— Дед, зачем тебе три чайника?..

— Да, понимаешь, Лен, в инструкции написано, что они кипятят воду за четыре минуты, так вот — первый справился только за четыре с половиной, а второй и вовсе — за пять минут. Вот третий вроде как ничего...

* * *

Сломал шейку бедра. Лежит в больнице с подвешенной ногой. В палате еще несколько человек в таком же положении. Ночь. Тишина. Вдруг — дед:

— Мужик, а мужик! Слышь, стоняй за пивом!

* * *

— Дед, ты чего такой?

— Да вот выпил лекарство от диабета, от поноса, от головы и от живота... Понимаешь — я чего-то кашляю!

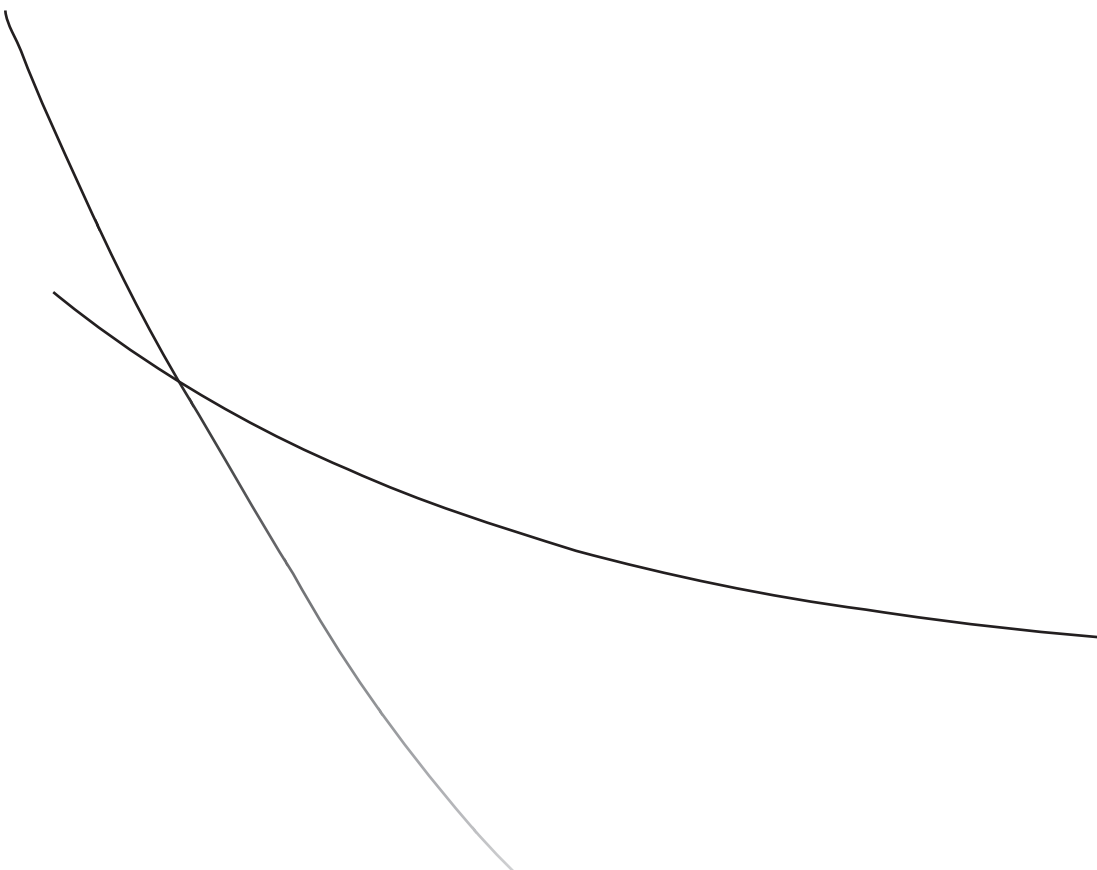
— Слушай, а у тебя зубы болели?

— Да нет... Выпали все как-то сами собой и все.

— А сердце?

— Да я и не знаю, где оно.

Я —
ТУРИСТ!

ФРАНЦИЯ

Первый Париж

Официант поклонился и плеснул мне что-то в бокал из бутылки, на которой ничего не было написано. «Аперитив», — подумала я, старясь вспомнить, что же это такое. Перед глазами отчетливо предстала страница из брошюры «Весь Париж в кармане» о том, что начинают с аперитива и наливают немного на пробу. Причем официант должен сам выбрать главного за столом. Я взглянула напротив. Слава богу, для мамы это был уже не первый Париж, и брошюра, судя по всему, не являлась для нее чем-то обязательным. Я улыбнулась, попробовала нечто обжигающее, кивнула и огляделась.

Кафе было типично французским — маленьким и уютным. По случаю Нового года несколько столов были сдвинуты, и там расположилась компания немолодых буржуа, похоже, не французов. Пара столиков была занята русскими, а справа от нас, совсем близко, сидели парень с девушкой. Глядя на них, я тут же придумала, что у них романтическое свидание — он все время держал ее руку в своей. Когда ей приходилось в процессе еды все же иногда пользоваться этой рукой, она ее убирала, но не забывала тут же, как только в руке пропадала надобность, выложить ее на стол, а молодой человек вцеплялся в нее, как будто припадал к чаше с водой в жаркой пустыне. На них было приятно смотреть. Чувствовалось, что они здесь немножко по секрету.

Принесли какие-то листья. Официант, совсем еще мальчишка, уже нацелился было ко мне с другой бутылкой, но я едва заметно покачала головой, и он догадался, с кого надо начинать церемонию пробы вин. Наивный французский юноша, он не знал, что теперь ему предстоит незабываемый вечер. Мама настолько умеет сокращать дистанцию между собой и партнером, что в процессе вечера

у них с этим мальчиком возникли чисто свои доверительные отношения. Поскольку ответственность я уже с себя сняла, то могла расслабиться и попытаться вспомнить.

Боже мой, я в Париже! От одной этой фразы уже что-то происходит в душе. Что-то замирает в ней. И ты не позволяешь себе еще размышлять на эту тему, как-то анализировать. Ты еще только впитываешь, боясь упустить что-то. А воздуха не хватает, и ты как рыба на берегу. Ты стараешься быть обычной, нормальной, но случайно видишь свое улыбающееся счастливое лицо в витрине и не понимаешь, как такое может быть.

Вчера был Лувр. Три женщины. Ника, Джоконда и Венера.

Как-то так получилось, что мы их с мамой поделили. Ника Самофракийская однозначно мамина. Уже несколько лет я слышала от нее, что, мол, и необыкновенная она, и невозможная, и самая лучшая, и не бывает таких. Когда я ее увидела, испытала какую-то почти физическую боль оттого, как она прекрасна. Но это никого не волнует. Мама, как первооткрыватель, имеет на нее какие-то права.

Зато Венера Милосская — моя! Мама все тщится понять: что же в ней такое есть, что делает ее шедевром? Она ей не нравится. А я не могу объяснить. Я однажды сказала: «Мама, ну она же такая белая!», как будто это что-то объясняло. Для нее — нет, а для меня — объясняло.

Джоконда, она — всех. Она висела в специальном альковчике, где почти не было света. Я шла-шла и вдруг — увидела. На меня смотрела не женщина средних лет, какую я всегда себе представляла по репродукциям, а молодая девчонка, игривая, сексуальная, ироничная. Я стояла и смотрела, смотрела на нее. Ничего не поделаешь, скептицизм приходится убрать подальше, она — шедевр. От этого даже как-то грустно. Не удалось, не устояла.

За этим размышлением и застал меня юный официант, принеся диковинные приборы и какого-то зверя на тарелке. В меню он значился как лобстер. Как и с чем его едят — казалось непонятным. Это был такой рак, наполненный почему-то гречневой кашей, а рядом лежала большая креветка.

Наши соседи съели по этой креветке, поклевали немного каши из утробы зверя, отложили вилки и с нежностью стали смотреть друг на друга, держась за руки. «Нет, ну кто же так ест лобстеров?» — воскликнула мама и, разломав чудовище, стала с наслаждением обсасывать все его руки-ноги, причмокивая и издавая звуки наслаждения.

Это произвело ошеломляющее впечатление. Ребята даже на мгновение расцепили руки и потеряли интерес друг к другу, а официант, когда пришел, — оцепенел. Ему потребовалось некоторое время, чтобы прийти в себя. Перед ним на тарелке лежал не привычный целый лобстер, а жалкая горка каких-то косточек, которую он, унося, в недоумении разглядывал. После этого он проникся к маме каким-то новым чувством, в нем сквозило особое уважение к человеку, который ест лобстеров целиком.

Когда принесли фуагра — я была к этому не готова. Уже поменяли несколько видов вин и блюд в строгом соответствии с французскими правилами приема пищи. Уже кружилась голова, так, как это бывает только в Париже. Рядом сидящие люди казались необыкновенно милыми, с молодой парой мы практически подружились и, пробуя вино, приподнимали бокалы приветственным жестом... И вдруг принесли еще одно блюдо. Я не знаю, как это сказать, но фуагра — это лучшее, что я ела во Франции. Выглядит она совсем уж непрезентабельно — паштет он и есть паштет, но вкус... Какая-то необыкновенная нежность оказывается у тебя во рту, и тает, и тает. Жаль, что фуагра — одно из самых дорогих блюд и распробовать его как следует не удастся, что придает ему особую прелесть. Вот она была — и нету, как промелькнувшее приятное воспоминание.

Мой любимый момент — когда приносят сыры. Говорят, что французы не любят ездить в другие страны, потому что их не устраивает кухня этих стран. Они не могут понять, почему между мясом и десертом не приносят несколько сортов сыра, когда это так необходимо для правильного восприятия пищи!

Французы не любят ездить за рубеж и по другой причине. Они не хотят изучать иностранные языки. Недавно в Париже даже снимали все дублирующие надписи на английском. Они просто отвергают любой другой язык, если он не французский. Это создает некоторые проблемы при общении, которые, впрочем, легко устраняются языком жестов — самым распространенным туристическим языком.

Мы с мамой решили купить мне осеннюю обувь. Продавец в небольшой обувной лавчонке радостно продал нам товар, и мы отправились домой. Когда пришли в отель, то оказалось, что ботинки невозможно малы, надо было идти их менять, а это всегда трудно, особенно, когда не знаешь языка.

Когда мы вернулись в магазин, то оказалось, что продавец сменился, и новый нас, конечно, не знал. Он говорил только на фран-

цузском языке, поэтому мои слабые познания в английском не спасали совершенно. Это был арабский магазинчик, так что продавец, может, и знал в совершенстве язык своей страны, но нам это никак не помогало. После минут двадцати нашего с ним разговора он решил, что будет проще предоставить нам самим искать то, что нам нужно, и отошел от нас. Мама, воодушевившись перспективой прикупить и себе пару-другую обуви, начала радостно перебирать коробки, примеряя различные туфли и ботинки. Вокруг нас постепенно выросла гора обуви и упаковочной тары, а мы все пытались объяснить продавцу, что хотим всего лишь поменять одну пару на другую. Бедняга, глядя на нас с тоской, только тихонько протянул почему-то вдруг совсем почти по-русски: «Проблема...»

— Что вы, — воскликнула мама, вытягивая из громадной стопки коробок самую нижнюю. — У вас нет совершенно никаких проблем!

В результате нам все удалось, мы поменяли мои ботинки, купили почти такие же маме и расплатились с недоумевающим продавцом, который был, конечно же, счастлив, что мы ушли восвояси, не причинив ему никакого вреда...

После десерта начался Новый год. Всем раздали пакеты с колпаками, конфетти и серпантином. Было забавно видеть, как седовласые старцы, доселе чинно вкушавшие, например, фуагра, с упоением и очень по-детски дудели в дудки, смешные в своих бумажных колпаках. Начались танцы. Музыка была знакомой и родной — из восьмидесятых. Все танцевали, и никто не стеснялся возраста, особенно здорово было отплясывать быстрые танцы — ведь давно не приходилось этого делать. Мы танцевали и пили шампанское, которым всех угостили хозяева кафе по случаю праздника.

Потом, счастливые, мы шли по Большим Бульварам. Ничего не хотелось говорить. Только у самой гостиницы мама спросила: «А что у нас завтра?»

«Завтра — Монмартр», — сказала я, прислушиваясь к собственным словам и пытаюсь ощутить их на вкус, на цвет и запах. «Монмартр» — в этом было волшебство и тайна, ощущение нереальности происходящего и твердой уверенности, что все это происходит именно с тобой. Ах, Париж!

ТАИЛАНД

Растворяясь в аромате дуриана

— Не знать, что такое фугу, — неприлично, — сказала я.

Мы сидели за столиком в ресторане нашего отеля в Таиланде. Шел уже четвертый день пребывания в этой стране, и мы уже выдохлись, объясняя друг другу, до какой степени здесь отвратительно. Уже осталась позади мамина истерика и приближалась моя. Раздражение накапливалось постепенно и все усиливалось от того, что удивительно схожими показались вдруг тайцы и русские. И вопиющая грязь, и нищета общая, и всепоглощающее лицемерие.

— Фугу — рыба, от которой ежегодно в Японии умирает куча людей. Я сейчас случайно вспомнила название, — я старалась быть светски доброжелательной и уйти от оценок.

— Не знаю, — тон не обещал ничего хорошего. Раздражение постепенно подкрадывалось, обволакивало, грозя накрыть с головой. Но почему-то было не страшно.

За границей существует некое неоговоренное правило: в один прекрасный момент совместное проживание становится невыносимым — и тогда включаются защитные механизмы. Дается внутренняя команда — не доводить дело до опасной черты, потому что куда же денешься? Ну поссоришься — и будешь ходить в расстройстве все оставшееся время. А мы здесь — для наслаждений, отдыха, впечатлений. И, несмотря на то что чрезвычайно ядовитая рыба фугу грозила всерьез нарушить это правило, было не страшно. Таиланд как будто сплотил нас: «Мы — спина к спине у мачты против тысячи вдвоем».

— А давай я Дене письмо напишу. Уж он-то знает. — «Деня всегда все знает, — думала я, — и Макариус тоже». Им обоим, моим энциклопедистам, я и отправила эсэмэску.

Предчувствуя скорую победу, я позволила себе быть снисходительной и доброй. Беседа миролюбиво потекла, но мы обе ждали ответ. Почему-то было важно, кто победит. Я не имею права делать маме замечания в такой форме. Только разве что эта разнесчастная, убивающая 30 человек японцев в год, морская тварь настолько знаменита, что и младенец, и негр преклонных годов и встают и засыпают с ее именем на устах.

Пришел ответ: «Сообщи хотя бы контекст». Это было поражение. Я была уничтожена, раздавлена, я была убита рыбой фугу. Конечно, я написала Дене злое «рыба», но мы с мамой обе знали, кто теперь хозяин положения. Теперь уже я отошла на заранее подготовленные позиции и готова была внимать утомительным маминим рассказам о ремонте, ее муже и прочем.

Мы вышли на солнце, мама старалась быть милой и поблагодарила меня за постеры с королем, которые я ей недавно принесла. Этот персонаж вызывал у нас радостное недоумение. Действительно, король, у которого вместо погон — бантики, такие, какие завязывают на подарках. Как сказала мама — король-турист в своей собственной стране (его изображения с фотоаппаратом встречались примерно каждые сто метров).

Страна Таиланд суперэкзотическая. «Представление тайцев о чистоте не вяжется с нашим. В храм, например, надо входить только босиком — это свято соблюдается, у порога находятся такие стойки, в которые можно поставить обувь. Рядом на полках — пучки каких-то растений, приятно пахнущих при возжигании, и прочие средства для благовоний. Но в буквальном смысле рядом с этой храмовой атрибутикой, на которую и смотреть-то надо с благоговением, находится огромная помойная бочка. Так что ты оказываешься лицом к лицу и с чем-то святым, и с чем-то очень-очень земным.

Рядом с храмом полно всяческих лотков с фруктами. Можно попросить маленький кокос — единственный фрукт, не требующий мытья. Тебе его любезно подадут, отрубив верхушку небольшим мачете. Когда ты выпил сок, куда девать саму скорлупу? На землю. Она вся так усыпана останками кокосов, что передвигаться нужно с осторожностью.

Экзотика страны заключается еще и в том, что здесь наряду с невообразимым богатством (чего стоит статуя Будды из чистого золота, весящая пятьдесят тонн!) соседствует вопиющая нищета. Вот уж истину страна контрастов. Причем это никого особенно не волнует.

Убогие хижины, грозящие развалиться прямо на твоих глазах, устраивают всех. Похоже, в общем-то, на нас. И все же русский мужик, увидев, что забор покосился, чинить его, конечно, не станет, но бревном подопрет. Тайский мужик ничего делать не будет, он подождет, пока само все рухнет, безучастно наблюдая за разрушениями. Если он метет улицу, а в голову ему пришла мысль перекусить, он немедленно оставляет это занятие и ест. Можешь на следующий день прийти и посмотреть — и мусор и швабра останутся в том же состоянии, просто у человека нашлись другие дела.

Я спрашивала у мамы, ведь если мусор никто не убирает, то куда же он девается? А никуда, сам собой как-то утилизируется, а то, что осталось, — так и лежит. Все просто перешагивают через него и идут дальше.

Вообще весь Таиланд — одно сплошное недоумение. С одной стороны, нельзя показать тайцу свою подошву — это его сильно оскорбит. С другой стороны — все они сидят на полу, держась за ногу, совершенно не беспокоясь о том, какое глубокое оскорбление наносит тебе вид их подошв. Если он не держится за ногу, что бывает крайне редко, то перебрасывает из одной руки в другую кусок арбуза без кожуры, предлагая тебе его купить и съесть. Арбузный сок течет по немой руке (безусловно, имеющей опыт общения с ногой), а ты думаешь, что если бы и захотел, то вряд ли смог бы что-либо у него купить.

Мы хотели купить рыбину, для чего созрели несколько дней. Дело в том, что они не моют продукты. Ну, просто нет воды. Однако их еду покупают! И не умирают! Мы решили побороть брезгливость и выбрали для эксперимента рыбу, которая выглядела как печеная картошка — черная, вся покрыта пеплом и золой. Уж здесь-то, думали мы, всякий микроб прошел такую термообработку, что не страшно.

Милая девушка показала нам на лоток, на котором лежало несколько печеных рыб, предлагая товар. «Вот эти две», — сказала я, думая, что умру от тяжелой кишечной инфекции в далекой незнакомой стране.

«Нет, это для Мунь-Муня, а вам — вот это», — ответила она и показала рукой в сторону, где лежала сырая рыба, которую грязный дядька посыпал тертой булкой.

«Что я буду с ней делать?» — возмутилась мама, а я уже заходила в истерическом хохоте, представив себе нас, мужественно решившихся на подвиг и оказавшихся с сырой рыбиной посреди улицы.

После долгих разговоров на странном английском, в котором отсутствовали согласные, нам удалось заполучить двух рыб, правда холодных, но, по крайней мере, приготовленных. В тот момент, когда девушка заворачивала их нам, подошла другая юная девушка, заплатила — и унесла нашу рыбу. Мама на классическом английском, который ей преподают в знаменитой школе, спросила, что ж ты, так, мол, и так, делаешь? А юное создание ей отвечает: «Так это же Сюань приходила». Мы только руками развели.

Мы шли по улочке, по которой невозможно ходить, потому что прямо на тротуаре готовят еду, и вдыхали сложный запах Таиланда.

Однажды мне удалось его охарактеризовать. Дело в том, что в Таиланде есть фрукт, король тайских фруктов — дуриан. Он пахнет так, как продукты жизнедеятельности организмов после длительного пребывания в тепле. Мы прожили в отеле неделю и только тогда заметили около лифта знак, что с дурианом вход в отель запрещен. Запах этот отвратителен и всепроникающ.

Мы его купили. Причем в хорошем супермаркете, где перед нами стоял, очевидно, приверженец дурианов и с видом знатока тыкал в него пальцем и цокал языком. Мы с мамой повторили действия этого фаната дурных запахов и понесли наше сокровище в отель. Дело в том, что в рекламных проспектах было сказано, что если ты сумеешь преодолеть отвращение к запаху — необычайный вкус самого фрукта все окупит. Совершив торжественный акт вскрытия пакета и обеспечив себя на три дня помоечным запахом, мы приступили к поглощению короля фруктов. Хотя, это неправда. Пока я готовилась отвлечься от жуткой вони, мама откусила кусок... И ничего интересного. Она сказала мне: «Лена, я тебя умоляю». Это решило вопрос раз и навсегда.

Так вот, с тех пор я говорю, что дуриан пахнет Таиландом.

Улица внезапно кончилась, и надо было переходить на другую сторону. Сделать это было всегда затруднительно. Мало того, что у них движение левостороннее, так и еще переходов нигде нет. Абсолютно нигде, мне так и не удалось увидеть тайский способ нанесения этой разметки. Движение очень интенсивное, в основном мотоциклетное. По причине малых габаритов тайцы забираются на эти средства передвижения втроем, вчетвером и гонят во весь дух. Если ты пробуешь перейти дорогу, то тебе сердито гудят, стараются проехать как можно ближе к тебе и как можно на большей скорости, чтобы ты не предпринимал таких диких и абсурдных, по их мнению, попыток вновь перейти улицу.

Основное средство пассажирского транспорта — тук-тук. Это некое сооружение, тоже на мотоциклетном ходу, сзади у него приделан небольшой борт, на котором могут уместиться человека четыре. Конструкция крайне ненадежная, шаткая, грозящая в любой момент перевернуться, но единственная, а значит — лучшая. Мы с мамой так проложили свои маршруты, чтобы избегать поездок на тук-туках, а также пользовались магазинами только на нашей стороне улицы — другие по причине отсутствия переходов были нам недоступны.

Крепко держась за руки, мы перебежали дорогу. На другой стороне улица постепенно стала менее людной, и все реже встречались пожилые немцы с пожилыми тайками, а также немцы средних лет с юными тайцами. Здесь эта сексиндустрия нечто обыденное. Когда-то побережье Таиланда занимала американская военная база, и для простоты оплаты интимных услуг была даже введена в обращение купюра в два доллара. Базы давно нет, Паттайя стала курортом, но привычки остались. Для того чтобы войти в магазин, например, нужно преодолеть строй из десятка юных и не очень девушек, ожидающих кавалеров на эту ночь. Потом их перестаешь замечать.

Мы шли по улице, солнце постепенно приближалось к зениту. Становилось по-настоящему жарко. Изредка встречались лавчонки с товарами, которые не хотелось купить. Мы шли, чтобы просто идти. Я была рада, что проиграла. Ядовитая рыба фугу медленно уплывала куда-то вдаль, было жарко, томно и как-то по-хорошему все равно.

ФРАНЦИЯ

Еще раз про Париж

Когда мы свернули с улицы Риволи в сторону Больших Бульваров, я окончательно поняла, что рассердилась. Деня с мамой шли позади меня, я по карте прокладывала дорогу. В этом не было необходимости — ведь путь был давно известен, сотни раз исхожен, узнаваем и не нов.

— Нет, мам, ну все-таки ты скажи, что тебе здесь нравится? — Деня был первый раз в Париже, первый раз за рубежом. Мамина идея съездить за границу с обоими детьми наконец воплотилась в жизнь. Было любопытно посмотреть на Деню и узнавать себя в его неловкости вести себя привычно в непривычной ситуации.

Это был мамин подарок, а ему здесь не нравится! Думая, что ответить, мама задумалась.

Она начала отвечать ему, что, мол, все вот это и нравится, а я сердилась все больше и больше. Иногда в Париже на меня накатывало это чувство сердитости. Вот, например, мама хочет непременно пойти к церкви Святой Мадлен, а я вот именно сейчас ни в коем случае не хочу туда идти. Или мы долго ищем музей Родена, находим его, и если раньше я к Родену неплохо относилась, то теперь, находясь в музее, я испытываю чувство тоски. Может, это оттого, что решения идти туда не были приняты коллегиально, в них была некая навязанность. А это в Париже недопустимо.

Становилось прохладнее — и было решено забежать на чашечку кофе в ближайшее кафе, чтобы Деня, так сказать, полнее ощутил прелесть Парижа. Да и меня не мешало привести в чувство — мама хорошо знала симптомы растущего раздражения. Кафе было малюсеньким-малюсеньким, всего два столика. Мама и Деня заказали кофе, я — во власти своих чувств — разумеется, бокал божоле. Холодный напиток обжег горло. Мне всегда легко с божоле. Оно имеет

моментальное действие. Мне сразу стали нравиться и Деня, и мама, и все стало как-то хорошо. Я в Париже, чего же еще? Мысли потекли ровнее, вспомнились прошлые приезды сюда, а сейчас почему-то — наш поход на кладбище Пер-Лашез.

Как-то так получается, что в Париж я приезжаю все время зимой — на Новый год. Это позволяет мне изучить особенности национального гардероба французов в зимний период. Что такое одеться по-теплее, когда холодно? Надо просто вокруг шеи намотать огромный шарф, причем одежда должна остаться летней. Как величайшая уступка холоду допускается какая-нибудь полотняная куртка, но это уже перебор. Иногда встречаются очень маленькие и очень пожилые французские дамы, предельно опрятные, чистенькие, в норковых шубках и в туфлях. Головных уборов не носит никто. Даже мелкие дети.

Как-то мы гуляли с мамой по Елисейским Полям, и вдруг ударил страшный мороз — наверное, целых минус два градуса. Навстречу нам попадались обескураженные французы. Они были застигнуты врасплох внезапным похолоданием. Их взгляд наткнулся на нас, они опускали глаза вниз, на наши ноги и обнаруживали, что, оказывается, существует зимняя обувь, то есть сапоги. В глазах появлялась мысль — неужели? А возможно ли это? Потом они снова смотрели нам в лицо, видели наш спокойный, довольный, совсем не замерзший вид, потом — снова на сапоги и так далее. Чувствуется, что в этот день мы в какой-то мере поколебали французские традиции ни в коем случае не одеваться зимой. Мы посеяли в их души сомнения. Оказывается, одного шарфа недостаточно, чтобы быть одетым по погоде. Кстати, по-французски «кашне» — это «прятать нос». Прелесть, правда?

День тогда выдался не по-парижски морозным. Он не очень-то подходил для постановки эксперимента, но что поделаешь, программа была продумана заранее и изменению не подлежала. Было решено, что все экскурсии, которыми потчуют туристов, мы уже неоднократно посетили, все извели в толпе и теперь созрели для индивидуального похода по достопримечательностям, которые нужны только нам. Пунктом назначения было избрано кладбище Пер-Лашез, потому что там похоронена Сара Бернар, кроме того, мы не могли не побывать на могиле Эдит Пиаф.

Трудность заключалась в том, что для начала надо было самим проехать на метро. Такого опыта у нас не было, а так как я несла полностью всю ответственность за наши перемещения, маршруты и направления, то стратегический план был разработан еще с вечера.

Страхи были напрасны. Метро оказалось простым и понятным, и скоро я с гордостью вывела маму на станцию «Пер-Лашез». Надо сказать, что недостаток опыта общения с этим видом транспорта сослужил-таки нам дурную службу. Дело в том, что на этой станции было несколько выходов, и все они, надо сказать, назывались «Пер-Лашез». Короче, мы не там вышли.

Наконец мы ступили на святая святых. Светило яркое солнце, кладбище было ухоженным, чистым, прогуливались приветливые по-парижски люди.

С первых же шагов мы пришли в некоторое смятение: каждая третья могила имела на плите надпись «Бернар», причем каждая вторая из этих «Бернар» была «Сара». Отчаявшись найти нужную нам, так как, к стыду своему, не знали дат ее жизни, мы пошли дальше, уверенные, что уж могилу Эдит Пиаф не пропустим.

Кладбище имело круглую форму, и главная дорога располагалась как раз по его краю, по окружности. Мы шли, шли, замечая могилы людей, казавшихся нам, возможно, известными, так как французский язык в его написании... Приходилось откидывать почти половину слова, чтобы получилось что-то удобочитаемое.

Через каждые пятьсот метров, не меньше, появлялась карта, по которой можно было понять, где ты находишься, а также узнать расположение могил наиболее известных людей. Мы решили определиться. Нашли, где мы, где могила Эдит Пиаф и пошли дальше. Становилось холоднее, хорошее настроение куда-то постепенно исчезало. Когда на следующей карте мы определили свое месторасположение и посчитали, сколько нам идти до могилы Пиаф, стало ясно, что на это потребуются еще полдня. От этого стало еще холоднее и бесприютнее. Тогда мы решили — идти, и как только найдем могилу кого-нибудь известного — почтим его память и будем считать поездку удавшейся.

Как назло, все великие куда-то подевались. Перестали встречаться даже приблизительно знакомые фамилии, которые мы хотя бы условно могли причислить к знаменитым. Даже многочисленные Бернары оказались все похоронены на другом конце кладбища. И вот, почти уже в безнадежном отчаянии, мы натываемся на могилу Шопена! Как уж мы ему были рады! Я вообще-то более чем спокойно отношусь к этому великому композитору, но тут он был встречен нами как давно потерянный, а теперь счастливо найденный близкий родственник. Надо сказать, что в отличие от основной массы довольно унылых захоронений его усыпальница выглядела нарядной, ухоженной,

очень красивой и жизнеутверждающей. Солнце стало светить ярче, мы погуляли около памятника — и поехали домой. Счастливые!

В этот раз было довольно холодно, а обычно в Париже на Новый год идет дождь. Это мы с мамой уже точно установили. Дождь неизбежно шел все разы, что мы приезжали, но самым сильным был первый, когда Новый год для нас проходил в таверне под названием «Наши предки — галлы». Мы это празднество выбрали по цене — недорого. Предлагались еще костюмированные балы и сидение в различных кафе. Потом именно это сидение и полюбили нам, да так, что мы и Деню туда спроворили.

Нас привезли на какой-то остров. Кругом стояли мрачные здания, древние, темные, так не похожие на весь остальной Париж. Собралась огромная толпа очень веселых людей из очень разных стран. Потом скопом всех запустили внутрь. Антураж потрясал: деревянные лавки, плохо оструганные столы, на них навалены груды овощей, какие-то колбасы, куски мяса. По стенам висели охотничьи трофеи, а в кухне на огромных крюках — туши каких-то животных. Эдакий стиль примитивизма, окунающий нас в эту самую эпоху предков-галлов. Надо сказать, что все, что лежало на столах, есть было нельзя. Или несъедобно, или невозможно откусить. Более или менее пригодным для еды было то, что приносили официанты. А обстановка была такая, что пепел, например, рекомендовано было стряхивать на пол. Правда, смущавшее вначале отсутствие цивилизации легко и быстро компенсировалось неограниченным количеством великолепного вина из бочки — пей, сколько хочешь!

И еще, конечно, музыкант. Он подходил к каждому столу, определяя, что за страна, и пел какую-нибудь их песню. Было очень здорово. Песни оказались более или менее знакомы всем, и в конце концов все столы перепутались, породнились, все хотели друг с другом выпить и вообще начать дружить. Наступило всеобщее единение. Появилось ощущение, что ты причастен к этому прекрасному моменту, все люди — братья, мы — одна семья. Мы с этим музыкантом пели песни Эдит Пиаф. Мне было приятно, что из всех он как-то выбрал меня, и я гордилась этим, и была счастлива.

Но кто не терял головы во все этом деле — так это мама. Казалось бы, в самый разгар веселья она сказала, что нам пора уходить. Мне очень не хотелось, но я знала, что это правильно. Праздник бесконечным не бывает, наступает утро, новый день — и это надо знать и помнить, и прервать веселье вовремя. Праздник нельзя выжимать досуха, с ним надо прощаться тогда, когда еще очень не хочется этого делать.

Мы вышли в темноту и пошли неизвестно куда. Потихоньку начался дождь, время убежало далеко за полночь, такси мы ловить не предполагали, так как нам сказали, что цены в Новый год будут устрашающими. Мы знали точно одно: Париж невелик, до всего можно дойти пешком. И у меня была карта.

Мы шли очень долго, все улицы, которые нам попадались, на карте мне не встретились, я не могла даже приблизительно определить, где мы находимся. Я кидалась к редким прохожим с криком: «Гранд Опера?» При этом я вопросительно разводила руки в стороны, «делала пальму», как говорила мама. Мне казалось, что человеку должно быть понятно, что я ищу здание оперы (мы с мамой знали, как оттуда добраться до отеля). Люди смотрели на меня в недоумении и, помотав отрицательно головой, уходили. Потом я узнала, что они оперу называют «Гарнье» — по имени архитектора.

Один раз мне встретилась группа очень веселых и поющих молодых людей. Я с надеждой кинулась к ним. Мое неизменное «Гранд Опера?» привело их в восторг, мы с ними попели, потанцевали, они радостно пожелали мне нового года и ушли. Американцы оказались.

Дождь шел сильнее и сильнее и скоро превратился прямо-таки в ливень. У каждой из нас был зонт, и я думаю, что именно это и послужило причиной нашего счастливого избавления.

На улице стоял под совершенно проливным дождем одинокий, небольшенький такой мужичонка.

Я решила применить новую тактику — показать ему карту, ткнуть пальцем туда, куда мне надо, и сделать вопросительное лицо, потому что мои вопросительные слова они не понимают. Пока он рассматривал карту, я держала над ним зонт. Он это по достоинству оценил и на английском языке объяснил, что берется довести нас до места.

Что касается английского языка. Он мне очень легко дается, когда я во хмелю. Помнится, в Болгарии, в ресторане я целый вечер беседовала с шотландцами о творчестве Шер и вообще о тенденциях поп-музыки в мире. Они хотели побывать в Москве, но я их переубедила, сказав, что единственный и неповторимый культурный центр всея Руси — Санкт-Петербург. И, надо сказать, мы отлично понимали друг друга. В обычном же состоянии я за границей, как правило, замолкаю, срабатывает какой-то стоп, и даже азы школьной программы улечиваются неизвестно куда.

Мама, ничего не ожидавшая от моей очередной беседы с прохожим, обернулась и увидела, что мы мирно болтаем на английском языке. «Лена говорит!» Естественно, мы же шли после Нового года,

а в добром красном французском вине я себе не отказывала. Тогда мама пошла впереди нас, а мы сзади, как два приятеля, под одним зонтом, мирно беседуя. Мне, правда, приходилось сильно нагибаться — мужичонка был мал ростом. Но это никого не смущало — чувствовалось, что он натерпелся от дождя и поэтому был рад даже мне.

— Это ваша сестра? — спросил он, и я подумала, что надо не забыть и сказать маме об этом.

— Что вы, это моя любимая мама! — дальше пришлось рассказать обо всех родственниках, братьях, дочерях, благо с этим в школе хорошо было поставлено и проблем не возникло.

— Я знаю Санкт-Петербург, — сказал он, ободренный тем, что я не одинока во Вселенной. — Это Сибирь. Очень холодно.

Ну что тут скажешь! Как Россия — так Сибирь. Пришлось ему объяснить, что, конечно, у нас сейчас минус двадцать градусов, но это не Сибирь, а культурный, опять же, центр, миллионный город, университетский.

— Вы в этом университете живете?

— Нет, — сказала я, совершая роковую ошибку. — Я живу в спальном районе.

Дальнейшую часть пути мы потратили с ним на то, что выясняли, почему половина Петербурга учится в университете, а другая предается непрерывному сну в специально отведенной для этого местности. И он все-таки нас довел! Мы потом по карте посмотрели — шли мы каким-то странным маршрутом, но дошли же! Дядька появился и исчез, как исчез дождь, когда мы добрались до отеля. Наступало утро, с его приходом я постепенно утрачивала способность к языкам, праздник был удачен, у нас было приключение... Разве жизнь не хороша?

А зато Дене понравился музей в Доме инвалидов! Это был какой-то нескончаемый поток залов с восковыми фигурами, одетыми в военное обмундирование разных эпох. Деня там ожил, обнаружил блестящее знание французского языка, так как с успехом переводил нам с мамой все девизы на гербах. Чувствовалось, что он в своей стихии. Мы с мамой каждый раз думали, что этот зал последний, но за поворотом открывалась новая анфилада, уходящая за горизонт и повергающая нас в печаль и безысходность. Но Деня был рад, а значит, и мы все.

Еще запомнилась поездка в Фонтенбло. Мы-то с мамой уже бывали там и успели полюбить это место. Фонтенбло мы предпочитали Версалу. Версальский дворец напоминает мне Павловский, только наш — лучше, а уж фонтаны Петродворца — Версаль отдыхает,

как говорится. Вообще, как считает мама, он какой-то пыльный. Другое дело — Фонтенбло. Там все удивительно красиво и как-то очень подходит для меня. Жалко только, что необычайной красоты лестницу никто не починит, и мы видим, как она с годами все разрушается и разрушается, грозя обрушиться совсем.

Во дворце приятно ходить по богато убранным комнатам, там много итальянского, пышного, вычурного, много золота, парчи и бархата. Это не удивительно, большинство комнат — покои королей и королев. Их тут перебивало страшное количество, начиная с Филиппа Красивого и заканчивая Наполеоном Бонапартом.

Мне очень нравится Фонтенбло, нравятся лилии и пчелы на королевских мантиях, нравится сам дух прошлых эпох. Там в просветах комнат мелькают тени королей, а в покоях, кажется, еще остался слабый запах духов какой-нибудь коронованной красавицы... Но маме почему-то кажется, что мне больше нравятся рыбы и павлины.

Недалеко от дворца расположен пруд, где огромные карпы подплывают под мост и берут пищу почти из рук, а по парку разгуливают самые настоящие павлины. И это зимой, когда все-таки иногда бывает минусовая температура! Когда мы бродили в парке с Деней, то красивые павлиньи самцы куда-то подевались, и по травке разгуливали неинтересные самки, больше напоминающие индюшек.

— Давайте-ка я на вашем фоне павлинов сфотографирую, — сказала я, нацеливая камеру на Деню с мамой.

— Достаточно ли мы хороший фон для павлинов? — с сомнением спросила мама, разглядывая серую невзрачную толстую птицу.

Наши туристы кормили их хлебом, подзывая: «Гуля, гуля», что казалось мне невероятно смешным.

Фонтенбло — замок, но в программу «Замки Луары» не входит. Обычно посещают Шамбор, Шверни и Шенонсо. Мы с Деней побывали во всех трех. Особенную любовь мы испытываем к Шенонсо. Это наше неизбежное чувство, подкрепленное тем, что перед поездкой туда происходит дегустация вин.

Вас привозят в небольшой такой магазинчик, которым владеет семья виноделов, и вы в течение часа пробуете несколько (много) сортов различных вин. К концу дегустации начинают нравиться все сорта, ты хочешь непременно купить их и отвезти в Россию, но останавливает грядущая тяжесть груза. И только.

Поскольку вино французское и, значит, качественное и веселое, то ты любишь весь мир, который кажется тебе сегодня особенно прекрасным. Вот тут-то мы и попадаем в Шенонсо.

Идти к нему надо долго по очень красивой аллее. Ты идешь, идешь и вдруг видишь это чудо. Часть замка находится в воде, он как бы плывет, что ли. Трудно сказать, что же в нем такого особенного, но дух захватывает. То ли цвет у него такой, то ли арки — не знаю. Остальные замки не производят такого сильного впечатления, хотя каждый по-своему хорош.

В Шверни, например, есть зал, где хранятся две тысячи оленьих рогов. Это странная комната. Рога прикреплены к стенам, на каждом из них табличка. Счет ведется с древнейших времен. Еще там находится знаменитая псарня, где выводят, строго регулируя численность, особую породу собак, которая есть только здесь и больше нигде. Родословная у них очень древняя и знаменитая. Замок Шверни белый, очень красивый и аккуратный, чего не скажешь о Шамборе — вот уж здоровенный! Он занимает какую-то невозможно большую территорию, его видно издалека и, кажется, невозможно обойти за один день.

Я пила свое божоле, думая о замках и пытаюсь вспомнить, в каком же из них во время войны прятали «Мону Лизу», но ничего не вспоминалось, да и вино в моем бокале закончилось.

Мы вышли из кафе, настроение было замечательное. Мысли текли неспешно, не особенно задевая сознание, и я позволяла им спокойно проплывать мимо. Мне подумалось, что надо бы не забыть забежать в «Монопри» за ветчиной — старых запасов вряд ли хватит на обед, что, пожалуй, одной бутылкой вина мы не обойдемся и что жизнь, наверное, удалась.

Недалеко от галереи Лафайет Деня отправил нас с мамой домой — ему хотелось побродить по Большим Бульварам одному. Для обретения опыта покупок за рубежом ему было дано задание купить зажигалку для плиты, с чем Деня блестяще и справился. Сдается мне, что после этой прогулки он как-то потеплел к Парижу, пустил его в свое сердце и уже не задавал вопроса: «А что тебе здесь нравится?»

Время в поездке летит очень быстро, во Франции особенно. Когда возвращаешься — еще пару-тройку дней живешь под впечатлением, а потом... Дела, работа, повседневность. Правда, у тебя есть некая маленькая тайна, ведомая только тебе. Объяснить и рассказать ее невозможно, да и не надо — на то она и тайна.

Наступала весна, и я спросила Деню:

— Куда вы с Лизой едете отдыхать этим летом?

Деня улыбнулся:

— В Париж.

ТУНИС

По Сахаре к троглодитам

Солнце в пустыне действительно белое. Вообще там избыток света и пространства. Физически ощущаешь бесконечность.

Верблюды, как им и полагается, чинно бредут куда-то вдаль, равнодушные к происходящему и даже, кажется, к самим себе. Я узнала, что верблюду дают пить раз в две недели. Если попытаться напоить его раньше — он не будет пить. Не хочет.

Короче, животное довольно скучное, унылое и неинтересное. Правда, тот, что достался маме, отличался некоторой живостью ума и склонностью к экспериментам. В то время как другие верблюды в его связке перешагивали небольшие барханы, он старался их перепрыгнуть, каждый раз не будучи уверен, что это у него получится, и радуясь, что все же удалось.

Сама я не сидела на верблюде — врожденная осторожность и последствия перенесенной операции не позволили мне сделать это, но мама сказала, что сиденье на нем не закреплено, упора для ног нет и сами ноги разведены под таким углом, что исключает всякую возможность маневрирования и даже просто удержания в седле. Неудобно ездить на верблюде! А на скачущем любителе прыжков в высоту?

Я снимала на камеру, комментируя мамины передвижения, но все время хотелось вглядываться в пустоту, в пустыню, которая открывалась все больше по мере нашего продвижения вглубь. Немыслимая величина расстояний ощущалась кожей. Там ведь тихо очень, нет звуков. А пустыня... Это очень интересно: позади тебя — не пустыня, впереди — она, но ты уже принадлежишь ей. То, что сзади, — это твое прошлое, а настоящее — то, что ты еще не можешь назвать, но что завладело тобой уже полностью. И нет возврата, и не хочется его. Безнадежность и бесконечность. Потрясающие дела.

Эта экскурсия была выстроена очень хорошо и грамотно. Как только у тебя возникало желание освежиться — будьте любезны, остановка. В туалет? Пожалуйста, к вашим услугам. Это было очень важно — жара под сорок градусов, не всякому легко.

Путь наш пролегал через всю страну, и можно было видеть, как небогато живут в Тунисе. Цементная коробка с дыркой для входа является домом, а несколько таких коробок — городом. Наш гид Насыр закончил Политех в Петербурге, поэтому говорил хоть и понятно, но смешно. Он рассказал нам про одну деревню.

— Дожди у нас редки. Тут как-то два года не было дождя, а потом полил страшный ливень, и всю деревню смыло. Не осталось ни одного дома. Жители почему-то огорчились немножко.

Еще в рамках экскурсии он, как полагается, рассказывал об обычаях страны, религии, традициях.

— Вот все говорят, что ислам агрессивная религия. Что вы, мы никому ничего не навязываем, никого ни к чему не призываем, мы просто говорим вам, какая религия правильная — и все.

Больше половины Туниса отдано под оливковые деревья. Вообще у них отношение к растительности трепетное. Когда Насыр рассказывал про финиковые пальмы, чувствовалось, какую он испытывает к ним любовь. Действительно, у них пальма — кормилица, как у нас корова. И финики дает, и напиток хмельной из нее гонят, и голову листьями моют, и я не знаю, что еще делают.

— Когда срок жизни пальмы заканчивается, она опускает листья. Вон там, видите, эта пальма умерла, — в голосе Насыра слышалась неподдельная печаль, и мы, притихшие, смотрели на увядшее дерево.

Иногда по дороге нам встречались водопады. Мы выходили из автобуса, было приятно в невыносимой жаре почувствовать близость прохладной воды. У одного из таких водопадов мама меня доконала.

Дело в том, что ей давно хотелось купить головной убор местного населения — всего лишь кусок ткани, который надо особым образом обмотать вокруг головы. Мне покупка казалась бессмысленной, и я ни за что не соглашалась заходить в лавку на предмет приобретения ненужной вещи. Но тут то ли от жары, то ли еще от чего, но я утратила бдительность, и мама затащила-таки меня в один маленький магазинчик. Немолодой, но шустрый араб радостно встретил нас у входа.

Торговля в исламских странах для нас, европейцев (смею думать), занятие утомительное. Нужно зачем-то торговаться, пытаюсь выга-

дать какие-то гроши, с тем, чтобы потом быть очень довольным, что тебе удалось обмануть продавца. Это у них называется «искусство торговли», которое, по существу, является лишь искусством обмана. Один хочет подороже продать, другой — подешевле купить, и каждый старается облапошить другого. Один выдает свой товар за нечто небывалое, другой говорит, что такого плохого он еще не встречал, и так далее. Торг идет на повышенных тонах, нужно уходить, нехотя возвращаясь, соглашаясь с новой ценой, которую предлагает продавец. Скучища смертная. То ли дело, пришел, взглянул на ценник, решил, купил, ушел. Нет, здесь не так. Тут тебе сначала душу вымотают, изведут до такой степени, что ты не рад будешь, что подошел. А они зазывают. Стоят около лотков и, уже зная несколько слов по-русски, кричат: «Только посмотреть!»

Продавец понял по нашим красноречивым жестам, что мы хотим купить именно эту желтую ткань, обрадовался и снял ее с вешалки. И тут случилось странное. Быстро бегая вокруг меня, он начал лихо наматывать мне ее на голову. Надо сказать, я тот человек, который начисто исключает какие бы то ни было прикосновения посторонних людей. Для меня невозможно, если человек даже просто положит мне руку на плечо, мне трудно стоять в очереди, где соприкосновения неизбежны. А тут — такой прямой и непосредственный контакт. Я замерла, застыла и мама, тем более что ей с таким трудом удалось уговорить меня на покупку. В это время продавец остановился у меня за спиной и начал делать мне массаж плечевых мышц.

— Лен, ты как там? — спросила мама, готовая, очевидно, броситься на помощь.

— Пока ничего, — ответила я, стоя в дурацкой чалме, пока еще не готовая объективно оценить ситуацию.

Мама не стала дожидаться, пока все выйдет из-под контроля, так как продавец слишком увлекся производимым массажем, отругала его, сняла с меня чалму и, очень довольная покупкой, попросила ее сфотографировать. Обрадованный араб сразу переключился на нее, так что потом было непросто уйти из магазина.

В программу экскурсии входило посещение пещеры берберов-троглодитов. Тебя действительно привозят к горе, где ты видишь такой проем в скале. Обязательно у входа стоит разбитая дырявая палатка. Объяснение Насыр дал нам очень туманное: дескать, берберы — гордый народ, их выселили с их территории, и они показывают этой нищей палаткой, что не сдаются. Убогость этого жилья

должна показать всем, до какого состояния их довели, и каждый должен усовеститься, покаяться и детям своим наказать, чтобы каялись. Вот как-то так, в таком вот ключе.

Для экскурсантов привели в порядок и приготовили одну из пещер. За малую плату хозяева, которых тоже помыли, демонстрируют ее всем желающим. Их жилище в скале представляет собой сооружение, похожее на все мусульманские дома. В центре — круг без крыши, куда льется солнечный свет, а по бокам — комнаты, уже лишённые естественного освещения, но достаточно светлые, дверей ведь нет. Слава богу, живность убрали, а то обычно все домашние животные находятся здесь, с людьми. Трудно все это представить в реальной жизни, а так — миленькие, уютненькие норки, чистенькие, с половичками. Выше по горе видны еще входы в пещеры, которые уже не предназначены для осмотра туристами. Вот там, я думаю, самая экзотика и есть. А так — если отвернуться от пещер, твой взгляд наткнется на пятизвездочный отель, где есть и бассейн, и кондиционер, и другие блага цивилизации. Любопытно, насколько это все рядом.

Познавательная (мы проехали через всю страну), с элементами экстрима (верблюды и езда по бездорожью на джипах с ошеломляющей скоростью), поездка запомнилась нам на всю жизнь, хотя и загадала мне загадку.

Вот, например, мама боится высоты. Дело известное, понятное — человек, когда поднимается в гору на большую высоту, боится смотреть вниз. У нас был такой момент. Я задержалась с подъемом, мама поднялась раньше. Я увидела, что с ней что-то не то.

— Ты прошла там, по краю? — в ее вопросе было искреннее удивление.

Я обернулась, действительно, узких тропинок было две, одна шла совсем по краю пропасти, и я, чтобы не мешать людям, прошла именно по ней. Сделала это не задумываясь.

Надо было возвращаться обратно, я понимала, что мама боится, и предложила ей свою помощь. Она, конечно, отказалась, я пошла вперед, чтобы не смущать ее. Потом, обернувшись, увидела, что мама идет именно по той, опасной тропинке. Я подняла большой палец вверх в приветствии: «Наши победили!» Потом мы об этом разговаривали. Оказывается, это было для нее колоссальным преодолением.

Но тогда как же быть, когда мы едем в джипе, по крутому из крутейших серпантинных, и я сама, своими собственными глазами вижу, как из-под колес машины падает вниз, в пропасть кусок горы?

Страшно так, что дыхание перехватывает. В этот момент я думаю: ведь сколько джипов проехало здесь, никто не умер, почему именно я должна здесь погибнуть, вовсе и не должна...

Что делает мама? Она просит добавить газу! Я смотрю на нее: спокойная, уверенная и веселая, она наслаждается поездкой, абсолютно игнорируя и высоту, и пропасть, и катящиеся вниз камни.

Как это объяснить? Человек на своих двоих, когда он владеет ситуацией, боится, а когда в машине, которую даже не сама ведет и которая мчится со страшной скоростью по краю пропасти, веселится и сокрушается, что медленно едем. Парадокс!

Тунис — красивая страна. И мусульманская. В нашем отеле «Марбу» все было шикарно. Мы с мамой перед поездкой круто конфликтовали и, чтобы не изводить друг друга на курорте и окончательно не перессориться, взяли отдельные одноместные номера.

Вся наша повседневная жизнь, однако, проходила в моем номере (в свой мама ходила только ночевать). Там стояли две огромные кровати, и одна стала условно маминой. На ней она любила отдыхать после обеда. В мамином номере мне не довелось быть ни разу. Каждый день я веселилась, размышляя о том, что думает обо мне уборщица. Им ведь наверняка известно, что номер занимает один человек, но ежедневно мной использовались обе огромные кровати (она же не знала об условно маминой), а также поедались большие количества пищи и выпивалось множество воды.

Каждый божий день под вечер ко мне в номер начинал ломиться какой-то человек, он бился, как раненая птица, в безуспешной попытке обрести кров и ночлег. Сначала я боялась и даже хотела прибегнуть к помощи администрации, но потом поняла, что это безопасно. У нас установился даже некий ритуал. Он побьется-побьется маленько в мой номер, поголосит что-то на немецком языке, через пару минут из номера напротив выходит усталая жена и направляет его в нужное место. Почему он постоянно путал право-лево — для меня загадка. Я назвала его «шатун». В нем была какая-то бесприютность, роднящая его с медведем, не находящем себе места в этой жизни.

Тунис — страна, которая постепенно учила нас жить в ней. В первый же вечер, надев велосипедки и более чем откровенные топы, мы с мамой вышли на местный променад осмотреться.

Курортная жизнь диктует свои правила. Здесь ты можешь ходить в том, что ни при каких обстоятельствах не смог бы надеть в городе, дома.

Запреты диктуют возраст, работа и город. Возраст не позволяет ходить в мини, работа не позволяет ходить в джинсах, город не позволяет ходить в шортах. На курорте возрастные и социальные границы стираются. В белых шортах, во вьетнамках и вечернем топе ты можешь выглядеть неотразимо! Главное, самой так думать — и тогда тебе поверят!

Курортная жизнь — особая. Все утро ты лежишь на пляже. Обретаешь цветность кожи и вдыхаешь морской воздух. Середину дня ты посвящаешь отдыху от утренних забот, холишь тело и душу, услаждаешь организм яствами, напитками, сном...

К вечеру ты должен быть в форме. Легкий наряд с намеком на вечерний удачно дополняет твоё желание пройтись по освещенной улице, где навстречу попадают такие же красивые и счастливые люди. Звучит музыка из каждого кафе — и ты чувствуешь себя приобщенным к семье бездельников, праздных отдыхающих людей, единственная забота которых, какого цвета шорты надеть завтра и не поменять ли маникюр на более яркий?

Вот с этим чувством мы и вышли с мамой вечером в Тунисе прогуляться.

— Ты какая-то дикая! Вот мы с Раей... — эта присказка будет звучать часто. Мы с мамой уже имели опыт отдыха на курорте: я — одна в Болгарии, она с подружкой Раей — на Крите. — Мы с Раей всегда так одеваемся! Ты еще не видела мои розовые шорты!

Мы шли по улице, которая и сама-то по себе была очень узкой, но посреди нее через каждые двадцать метров стояли пальмы. Приходилось огибать их, неизбежно сталкиваясь с прохожим мужского пола от десяти до девяноста лет. Прохожий приходил от этого в восторг, а мне хотелось срочно закутаться в какой-нибудь балахон. Я чувствовала себя очень голой. Других прохожих не было. Только мы и люди Туниса. Через некоторое время признаки беспокойства появились и у мамы.

— Все. Идем домой. Будем пить водку.

— Как, ведь жарко же! — я была поражена. Пить водку летом, на курорте — это нонсенс!

— Я приняла решение. Берем все экскурсии. Здесь больше делать нечего! — мама была неумолима.

На следующий день необыкновенно красивый, великолепный и невозможный Ружди обеспечил нам путевки на все экскурсии, и мы остались очень довольны.

Эти ребята, экскурсоводы — очень интересные. Когда они в европейской одежде — это обычные такие арабские люди, знакомые нам, ничего интересного. Но как только они надевают свои национальные одежды, то становятся необыкновенно красивыми, колоритными и очень уместными здесь, в Тунисе. Помню Ружди, и без того начисто покорившего нас с мамой, когда он стоял в своем черном с золотом одеянии на развалинах какого-то амфитеатра, и всех ребят из турфирмы, когда они в своих национальных нарядах сидели и пили чай из специальных стаканчиков.

Кстати, в этот момент у них менялось и отношение к нам, туристам. Если во время экскурсии Насыр, например, был сама предупредительность, то на отдыхе он смотрел как бы сквозь тебя и попросту не слышал твоих вопросов. Еще чего, женщина смеет обращаться к нему, к мужчине! Мусульмане, от этого никуда не денешься. И никакая Европа не поможет, никакая цивилизация сути не изменит, никакое образование традиции не искоренит.

Экскурсии все были очень интересны. Наконец-то я увидела Карфаген, который должен был быть разрушен и по сей день пребывает в этом состоянии. Я видела прекрасный бело-голубой город Сидибу-саид. Я наблюдала оазис в пустыне и троглодитов в их норах, в которых они живут вместе с лошадьми.

Но я не научилась жить в мусульманской стране. Я не перестала удивляться, когда вдруг, по непонятной причине, всех покупателей выгоняют из супермаркета, потому что надо творить намаз. Я не привыкла к навязчивому вниманию мужчин. Но я рада, что побывала там. Больше не хочу, но рада. Но больше не хочу.

КАНАРСКИЕ ОСТРОВА

Мудрые пингвины Тенерифе

— И это рай на земле? Это же какой-то тектонический пейзаж! — в мамин голосе чувствовались недоумение и обида, что нас так обманули. Мы ехали из аэропорта к отелю, за окном проплывали скалы, лишенные растительности, все вокруг было серым, да еще начал накрапывать дождик.

Канарские острова! В сознании русского человека сразу всплывают райские кущи, доступные только небожителям. Это место — предмет мечтаний, устремлений. Когда хотят уколоть какого-нибудь разбогатевшего человека, говорят: «Ну как же! Он небось на Канарах отдыхает!» Часто — это неосуществимая мечта, что-то сродни полету на Луну. Странно все-таки — ведь материковая Европа по цене гораздо дороже. Но разве удивишь кого-нибудь сообщением о том, что ты в Австрии провел лето. Ну провел и молодец! А вот если ты на Канарах отдыхал, ты как бы причислил себя к определенной касте людей. Правда, с годами это уходит — уже довольно много народу на этих самых Канарах побывало.

Нас разместили в отеле «Санта Мария». Номер оказался отличным, состоящим из двух частей — гостиной и спальни, так что у нас у каждой было по комнате.

Кондиционера в номере не оказалось. Под потолком в спальне находился огромный вентилятор, как пропеллер у вертолета. Имелось несколько кнопок, чтобы его запускать и регулировать скорость вращения. Все было понятно и просто, но почему-то мне вдруг пришло в голову, что надо запустить вентилятор в обратном направлении. Веками он крутился в одну сторону, пыль, грязь и всякая нечисть уютно устроилась на нем, уверенные, что так будет продолжаться и дальше. Но я сделала все наоборот — и куча разной дряни полетела

на нас, на постель, покрывая все вокруг серыми хлопьями пыли. Мама потребовала прекратить эксперимент, и пришлось все вернуть на круги своя в буквальном смысле слова. Надо было идти к океану.

Дорога шла вниз, нам попадались небольшие отели, магазинчики. Когда мы увидели пляж — остановились в потрясении. Он был грязно-серого цвета, почти черный. Дети, которые играли на пляже, выглядели как дети подземелья, потому что песок, приставший к их мокрым ногам и рукам, был похож на грязь из лужи. Потом мы, конечно, узнали, что это вулканический песок, что он таким и должен быть, но после великолепных пляжей Турции и Туниса этот показался нам более чем странным. Он был как-то мрачноват. Это к вопросу о рае на земле, господа!

Потом мы полюбили наш путь к океану. Там находился магазинчик, в котором и продавцом и хозяйкой была некая изысканная леди, торгующая довольно дорогими полотняными изделиями. У нее оказался непонятный график работы — абсолютно произвольный. Складывалось впечатление, что у дамы непрерывная сиеста. В это время полуденной жары большинство магазинов закрывается часа на три, но ее это не касалось, она могла начать работать поздно вечером, а то и вовсе не открыть свой магазинчик.

Напротив нее работал веселый чернокожий художник. Он каждый день с упоением рисовал великие полотна, большие груды которых накапливались в его магазине и которые никто не покупал. Но это совершенно не беспокоило автора. Он включал свою негрятинскую музыку — и наслаждался творчеством, готовясь сложить очередное полотно в огромную стопку из вчерашних произведений.

Еще там были африканские женщины, которые заплетали косички вновь прибывшим отдыхающим, желающим сразу обозначить себя этим атрибутом курортника. Их непомерных объемов тела были обтянуты национальными одеждами, а на голове намотано огромное количество ткани, что так нравится маме.

Первая прогулка к океану ввела нас в состояние недоумения, растерянности и печали.

— Ну что, как обычно, берем все путевки на все экскурсии? — спросила мама.

И на завтра мы поехали в Лоро-парк.

Лоро-парк — это парк попугаев. Там их сколько-то тысяч видов. Но главное, как ни странно, в этом месте не попугаи. Сначала нам показали шоу с дельфинами, потом провели через сад орхидей, по-

том, и это было интересно, показали самцов горилл, которые живут вместе вчетвером, чтобы их нрав усмирился и можно было бы отпавить их в гориллью семью для проживания. Они смотрели на нас с нескрываемым отвращением и грызли какие-то ветки. В них чувствовалась сила и мощь, и ты радовался, что они находятся за прочным стеклом. Потом какой-нибудь самец поворачивался к тебе спиной и сидел так, демонстрируя верх презрения, изредка, правда, оглядываясь и проверяя, здесь ты или уже ушел.

Потом было шоу попугаев, искусственное и скучное, как все эти шоу. Правда, был один момент, когда все птицы вдруг начали летать с огромной скоростью над головами, стало страшновато и как-то поверилось в фильм «Птицы» Хичкока. И потом, могли ведь элементарно нагадить на голову.

Время нашего пребывания в парке заканчивалось. Остался павильон с пингвинами. Идти в него не хотелось, но надо было себя чем-то занять, и мы пошли.

Сразу, как войдешь, находится огромный, на два этажа, прозрачный столб, наполненный водой, в котором плывут сардины, много-много, несколько тысяч, наверное. Они все плывут в одном направлении, как бы в замедленном темпе. Это невозможно описать! Это — как время, как жизнь, как вечный двигатель, на это хочется смотреть не отрываясь. И ты смотришь на это бесконечное движение, и мысли в голову приходят несчетные, простые и глубокие.

Дальше были пингины — наша с мамой любовь с первого взгляда. Все пространство занимал огромный стеклянный купол. Внутри него были водоем и суша, вся покрытая льдами и снегами. Наверное, несколько сотен пингинов проживали в этом пространстве. Мы полюбили их сразу и бесповоротно.

Посреди пространства высилось некое подобие горы, и вдоль всего склона на нем стояли пингины, каждый по-своему необыкновенен. Если ты пингвин — ты либо поэт, либо философ. Большинство из них стояло как бы в трансе, задрав клюв кверху, размышляя о высоком. Иногда один из собратьев решал вдруг начать спускаться с горы, но, внезапно потрясенный глубочайшим философским прозрением, замирал надолго, глядя вверх, весь преисполненный достоинства и величия. Чувствовалось, что от собственной значимости они приходили в восторг. Иногда пингины снисходили до нас и оглядывали присутствующих, уверенные, что произвели на нас неизгладимое впечатление. Было такое чувство, что ты приобщился

к великому таинству рождения мысли. Так они в большинстве своем и стояли, а мы проникались к ним уважением и нежностью.

На Канарах нам довелось повстречаться еще с одной птицей. Это — страус, и он нам не понравился. Дело в том, что страус — идиот. Размер его мозга не превышает размера его же глаза. Все, что проглотит ему через ячейки клетки, он будет есть. Большой и дурной. У нас с мамой сложилось нелицеподобное мнение о страусах.

Остров Тенерифе, где мы отдыхали, состоит из более чем шестидесяти вулканов, главный из которых — Тейде. Он замечателен тем, что на его вершине есть снег. Точное число вулканов неизвестно никому, так как ежегодно то появляются новые, то исчезают старые. Пейзаж кругом тектоническо-вулканический — лава, одним словом. Растительности нет, только кое-где промелькнет одинокая агава, да какая-то сосенка является их фирменным деревом.

Экскурсий на Тенерифе оказалось немного, и мы стали жить нашей обычной повседневной курортной жизнью. В отеле питание было «полупансион», то есть завтраки и ужины, поэтому обед, как водится, был на мне.

Из России мы привезли несколько пакетиков с быстрорастворимым супом, чтобы не думать о горячем. Обед наш был прост и изыскан. Кружка супа, бутерброд с местным мясом, купленным в ближайшем супермаркете, много фруктов и в зависимости от настроения — «Кровавая Мэри» или, скажем, мальвазия.

Я накрывала стол на балконе, стараясь придать ему праздничный и торжественный вид, что было совсем нетрудно — яркие фрукты и напитки очень этому способствовали. Мы с мамой в красивой одежде садились за стол, ели, украшая прием пищи неторопливой интеллектуальной беседой. Что за славные моменты! Потом мама отправлялась на послеобеденную сиесту в свою комнату, а я убирала со стола, не забыв оставить несколько крошек голубям, которых нечаянно прикормила.

Кстати, о птицах. Вопреки расхожему мнению не канарейки дали название островам. Тут дело в паре собак, которых привезли на остров Гран Канария в незапамятные времена, а на латыни «собака» звучит как «канис», отсюда и название. А птицы — они просто жители Канарских островов, что и пишется как «кенар». Только и всего.

Жителями этого рая на земле стремятся быть многие. Недалеко от островов находятся Марокко, Алжир, Мавритания. Каждый день обычные лодки доставляют нелегалов, стремящихся оказаться на

Канарах. Бывает, что у некоторых не хватило сил добраться живыми, но стремление попасть сюда слишком велико, и снова и снова отчаянные безумцы плывут по океану к лучшей, как им кажется, жизни. А здесь ее никто никому не гарантирует. Их, как правило, отправляют обратно, немногим удается зацепиться и организовать свой бизнес, хотя чернокожего народу на островах много. Основную же массу проживающих составляют туристы. Беспечные, праздные люди и сформировали общую атмосферу здешнего пребывания. Только отдых, только радость — и ничего более.

Вечерами мы любили гулять вдоль берега. Было жарко — океан отдавал накопленное за день тепло. Кругом звучала музыка. Люди сидели на открытых террасах, пили вино и смотрели на воду. Так сидеть можно было бесконечно, и ты понимал, что вот она, та сказочная жизнь, которая грезилась тебе когда-то.

Когда мы уезжали, нас, как всегда, попросили заполнить анкету: что вам здесь понравилось да что бы надо улучшить. Наивные люди, они пытаются привлечь нас отсутствием растений и наличием черного песка?

А на Канарах — прелесть в другом. В том, что зимой, летом, утром, вечером всегда одинаковая температура воздуха. Это действительно место, где вечная весна. Курортная жизнь налажена блестяще, там все время царит атмосфера праздника. Это еще и Европа — то есть и радости, и запреты понятны и не опасны, не то что, скажем, в мусульманской стране. А где еще можно испить великолепной мальвазии действительно золотого цвета? А где океан такой теплый и ласковый, который как будто обнимает тебя, когда ты входишь в его воды? Даже мама плавала до буйков!

В результате ты перестаешь обращать внимание на песок, а растительность — зачем она тебе? Есть океан и солнце, вкусная родная (не китайская!) еда и счастливые люди! Кончилось тем, что мама не хотела уезжать, отказывалась собирать чемодан. И только надежда снова сюда приехать позволила нам вернуться домой. Надо, надо на Канарах отдыхать!

ПОРТУГАЛИЯ

Одинокий ананас
на ветке пробкового дуба

В агентстве мне сказали, что поездка — просто чудо! Лиссабонская Ривьера! Так и представлялось: длинный солнечный пляж, неторопливая курортная жизнь с отдыхающими рангом повыше, чем в Египте, — ведь Европа же! И потом это не традиционный курорт, так беспощадно освоенный соотечественниками.

Вскользь, правда, упомянули, что поездка дорогая, и лететь надо будет двумя самолетами туда и двумя — обратно с пересадкой во Франции. Но кто ж не любит Францию, господа, да и самолеты-то компании *Air France*.

В первом, летящем до Парижа, было полно русских, шумная полухмельная самолетная жизнь казалась привычной. В Париже мне предстояло провести четыре часа, много, но все же я не рискнула съездить в город. Вроде бы знакомый аэропорт Шарля де Голля вдруг стал неузнаваемым, когда я оказалась в нем одна, а русские все исчезли, растворились. С трудом разобравшись в сложной системе выходов, входов и всяческих переходов, я нашла свой путь и, расслабленная, стала бродить по аэропорту, стараясь хотя бы так ощутить, что я в Париже. Это было не трудно. Везде продавались сыры. Помню, мы с мамой в одной из первых поездок стояли и обсуждали, что французы правильно отделяют сыры от других товаров, располагая их в специальных магазинчиках. Мимо нас как раз проходили русские, и мы услышали, как один мужчина, потянув носом, сказал: «В Париже, конечно, хорошо, но с канализацией у них непорядок!» Это было бы плохо придуманной шуткой, если бы не было чистой правдой.

Глядя на девушек стюардесс, я заметила, что они все одинаково причесаны — у них волосы были убраны назад и скручены в тугий пучок. Причем очевидно, что далеко не каждой из них такая прическа к лицу, но, видимо, это была политика компании. Стюардесса, по существу, — официант, и ей надлежит содержать себя в опрятности. Удовлетворенная тем, что разгадала их секрет, я села в самолет, и тут начались мои мучения.

Рядом сидела женщина с маленьким ребенком. Как только самолет тронулся с места, юный отрок начал кричать, причем не просто кричать, а ужасно визжать, вопить и стенать. При этом он лупил меня ногой. Мне оставалось только улыбаться — единственный международный жест, который свидетельствует о моих мирных намерениях. На нас с досадой оборачивались измученные криком люди — и им я тоже посылала лучезарную улыбку, чувствуя себя полной идиоткой.

Трудность была в том, что теперь в самолете были одни французы, говорили они только на французском — и ничем помочь мне не могли. Время от времени ко мне подходила стюардесса, спрашивала на французском что-то, затем, видя мою глупую улыбку, переходила на английский, но практически с тем же успехом.

Все это время импортный отпрыск издавал истошный вопль с переливом, моя улыбка постепенно таяла, и лицо приобретало страдальческое выражение. Сочувствуя моему горю, стюардессы чаще, чем другим, приносили мне воду и лимонад. А может, они это делали во избежание общения со мной, надеясь, что угадали то, что я хочу.

Измочаленная, обозленная, не желающая говорить ни на каких языках мира, я вышла из аэропорта и стала искать человека с табличкой. К моей радости, он меня разговором не изводил, а молча показал на автомобиль и растворился в толпе.

Обычно нас, туристов, набирается целый автобус, потом всех постепенно развозят по отелям. Все это делает принимающая сторона с большим или меньшим успехом, но так бывает всегда. По дороге из аэропорта тебе немного расскажут о стране, обрисуют правила проживания, традиции здешнего народа, дадут телефоны для связи. Эти люди буду тебя курировать на протяжении всего пребывания на курорте. Они обеспечивают экскурсии, их представители в определенные дни и часы назначают тебе время для встречи на случай всяких непредвиденностей.

В этом автомобиле я была одна. Как только я села, мы сразу тронулись в путь. Я оглядела водителя на случай, если мне придется от

него отбиваться. Всегда есть такая опасность, мало ли что ему в голову взбредет. Но нет, похоже, этот был не из тех, немолодой уже человек.

Тем временем опускался вечер. Куда я еду? Водитель молчал. После нескольких попыток поговорить выяснилось, что преподавание ему английского языка сильно отличалось от моего, и мы с ним со школы помнили разные слова. Мимо нас проплывали какие-то города. Так мы и ехали с ним, как два старых друга, у которых все уже переговорено в жизни, слова больше не нужны, и им просто приятно побыть вместе в полном умиротворенном молчании.

Вдруг все кончилось. Остановившись посреди полутемной улочки, водитель вышел, вынул мой чемодан, поставил его на землю и махнул рукой куда-то, где были проблески огня. «Отель?» — спросила я. Он энергично покивал мне, сел в машину и, с ходу взяв огромную скорость, укатил.

Такого нарушения правил я еще не видела. Мало того, что обычно тебе багаж выгрузят, так еще и норовят в номер занести в надежде на чаевые. А тут — осталась одна на дороге. Злая, как черт, я пришла в гостиницу, готовая к битве и уже не признающая никаких языков, кроме русского. Девушка у стойки, сначала встретившая меня довольно приветливо, через минуту смотрела с некоторым беспокойством. Я не желала ничего понимать, только молча протянула руку за ключом.

Оказавшись в номере, открыв *Baileys* и осмотревшись, я начала понимать, что все позади, эта обычная суета приезда-отъезда кончилась, а теперь осталось только наслаждаться и вкушать радости курорта. Завтра придет представитель турфирмы, все расскажет, все покажет, все уладит.

За окном был какой-то шум.

Я вышла на балкон. Прямо подо мной была песчаная площадка размером с половину футбольного поля. Вся она была окружена огромным количеством народа, а в центре стоял бык. Молодые ребята подбегали к нему очень близко и дразнили, чем вызывали восторженный рев толпы, который и привлек мое внимание.

В Португалии быков на корриде не убивают. Это просто такой веселый праздник. Мне кажется, что из-за этого он чего-то лишается. Бой перестает быть поединком, где всегда исход один — чья-то смерть. В Испании быку, фактически обреченному на убой, дается шанс. Он может победить тореадора, и хотя, скорее всего, погибнет

сам, он делает это достойно, в борьбе. Такого быка уважают. Их специально выращивают, они ведут особый образ жизни, готовясь сразиться в смертельной схватке. На мясо этих быков идет многомесячная запись. Считается, что мясо убитого таким образом быка обладает некоторыми важными для мужчин свойствами.

Само зрелище корриды очень захватывает, несмотря на то, что там все-таки присутствует смерть. Но почему-то меня, при всей моей сентиментальности и жалости к животным, это не беспокоило. Наверное, потому, что еще в юности я прочитала и очень полюбила «Фиесту» Хемингуэя, где весь роман есть, по существу, гимн бою быков.

Игра внизу продолжалась, и я решила спуститься вниз. Мило улыбнувшись девушке, я сказала слово «сейф» и, получив ключик, вышла на улицу. Там неистовствовал праздник. Было какое-то шествие — шли люди в одежде священников. Они несли фигурки не то святых, не то великих церковных деятелей, это был такой крестный ход. А на песке какой-то молодой человек так наскочил на быка, что тот попятился. Раздались крики со всех сторон, аплодисменты. Я, стоя в этой толпе, тоже что-то кричала, приветствуя смельчака. Потом, осмотревшись, убедилась, что вокруг были одни португальцы, туристов что-то не видно, и я сочла за благо вернуться в отель.

Наутро все исчезло. Исчезли и бык и люди, берег стал пустынным и неприветливым. Квадрат песка и был моим пляжем, никто там не загорал (после быка как-то и не хотелось) и никто практически не купался, так как все пространство для купания было занято причалившими лодками и катерами. Тогда я пошла искать бассейн. Он оказался на крыше отеля и был очень маленьким — в одну сторону можно было сделать десять-двенадцать гребков. Чтобы не растолстеть, я каждое утро приходила туда и плавала взад-вперед до головокружения от слишком частых поворотов. Это было можно делать только очень рано, когда еще не набежала детвора. В середине дня в этом бассейне можно было только сидеть и мокнуть, передвижения становились невозможными.

Я вышла в город. Это оказался именно город, в котором всегда живут люди, а не курорт. Убедившись, что и шопинга здесь не будет, я по старой доброй привычке решила заказать все экскурсии, чтобы хоть как-то провести время. Но никто ко мне не приходил. Пришлось позвонить в Питер. После множества звонков, недоумений и восклицаний мне, наконец, удалось заполучить пару экскурсий на выходные.

Сидя в номере, уже с открытым мартини, я продумала всю свою здешнюю жизнь. Раз пляжа нет, экскурсий нет, магазинов нет, то загорю тогда до бесконечности, буду лежать, как бревно, на крыше, вдыхая океанский целебный воздух. Так я и поступила. Рядом со мной обычно располагалась семья англичан, мы улыбались друг другу каждое утро, не разговаривая. В отеле совсем не было русских, я свою национальность не обнаруживала, но однажды увидела, как мои соседи с интересом разглядывают оставленную мною на лежаке книжку, так что инкогнито, полагаю, было раскрыто.

Отель был четырехзвездочный, что по европейским понятиям очень даже хорошо. Кормили только завтраками, но вечером ты мог поужинать в ресторане. Я заблаговременно еще в России заплатила за все ужины, что мне предстояло съесть.

В первый же вечер я, как полагается, переодевшись, спустилась в ресторан. Оказалось, что там не шведский стол, а тебе дают меню — и заказывай. Напитки — платные. Я глянула в меню и, поняв только единственное слово *chicken*, заказала блюдо из него. Так я и ела все время цыпленка, не рискуя экспериментировать. Однажды я забыла кошелек в номере. Что делать? Я уже отъела сколько-то этого птенца, да и вино отпила. Как уйти, чтобы тебя не сочли за мошенницу? Объяснить официанту, что я только лишь схожу за кошельком, представлялось задачей невыполнимой. И тут я вспомнила Терминатора. Жестом подозревав официанта, я сказала ему: «I'll be back» и удалилась. По дороге я все пыталась вспомнить — в фильме это было шуткой или нормальными словами? Уж больно фраза была расхожей.

Наконец-то наступили выходные и можно было выйти в свет. За мной на машине заехала экскурсовод — молодая девушка, вышедшая замуж за англичанина, но живущая почему-то в Португалии. На экскурсию со мной отправилась пара приятных пожилых людей.

Девушка начала свое повествование. По ее рассказу выходило, что все более или менее великие люди были португальцами. Ну, я понимаю еще Магеллан, но Паоло Коэльо и Колумб! За Коэльо, как говорится, ничего не скажу, но Колумб-то тут при чем? Вечером, пребывая в некотором смятении, я послала эсэмэску Дене о том, что в Португалии считают Колумба местным уроженцем. Деня был краток: «Только не говори об этом испанцам», и я успокоилась.

А пока экскурсия продолжалась. Понять девушку было трудно-вато, ее рассказ об архитектурных стилях (родина которых — Португалия, разумеется!) был путаным и невнятным. Мои соседи ино-

гда задавали ей вопросы по существу, но это ее расстраивало, она отвечала не по теме и невпопад. Чтобы отвлечь ее от этого занятия, которое явно было для нее чем-то мучительным, я заговорила о местных фруктах. Меня интересовал вопрос: что здесь едят и как выбрать наиболее вкусные экземпляры. Она радостно поменяла тему и сказала, что ей больше всего нравятся ананасы.

— А как их выбирать? — спросила я, надеясь, что обретенные здесь навыки пригодятся мне и в России.

— Ананас лучше всего, когда он немного сухой, то есть слегка уже подвял. Понимаете, когда он висит на ветке...

Я, потеряв дар речи, переглянулась с мужчиной. Он тоже в недоумении смотрел на меня. Не знать, как растут ананасы, в стране, в которой они растут! Они, конечно, не лежат уж прямо на земле, но и на ветках, извините, не висят! Мы с мужчиной еще некоторое время смотрели друг на друга — все было ясно. С этой минуты он не задал нашему гиду ни одного вопроса, а я вообще перестала ее слушать.

По дороге нам часто попадались пробковые деревья. Они очень похожи на обыкновенные дубы, только ствол очень корявый. Кору, которая по существу и есть пробка, постоянно срезают, потом дерево покрывает новый слой коры — и так из года в год. По словам нашего экскурсовода, Португалия — главный мировой поставщик пробки, но, честно говоря, я за это не поручусь.

В чем я действительно уверена, так это в том, что побывала в самой западной точке Европы. Это такое обрывистое место, где дует страшно сильный ветер. Становится очень холодно, но к вашим услугам имеется небольшой магазинчик, торгующий свитерами. Все для людей! Место это очень красивое, ты с океаном оказываешься один на один, чувствуешь себя первооткрывателем, Магелланом и даже, бог с ним, Колумбом!

Из поездки я вернулась в номер с прекрасными персиками, которые нам все же помогла выбрать наш незатейливый гид. Не сожалея уже о несостоявшихся экскурсиях, я стала развлекать себя сама.

В Португалии очень много чернокожего народа. Это жители бывших колоний, которым по каким-то причинам выгоднее жить и работать здесь, в самой бедной европейской стране. Португальцы считают себя крайне ленивым народом, поэтому рады нашествию негров, впрочем, тоже ничего не делающих. Часто сидят в пыли прямо на земле — балдеют. Коренное же население в основном отдает дань уважения местной достопримечательности — портвейну. Гля-

дишь, к вечеру невозможно встретить человека с ясным взором, все слегка навеселе. Напиток, надо сказать, действительно вкусный и ничего не имеющий общего с тем ужасным питьем, называемым у нас портвейном, которое было так популярно в советские времена.

Португальцы очень интересные и необычные люди. Вот спроси их о Лиссабоне, чем он хорош? Они ответят, что это единственная столица мира, где разрешено вывешивать на балконах сохнувшее белье. Все сувениры, кружки, картинки имеют изображение такого балкона. Способ сушки у них немного другой. У нас веревку протягивают внутри, а у них балкон остается пустым, и белье, грозя быть унесенным ветром, выносится за его пределы на специальных держалках и сохнет вне балкона, на воздухе.

В Португалии жить весело, приятно и хмельно, особенно если учесть, что твоя страна является родиной всех знаменитостей поголовно. Пребывая в этом счастливом заблуждении, можно прожить долго и без огорчений. А что, погода преимущественно прекрасная, фрукты растут, туристы обеспечивают бюджет. А к вечеру выпил портвейна — и всякий человек тебе друг, товарищ и брат. И потом ты — часть Европы, не кто-нибудь!

Обратный путь из Португалии не показался мне тяжелым. Я была рада снова встретиться с Парижем, а в самолете оказалась с парой очень приятных русских людей, и мы проболтали всю дорогу.

АНГЛИЯ

Лондон. Я еще сюда приеду

За границу я никогда и не собиралась. Мама меня спрашивала, а я говорила, что из всех стран мира хотела бы побывать только в Англии и Франции. Только эти две страны казались мне достойными внимания. Не Турция же с Египтом! Так и получилось, что если отнять Финляндию, куда мы ездили по работе, то первой серьезной, именно заграничной, туристической, стала поездка в Англию.

Для меня все было внове. Предстояло лететь самолетом, а я уже много лет этого не делала — и волновалась. Почему-то мне страшнее взлетать. Мама говорит, что опаснее посадка, оно и по логике так, но когда я смотрю вниз во время взлета и осознаю стремительно увеличивающееся расстояние между мной и землей, что-то сжимается в сердце.

Мы прибыли в аэропорт Хитроу, где народу было столько, что вообразить трудно, провели там несколько часов, пока автобус не забрал нас и не повез в гостиницу. Отель оказалась малюсеньким, комнатенка миниатюрнейшей, но зато это был центр города, недалеко от Кромвеллроуд. Эта улица стала потом нашей любимой, на ней можно было тренироваться переходить дорогу. Для удобства таких беспечных, с точки зрения англичан, людей, как мы (потому что у нас правостороннее движение), на переходе прямо на тротуаре написано огромными буквами «Смотри налево» и «Смотри направо». Это очень умно, потому что с непривычки очень трудно понять, куда смотреть, теряется какая-то заложенная с детства ориентация, развивается косоглазие, утрачивается контроль над собой. Это, конечно, преувеличение, но перейти дорогу действительно непросто, надо привыкнуть. И потом, если тебе нужно куда-нибудь поехать, сперва сообрази, где остановка и в какую тебе вообще-то сторону.

Мы прилетели поздно вечером, а на следующий день началась наша гонка по Лондону — дней было мало, поэтому программа была настолько насыщенной, что под конец события, люди, музеи, Биг Бены, бифитеры с Тауэрами смешались в кучу, перепутались, чтобы потом, со временем все же сложиться в стройную картину.

Первым был музей мадам Тюссо, самый древний, самый-самый. В первых помещениях стоят различные фигуры политических деятелей, артистов, писателей, художников. Все они находятся в доступности, к ним можно прикоснуться, подержать за руку, сфотографироваться. Дальше огромный зал занимает скульптурная группа, изображающая королевскую семью. Все это под стеклом, крупно, нарядно и торжественно. Но там нет Дианы, она, необыкновенно красивая, тоже под стеклом, стоит совершенно отдельно напротив этой группы, и это противостояние как-то очень характерно и значительно. Видно, что это неспроста.

Потом начинается аттракцион. Ты садишься в такую машинку, имитирующую лондонское такси, она движется по рельсам из зала в зал, каждый из которых изображает какую-то эпоху или значимый момент в жизни Англии.

Фигуры двигаются. Вот мужчина в старинном одеянии века так примерно девятнадцатого стоит и пишет что-то пером. В тот момент, когда твоя машинка проезжает мимо него, он внезапно обращается к тебе вопросительно, как бы стараясь услышать, что ты ему скажешь. Эффект — потрясающий. Во-первых, это совершенно неожиданно, а потом он сделан очень натурально. Еще там добавлены звуковые эффекты. Кричит ребенок: «Мама, мама, не убивай меня!», внезапно над тобой обрушивается гильотина, которая летит со страшной скоростью, застывая в неподвижности в каких-то двадцати сантиметрах от твоей головы. Все это сопровождается грохотом и криками. Ужас — не передать! Когда проезжаешь мимо сцены, где изображен знаменитый пожар, когда сгорел почти весь Лондон, чувствуется запах горячего, чуть подгорелого хлеба — пожар начался с булочной. Мама была в Амстердаме, она говорит, что ничего подобного там нет, этот музей действительно шедевр.

Потом мы поехали на Бейкер-стрит — к единственной цели моей поездки. С детских лет, выучив Конан Дойля практически наизусть, я мечтала там побывать. Походить по легендарным комнатам в квартире Шерлока Холмса! Оказалось, что комнаты есть, камин и кресла есть, а мечта оказалась мифом, легендой. Музей этот как бы виртуальный. Музей человека, которого не было. Там довольно много ве-

щей, они все — цитаты рассказов, но не овеяны прелестью причастности к великому человеку. Потому что и сам-то человек — лишь вымысел. Вот и музей — вымысел настолько, насколько хватает фантазии у его создателей. Там есть кепки, которые можно надевать, трубки и пледы. Во всем этом можно фотографироваться, но это просто тряпки, они ничьи. Состарятся — принесут новые без всякой потери достоверности. У меня было чувство какой-то утраты, светлой, впрочем.

Потом нас повели в паб. Это место, надо сказать, занимает в жизни каждого английского джентльмена особое место. После работы ни один добропорядочный человек вот так вот просто домой не пойдет. Его путь лежит через паб. Их множество, там собираются люди по интересам, каждый паб имеет уклон то в сторону спорта, то охоты, то еще чего-нибудь. Для привлечения посетителей пабы украшают в соответствии с этими направлениями — шкурами, кубками и вымпелами. Там положено проводить много времени, обсуждать политику, новости, сокрушаться, что нынешняя молодежь совсем отбилась от рук. Женщины там как-то не очень приветствуются.

Экскурсовод привел нас в один такой паб — и бросил. Мама, тогда еще не знавшая ни слова на английском, отправила меня за пивом. Я чуть сознание не потеряла. Меня замкнуло, я позабыла все слова, когда поняла, что стою в очереди, где только одни англичане. Не дай бог, думаю, кто-нибудь меня о чем-нибудь спросит! Сама, однако, прислушиваюсь, что они заказывают. Методом исключения поняла — нам нужно по полпинты. Теперь проблема была в том, что пива этого там было сортов двадцать. Как назвать то, какое мне надо? Мама любила пиво скорее ближе к темному. Опять включился механизм исключения. Когда подошла моя очередь — я была почти готова. «Ту хав пайнт бир», — отчеканивая каждое слово, гордо проговорила я. Странно, продавец не упал в обморок, не стал показывать на меня пальцем, приглашая всех повеселиться над моим скудоумием. Это придало мне смелости и на его молчаливый вопрос, который, как я поняла, означал: «Какого сорта?», я громко произнесла: «Стаут!» и оглядела всех присутствующих. Это была безусловная победа, и, счастливая, с двумя кружками самого темного, черного, как ночь, я пива вернулась к маме. Темнее этого пива в природе не бывает, оно было густым и на каких-то травах, но показалось нам необыкновенно вкусным.

Это был первый успех, стало ясно, что пищу мы как-нибудь добудем. Нам посоветовали брать еду навынос. Это очень вкусно и

очень недорого (конечно, по английским меркам). Недалеко от нашего отеля было такое место, там готовили рыбу и курицу, упаковывали в бумажный пакет вместе с картошкой фри и соусами. Все это, еще очень горячее, мы приносили в гостиницу и с удовольствием съедали, особенно рыбу. День за днем мы брали там еду, не разговаривая с продавцом. Достаточно было ткнуть пальцем в меню, заплатить известную сумму — и удалиться.

Тут надо сказать об одной моей особенности. Когда я что-то говорила на английском, мои иностранные собеседники очень радовались, что я произнесла что-то членораздельное — и воодушевленно начинали говорить на своем языке, который для меня и на английский-то не был похож. Всегда происходило одно и то же — я внимательно выслушивала все, что мне говорили, потом отворачивалась от них с неприятным лицом и говорила маме: «Не хочу, ничего не понимаю и вообще я ухожу и разговаривать не буду». Английский человек в недоумении замирал, не понимая, чем это он меня так обидел, а я махала на него рукой, отрицательно мотала головой, показывала, что общение с ним приносит мне только одни страдания, и уходила. Мама мне пыталась объяснить, что англичане ни в чем передо мной не провинились, но все это повторялось каждый раз, когда возникала необходимость в общении с местным населением.

Чтобы отсюда, где мы покупали еду, нас не прогнали за мое такое поведение, я покупала все молча, только приветливо кивала головой, как китайский болванчик. В последний день, когда мы брали свою традиционную рыбу с картошкой, продавец, еще очень молодая девушка, неосторожно о чем-то спросила меня на их английском языке. Тут же я вся сморщилась, настроение у меня упало и я, отвернувшись от нее, сказала маме: «Ну, не знаю что ей надо, может, спрашивает, полить ли соусом. Что ей не так-то? Я ж не понимаю по-английски — что я ей отвечу?» Вдруг сзади, со стороны прилавка, прозвучало: «Говорите по-русски». Глупее ситуацию трудно себе представить. Оказывается, эта девушка из Украины, живет в Лондоне несколько лет, прекрасно знает русский язык и, наверное, со смехом наблюдала за мной все эти дни, когда я, практически глухонемая, покупала у нее продукты.

Самое интересное, что мама, не понимающая и не говорящая на английском ни слова, чувствовала себя очень комфортно. В первый же день, выбрав свободную минутку, мы пошли прогуляться около отеля, осмотреться, так сказать. Мама увидела паб и, воодушевленная нашим первым успехом, тут же пожелала в него зайти. Она уже

толкала входную дверь, когда я вдруг почувствовала, что здесь что-то не то. По каким-то неуловимым признакам я поняла, что это паб для геев. На нем были какие-то вывески, но кто же их прочтет! Когда мы приблизились к дверям, все мужчины, и сидящие за стойкой, и уютно расположившиеся парами за столами, перестали пить пиво и уставились на нас. «Состроилась как есть немая сцена».казалось, даже музыка перестала играть. Мама же радостно входила в этот центр порока. Мне удалось ее на мгновение притормозить, но я вдруг не нашла слов, почему нам туда нельзя.

— Мама, там же одни джентльмены, — с надеждой, что это все объясняет, робко проговорила я.

— Ну и хорошо, прекрасно, — сказала мама, но потом остановилась, задумалась: что-то в моем тоне заставило ее замедлить ход. Мы тогда счастливо избежали посещения такого сомнительного места, но с той поры каждый раз придиричиво оглядывали посетителей. Мало ли что! Хотя мамин азарт унять было нелегко. Она непременно хотела побывать в Сохо. Сама недавно из Голландии, где по улицам красных фонарей прогуливаются вполне уважаемые люди, мама была уверена, что и здесь все пристойно. Я взялась ее довести.

Дело было практически ночью, путь наш лежал через какие-то совершенно безлюдные кварталы, свет почти не горел. Было как-то жутковато. И вдруг — на тебя обрушивается, именно обрушивается, Сохо. Вот здесь темно, а за поворотом — огни, музыка, шум, ночная немислимая жизнь. На домах висели действительно красные фонари, под каждым из них стояли девицы, одетые во что-то кожаное и проклепанное. Голого тела было много, косметики тоже. Место это показалось мне неудобным. Как-то не хотелось здесь прогуливаться, не то что на Сан Дени в Париже, где девушки преклонных в основном лет стоят днем посреди довольно широкой улицы, приветливо или не очень разглядывая тебя. Там не опасно. В Сохо я ощутила тревожность, беспокойство. Рядом еще затеялась драка — черные дрались с белыми, драка грозилась разродиться в побоище, даже мама начала на них с тревогой поглядывать. Ничего у нас не вышло с прогулкой по значным местам. Мы там были так же неуместны, как и в гей-пабе.

— Пойдем-ка поскорей отсюда, а то попадем в неприятность, — сказала я.

За поворотом, буквально через дом, как это бывает только в Лондоне, находилось Трокадеро. Трудно описать, что это такое. Это некое сооружение, имеющее несколько этажей, включая подземные, которое есть центр увеселений, развлечений и всяческих приятностей

для семейного времяпрепровождения. Там масса магазинов и кафе для взрослых, аттракционов, фонтанов, горок для детей. Такой почти город, куда уходишь на целый день. Интересно, что на расстоянии в несколько метров находятся два таких полярных места — Сохо и Трокадеро.

На следующий день мы были в Британском музее. Он мне как-то не очень. Это такой этнографический музей, громадный, за один день его не обойдешь. Единственное, что мне понравилось, так это доисторические украшения, найденные неизвестно где. Меня удивило, что они вполне современные, что за тысячи лет человечество ничего нового в моделях колец и бус не придумало. Оказывается, то, что нравится мне сейчас, с успехом носили женщины в каком-то там веке до нашей эры. Гораздо интереснее музей естествознания. Он сделан в таком интерактивном ключе, там детям хорошо — можно самому всякие ручки покрутить, запуская изображения животных. Все движется, меняет цвет и звук, кажется, что ты находишься прямо в центре стада бегущих бизонов, например. Интересно и познавательно. Там есть такой лифт, созданный по примеру музея мадам Тюссо, где ты проезжаешь все эпохи развития природы. В день мы посетили по два-три музея, приходили совсем без ног, усталые, переполненные информацией, часть которой улетучивалась тут же.

Третий день, пожалуй, был самым ярким. В Лондоне есть такая неперменная экскурсия, как посещение смены караула у Букингемского дворца. Мы сначала с мамой как-то равнодушно к этому отнеслись: ну, смена караула, что такого, подумаешь!

Нам сказали, где надо встать, чтобы было лучше видно. Перед нами была обыкновенная проезжая дорога, ничего особенного, как вдруг зазвучала музыка, и по улице пронесли всадники, человек двадцать, одетые очень красиво: на головах — золотые шлемы, и вообще много золота в одежде. И опять все стихло, по улице пошел привычный транспорт, только к обычным полицейским добавились девушки на лошадях, как нам сказали — королевская полиция.

Вдруг откуда-то издалека, кажется, из какой-то глухой улицы, слышалась странная музыка и показался отряд одетых в красные кафтаны и в медвежьи шапки воинов. Они все были маленького роста, но очень серьезные, по подбородку у них проходила лента, держащая шапку, и это придавало им слегка надменный вид. Странной музыка казалась из-за вольнок — сегодня шел шотландский полк, поэтому марш приобрел необычное звучание. Что-то завораживающее было в этих людях, они были очень серьезны, не обращали вни-

мания на туристов, преисполнены достоинства. Они шли охранять свою королеву.

Через некоторое время я поняла, что отбиваю такт ногой вместе с ними. Мама стояла несколько в стороне от меня, и когда я посмотрела на нее, то увидела, что она тоже возбуждена, эти маленькие строгие люди произвели на нее впечатление. Мы были во власти всего этого действия. Почему-то мы прониклись этим чувством, как будто были с ними и уже любили свою королеву. Нет, пожалуй, все-таки их королеву, но мы были с ними и понимали их. Когда они прошли, транспорту снова разрешили ехать, и все стало по-старому, как будто ничего и не было.

Сама смена караула проходит непосредственно у дворца и обычному зрителю не видна, хотя энтузиасты и пытаются влезть на ворота, как наши при взятии Зимнего. Слышны только громкие выкрики команды, потом отдежуривший взвод уже со своей музыкой уходит. Снова проезжают всадники — и все. Туристов посмотреть на это зрелище приходит великое множество. Очень интересно, как там поддерживается порядок. Турист ведь что, он бестолковый, ему фотографии хорошие нужны, вот он и лезет куда ни попадя. Для этого и есть девушки на лошадях. Они никого не отгоняют, всем мило улыбаются, они просто проезжают лошадью близко-близко к толпе, все пугаются, и толпа, таким образом, отходит с неположенного места. Просто и красиво, и никаких конфликтов. Когда смена караула произошла и отряд после дежурства маршировал обратно, лошадь под одной из девушек, услышав музыку, да еще марш, начала танцевать. Ничего она с ней сделать не могла, покраснела, засмушалась страшно. Может, лошадь раньше в цирке работала, а может, и ее звуки марша вдохновили.

Когда мы на следующий день отправились в Тауэр, экскурсовод нам сказала, что там принято собираться кучками и слушать ораторов, которые будут выступать перед всеми, один — юморист, скажем, а другой на политические темы будет скетчи выдавать. Мы с мамой добросовестно простояли у одного такого минут двадцать, ничего не поняли, хотя смеялись со всеми в положенных местах. Над собой, наверное.

По Тауэру ходят-бродят бифитеры, эти такие охранники, к которым надо относиться с непременным уважением. Можно лишь, очень вежливо у него попросив разрешения, сфотографироваться с ним. Их там много ходит, но все были как-то заняты, пока мы не нашли одного, добродушного на вид, чтобы он не прогнал нас и не счел мой

английский за оскорбление. Он почему-то нам обрадовался и не только разрешил себя сфотографировать, но еще и предпочел сделать это в обнимку со мной. Так что с бифитерами у нас проблем не возникло.

Посещение парламента — традиционная экскурсия. Тут тебе и Биг Бен, и Башня Виктории. Чтобы попасть на заседание палаты общин, нужно отстоять довольно внушительную очередь. Мы как раз в ней стояли, когда на заседание подъехал Тони Блэр.

Он, конечно, прибыл к своему персональному входу, где его встретили охранники, но, что знаменательно, ехал он в общем потоке машин, улицу никто не перегораживал, и никаких спецсигналов на его машине не было. Оказывается, можно ездить на заседания, не перекрывая для этого половину города. А оснований для этого у премьер-министра Англии по сравнению с каким-нибудь нашим заезжим депутатом гораздо больше.

У входа тебя обыскивают, очень тщательно, с пристрастием. Всяческую аппаратуру оставляешь в камере хранения. Что приятно, на столике лежат отпечатанные, я бы даже сказала, красиво изданные программы сегодняшнего заседания, частью даже с конспектами речей, в том числе и на русском языке! Это было очень кстати, мы хоть могли понять о чем вообще речь, а то будешь, как в Тауэре.

В зале, где проходит заседание, с потолка свисают на тонких проводах маленькие микрофоны, их довольно много, поэтому слышно прекрасно. Слушатели располагаются на небольшом балконе, выше, чем члены палаты. В общем, обстановка как в театре. На месте спикера сидела далеко не молодая дама, которая подремывала, сняв туфли, сверху это было хорошо видно. Мы не понимали ни слова, но сразу определили, где оппозиция — с их стороны все время раздавались ироничные восклицания, иногда настолько громкие, что будили спящего спикера. Смотреть было интересно, но, хотя время пребывания на балконе не ограничено, глупо сидеть, ничего не понимая, и мы ушли.

Пойти на нулевой меридиан было просто нужно, чтобы потом не жалеть. Экскурсия из утомительнейших. Надо долго-долго подниматься в гору, чтобы потом на исходе сил, когда тебе уже безразличны все меридианы, какие есть на планете, увидеть через решетку простой такой дворик, где проведена вертикальная черта. Хоть бы они его чем-нибудь украсили — все-таки точка отсчета. Хорошо еще, что эту экскурсию разнообразили проходом под Темзой. Идешь по тоннелю, вроде ничего особенного, а над тобой огромная река. Хотя питерского жителя водой не удивишь ни под тобой, ни над тобой.

Приятно было побродить по Пиккадилли. Не потому, что это место так уж привлекательно, а просто ты знаешь, что идешь по Пиккадилли — и тебе от этого хорошо. Недалеко от площади находится вход в Чайна-таун, украшенный затейливыми воротами в китайском стиле. Это такой целый город в городе. Стоят ряды домов, где верхние этажи отданы под жилье, а нижние под магазинчики, лавки, всякие кафе и мелкие забегаловки. Там есть такой способ еды, который у них называется «буфет». Ты платишь три фунта, дающие тебе право на определенное количество блюд, например семнадцать, и можешь есть сколько хочешь. Сиди хоть целый день, поедая свои семнадцать блюд, вкусных, кстати.

В лавчонках масса товаров качества невысокого, как и у наших китайцев, но продавцы милы и приветливы. Так что прогуляться там, в общем, славно, если бы место это не было так похоже на гетто. А может, так и лучше, никто никого не трогает, у них своя жизнь, у остальных — своя.

Последней экскурсией было посещение Оксфорда и Виндзора.

Дней прошло много, усталость и избыток информации уже наложили свой отпечаток на восприятие, поэтому Виндзор оставил у меня какие-то смутные воспоминания, я стала его путать с Тауэром. Какие-то камни, какие-то башни... Зато Оксфорд вспоминается очень приятно. Было здорово побродить по этому городу в прямом смысле слова. Каждый факультет там не здание, как в нашем университете, а целый квартал со своими правилами проживания, устоями, законами. И каждый немного другой. Нам рассказывали о факультетах, а я разглядывала старинные дома, вдыхая запах Оксфорда.

Уезжали мы из Англии, переполненные информацией. Чтобы не забыть, я в записной книжке перечислила все экскурсии по дням, получился внушительный список, и стало понятно, почему мы чувствовали себя без рук и без ног.

Когда мы приехали в Россию, произошел дефолт, и тогда казалось, что поездки будут больше невозможны. Было очень жаль, потому что мне понравилось ездить, и я уже не хотела ограничиваться только Англией и Францией. Но все как-то утряслось, мне удалось побывать не только во Франции, но и в других очень интересных странах. Когда становится вдруг грустно, воспоминания об этих поездках утешают и греют меня.

ТУРЦИЯ

Аргументы для моей мамы

Юля отрицательно покачала головой.

— Вы знаете, ну никак не получается, чтобы на Канары лететь прямым рейсом, только через Москву.

— Через Москву? Нет, это тяжело — сначала поезд, потом самолет... А нельзя ли чего-нибудь попроще? — Мама посмотрела на меня, и я согласно кивнула головой.

Таскаться с чемоданами по перенаселенному московскому метро, да еще неизвестно сколько сидеть потом в аэропорту! Ведь не подгадаешь точно. А обратно... Нет, морока — едешь как будто с отдыха, а попадешь домой измученным дорожными делами.

Вся надежда была на Юлю. Она нравилась нам — ей как-то всегда удавалось найти то, что нужно, причем вкусы и запросы наши совпадали. В этом турагентстве были и другие девушки, но мы, однажды пообщавшись с Юлей, желали иметь дело только с ней.

— Прямо не знаю, осталась одна экзотика, не хотите? Поздно-то вы пришли, с путевками сейчас трудно, все раскупили... А что, если Турция?

— О, нет! — мама была непреклонна. — Мы только что из Египта, хватит с нас такой экзотики! Ноги моей там больше не будет! В Европу хочется, к своим!

— Мам, а там ничего, мне понравилось, — мысль отправиться в Турцию не приходила в голову, но, вспомнив свою поездку, я решила, что нам может это тоже подойти.

— Да-да, то место, в котором то ли поплакали, то ли попукали.

— Мама, Паму́ккале!

— Ну, это почти то же самое.

— Нет, мам, это несколько другое, я тебе потом расскажу.

Юля смотрела на нас, улыбаясь, она привыкла уже к нашему способу общения и терпеливо ждала, когда мы примем решение.

— Юль, ну, не знаю... Ну, покажи, что ли, гостиницу, — что-то в мамином голосе подсказало мне, что на этот раз — точно — мы едем в Турцию.

Решение было, как всегда, принято молниеносно и уже не менялось.

Теперь я на себя взяла некоторую ответственность за то, чтобы маме понравилось в Турции. Никто на меня это не возлагал — только мое личное ощущение, избавиться от которого я не могла. Я ведь уже была в Турции, и, значит, если везу туда маму, то отвечаю за ее досуг, питание и вообще отдых.

— А как там кормят?

Мы вышли из агентства и направились по Рубинштейна в сторону Разъезжей — к дому. Я стала отвечать маме на ее вопросы, а сама пыталась вспомнить, как же это было.

То место, где я отдыхала, называется Мармарис. Оно делится как бы на две части — развлекательно-дискоечно-молодежную и респектабельно-спокойно-пожилую. Я жила во второй части и очень была этому рада. Ночной сон мне был гарантирован, а если хотелось развлечься — ступай себе в другой район, там этого в избытке.

Уже имея опыт поездок в другие страны, я заказала весь пакет экскурсий, потому что была одна, приехала на две недели и не хотела зачахнуть от тоски. Получилось шесть поездок, очень удачных, тем более, если учесть, что я побывала на месте, где прежде находилось одно из чудес света — храм Артемиды Эфесской. Эта экскурсия была самой интересной, продолжалась два дня, и именно там я познакомилась с Раяй. Так получается, что мамину подругу, с которой иногда она ездит отдыхать, зовут точно так же. Наверное, в жизни каждого человека должна быть своя Рая, я думаю.

Самым красивым и даже завораживающим было место со странным названием Памуккале, которое мама никак не может запомнить. Оно только вызывает у нее почему-то веселость необыкновенную. Если смотреть издали — это как будто горный хребет, полностью укрытый снегом. Когда подходишь ближе, видно, что это не горы, а небольшие террасы белого цвета, часто заполненные водой. Здесь много минеральных источников, целебная вода сочилась, сочилась, образуя эти маленькие бассейны, в которых бортики — солевые. Когда подходишь к началу осмотра, то видишь, что прямо на

земле лежит невероятное количество всяческой обуви — на террасы можно только босиком. Я не поняла — то ли это для гигиенических целей (все же кругом ослепляющей белизны), то ли для лечения — говорят, массаж ног очень полезный. Но как бы там ни было, тысячи людей, бросив свою обувь абсолютно без присмотра, уходят за горизонт — территория там огромная. В некоторых природных ваннах можно полежать, и что удивительно — под палящим солнцем вода в них ледяная!

Потом мы оказались в бассейне Клеопатры. Это такая местность, где на дне находятся обломки каких-то древних статуй и колонн, что чрезвычайно затрудняет передвижение. Идешь очень медленно, все время ощупывая дно. Бассейн заполнен водой, температура которой всегда, в любое время суток и в любое время года — тридцать шесть градусов. Считается, что она обладает омолаживающим эффектом. Не знаю, удалось ли мне помолодеть, но я сама видела, как стояли турки, подставив кто лицо, кто плечи под струи воды, которые вырывались из боковых стен. Туда даже очередь образовалась.

Мне не очень там понравилось — что толку стоять в воде, пусть даже целебной, я люблю плыть. И потом народу там... Я вышла из бассейна и стала прогуливаться рядом. Вдруг из воды послышался голос.

— Вы не могли бы меня сфотографировать?

Это была Рая. Она протянула мне фотоаппарат, каких, наверное, не выпускают уже лет пятьдесят, типа «Зоркий». Ни вспышки тебе, ни всего остального. Я сделала фотографии и забыла обо всем. А вечером на ужине мы разговорились с Раей и девушкой, с которой она делила номер в гостинице.

Обе с Урала, из одного города, они нашли друг друга по Интернету. Есть, оказывается, такая услуга, когда соседа по комнате ты можешь выбрать, еще не уезжая из страны. Они ходили знакомиться друг с другом, тогда остались довольны, но теперь Раю начало что-то смущать. Мы с ними в разное время побывали на традиционной экскурсии, когда туристов завозят в ювелирный магазин, завлекая якобы большими скидками.

— Лена, вы были на этой экскурсии? — спросила Рая.

— Да, в первый же день.

— Купили что-нибудь?

Она была первый раз за границей, и такие вопросы меня не очень удивили.

— Да вот, поддалась всеобщему ажиотажу и купила цепочку.

— А можно спросить, сколько она стоит?

— Двести долларов.

Вопрос мне не понравился. Я не могла понять, к чему весь этот разговор, кому какое дело, кто что купил, но Рая объяснила мне, в чем дело. Оказывается, когда они с соседкой оказались в ювелирном, та сразу же стала примерять гарнитур за три тысячи долларов. Раю это смутило, она забеспокоилась — достаточно ли взяла с собой денег. Поэтому она и затеяла со мной этот разговор, чтобы спросить бывшего человека, сколько брать валюты, чтобы хватило на поездку. Я не упомянула бы об этом эпизоде, но мы, в конце концов, узнали, что у любительницы дорогих украшений с собой всего сто долларов, да еще родные и знакомые попросили ее что-нибудь привезти!

После ужина мы купались в термальных бассейнах. Было необычно плыть ночью в горячей воде, как будто в огромной ванне.

Наутро экскурсия продолжилась. Мы ехали по интересной местности, где пейзаж и строения были совсем не мусульманские.

В Турции много античных развалин. Мне понравился город Эфес, где остался в целости всего лишь фасад бывшей библиотеки, но какой же он красивый! Еще там есть интересная табличка, вызывающая живейший интерес всех туристов.

В каждом уважающем себя городе должен быть публичный дом. А как его найти, не беспокоя окружающих? Для этого и существует указатель — табличка. В ней сделано углубление в виде ступни. Молодой человек, жаждущий любовных утех, ставил туда свою ногу, и если нога оказывалась меньше углубления, значит, юноша еще не вышел возрастом для женщин, и путь ему в центр порока закрыт. Хорошо, допустим, нога оказалась той, какая нужна, а где же сам дом-то? Если присмотреться к углублению, то видно, что средний палец на ступне необычной длины, это и есть информация — третий дом слева.

Просто до гениальности. Пришел, примерил ногу, определил, что взрослый, — и отсчитывай дома по левую руку. Никого не побеспокоил, не потревожил ненужными расспросами. Наш гид рассказывала, что обычно корейцы проводят много времени у этой таблички. Видимо, у них ноги не гигантские, и когда у кого-то ступня оказывается больше углубления (что бывает редко), то этот человек награждается аплодисментами, как будто он и на любовном фронте уже победил.

Теперь, когда мы оказались в Эфесе, надо было посмотреть на то, что считалось одним из чудес света — на храм Артемиды Эфесской. Увы, на этом месте стоит лишь одна колонна — все, что осталось. Зато несколько поодаль находится внушительная мечеть, которая, как оказалась, сложена из колонн и деталей исчезнувшего храма. Вот такой интересный момент — был один храм, стал другой, но совсем уже не чудо света. Колонна да рисунок, как все это выглядело когда-то... Место это навеяло на меня грустные мысли.

Мы возвращались в Мармарис, а экскурсовод познакомила нас с обычаями страны, рассказывала о людях и традициях. Ехать надо было долго, я смотрела в окно, где мимо нас проплывали города и селения.

Когда мы проезжали одну деревню, я заметила, что на крышах некоторых домов установлены пустые бутылки зеленого стекла, и спросила гида, что это такое. Оказывается, тем самым люди, живущие в этом доме, хотят показать проезжему человеку, что в доме живет незамужняя девушка или несколько девушек на выданье. А вдруг Аллах пошлет богатого странника, которому непременно захочется тут же жениться, взяв в супруги девушку из беднейшей деревни. Почему бы и нет, хочется спросить? Наверное, были прецеденты. Есть еще одна интересная традиция, о которой рассказала гид.

В Турции культ кофе. Там его варят на разные лады, очень вкусно, надо сказать. Так вот, когда в дом приходят сваты, они сидят и разговаривают с родителями. То есть соблюдается традиция, как будто за молодых все решает старшее поколение. В это время будущая невеста должна угостить всех кофе. Вот здесь и наступает момент, когда она может высказать, что называется, свое мнение по поводу жениха. Если он ей приглянулся — кофе делается вкуснейший, если нет — такой, что пить невозможно. Предположим, что жених не подошел по каким-то параметрам или просто не нравится. Тогда гости, попробовав кофе и получив тем самым ответ на все свои вопросы, некоторое время еще сидят из вежливости, а потом уходят, никак не комментируя произошедшее. А что, ответ они получили, чего расслаживаться-то?

Есть еще очень красивый обычай по поводу первой брачной ночи и сохраненной девственности. Муж и жена удаляются в помещение для известных целей и проводят там всю ночь. Гости все это время веселятся, радуясь свадьбе. Наступает утро — и все ждут выхода молодого супруга. В его руке — свеча. Если она горит — девушка себя

соблюдала и досталась ему непорочной, а если нет... Скандал на всю деревню, позор навсегда, порой даже изгнание. Впрочем, обычай можно обойти. Если будущий муж сам явился виновником утраты девственности своей супруги еще до свадьбы, что ему мешает просто зажечь свечу? И никаких тебе простыней и свекровей! Довольно демократично. В принципе — на выбор мужа.

По возвращении в Мармарис наша дружба с Раей продолжилась. Они жили в шумной части города, и там мы обычно встречались, чтобы провести вечер. Весь берег в этой части курорта — сплошное шоу и развлечение. Одно кафе тут же сменяется другим, существует даже «улица баров», кругом музыка, веселье, смех.

Гуляли мы вдвоем с Раей, потому что ее соседка, как только оказалась в Турции, тут же все свое время стала посвящать плотским утехам, практически каждый день меняя кавалера. Мы с Раей ее обсудили и осудили, а сами провели пару вечеров на дискотеке. Это было очень здорово, так как нам обеим за сорок, и оказаться вдруг «на танцах», как говорили раньше, — это снова стать молодой и счастливой. Только на курорте ты можешь отплясывать рядом с совсем еще юными девчонками, а им и дела нет до тебя никакого, а тебе тоже все равно. Всем весело, кругом музыка, а прожитые годы... Разве о них речь?

У Раи тоже был поклонник, и она все не могла решиться — согрешить или нет. Я так и не знаю, сохранила ли она верность мужу, но, честно говоря, не понимаю, зачем все это нужно. Ведь мы приезжаем максимум на две недели. У этого человека потом появляется другая. Какой ты будешь у него по счету к концу этого сезона, четырнадцатой или двадцать восьмой? По-моему, это даже как-то негигиенично. Неуважительно к самой себе.

А они — пожалуйста, ничего не надо даже предпринимать, иди себе по улице и все. Кругом слышишь: «Девушка, красавица», а сама думаешь: «Это на пятом-то десятке?» Иногда, конечно, хочется, чтобы тебя приняли за молодую, но нельзя же заблуждаться до такой степени! Реальность, живая неприкрытая реальность, господа, говорит нам о том, что все это полная чушь.

Однако много женщин нашего с Раей возраста едут в мусульманские страны именно за этим. Там помимо горячего нрава есть еще одна вещь — мужчин в Турции шестьдесят процентов. Своих девушек им до свадьбы трогать нельзя, а тут — пожалуйста, столько полуголых теток, истосковавшихся по мужскому вниманию. Причем

даже семейных, но ищущих приключений на свою голову. В большинстве случаев дама еще и платит за него. Нет, это выше моего понимания. Особенно меня удивляет то, что им все равно, как выглядит женщина и сколько ей лет.

Моей персоной они тоже интересовались, но со мной познакомиться чрезвычайно сложно. Я владею своим приемом самозащиты — моментально становлюсь неприятной для поклонника. Тогда проблема отпадает сама собой — человек, приглядевшись и прислушавшись, понимает, что ошибся, и больше не пристаёт. У меня таких приемов несколько, а в Турции появился еще один. Когда на улице ко мне подходил какой-нибудь молодой человек (в таких странах человек почему-то всегда молодой) и начинал свою пламенную речь — я прижимала палец к губам и говорила «Тс-с-с!». При этом у меня было такое лицо, как будто это только наша с ним тайна. Парень с разбегу останавливался и начинал недоуменно оборачиваться, дескать, кого это мы тут стесняемся? А тем временем я уже далеко!

Как-то в море подплыл один и начал предлагать провести остаток дней (отдыхательных, разумеется) вместе. Обычно я заплываю очень далеко, и сейчас разговор происходил практически вне видимости берега, поэтому я испытала некоторую тревогу. Мало ли, псих какой! Вдруг он непосредственно сейчас начнет осуществлять заявленные намерения! Вложив в свои слова максимум обаяния, на какое способна, я сказала, что по злой и непонятной превратности судьбы я не могу именно сегодня разделить с ним ложе и, включив максимальную скорость, поплыла к берегу. Добравшись до каких-то людей, я стала отдыхать в воде и видела, как вышел на берег мой незадавшийся кавалер. Боже мой, в нем было росту, наверное, меньше полутора метров! О чем он думал, когда плыл со мной знакомиться? Ведь он же видел, как я входила в воду, и мог понять, что я выше большинства курортных мужчин. Боюсь, что именно это обстоятельство и привлекло его. Такое бывает с очень маленькими мужчинками — некоторые из них любят больших женщин. Это какая-то компенсация, наверное.

На пляже довольно много туток, они любят погреться на солнышке. Я заметила, что большинство из них стройностью не отличаются, даже маленькие девчонки-турчанки уже в теле, но это почему-то только радует родителей. Там, в Турции, лучше быть толстым, ты тогда выглядишь успешным, богатым. Есть поговорка: «Мужчина без живота — как дом без балкона».

Турки приветливы. Они не осуждают тебя за то, что ты не мусульманин, и сами не так уж свято соблюдают свои правила. Муэдзин, конечно, с минарета зовет всех на молитву, но я не видела, чтобы все уж так бросались в мечеть, чтобы творить свой нескончаемый намаз. Турки предпочитают считать свою страну европейской, хотя только десять процентов Турции находится в этой части земного шара. Но они туда стремятся, поэтому хоть страна и мусульманская, но очень свободная в нравах. Ни хеджабов, ни длинных черных одеяний. Некоторые турчанки одеты даже более нескромно, чем мы, приезжие.

В смысле алкоголя там свобода полная, никаких запретов, не то что в Египте, например. Климат замечательный — триста солнечных дней в году. Море, даже три, а Мармарис находится как раз на стыке Средиземного и Эгейского.

Все это я вспомнила, пока мы шли из турагентства. Посмотрела на маму — похоже, ей там понравится. Так оно и случилось. Мы поехали в Сиде и настолько полюбили это место, что стали отдыхать там ежегодно на майские праздники, проводя время практически в уединении — только море, солнце и бесконечный песчаный берег, по которому можно идти, размышляя о том, какой ты все-таки счастливый человек.

ШВЕЦИЯ, ФИНЛЯНДИЯ

Погоулять в садах Линнея

— Похоже, он в тебя влюбился, — сказала я.

Молодой высокий красивый негр ходил кругами около мамы, внимательно ее разглядывая.

— Перестань говорить ерунду.

— Нет, правда, ты посмотри.

— Ой, вечно ты выдумываешь. Оставь, и так нехорошо.

Мы только что вышли на воздух из странного музея. Он представлял собой всего лишь облочку для огромного корабля древнейших времен под названием «Васа», который шведы выловили и старались сохранить. Чтобы корабль не разрушился, его пропитали чем-то с жутким запахом. На первых же минутах осмотра начинала кружиться голова, аромат был густой, насыщенный, казалось, что воздух можно потрогать рукой. Музей выстроился этажей в пять — такова была высота корабля, но уже на третьем мы с мамой решили, что вполне ознакомились с этой диковинной находкой, и скорее вышли на свежий воздух.

Мы сидели на скамейке, когда негр, потрясенный, очевидно, маминной красотой, направился к нам. Поздоровавшись на чистейшем русском языке, он спросил нас, что мы тут делаем. Мама сразу воодушевилась, стала спрашивать его, где он выучил язык, у них завязалась непринужденная беседа. Увлеченная всем этим, она не обратила внимания на характер вопросов, которые задавал ей чернокожий красавец. А там были такие, например, как «А что у вас в сумках?» Постепенно выяснилось, что не внезапная любовь к маме, а профессиональная обязанность заставила его к нам подойти. Он был охранником.

Услышав русскую речь и резонно предположив, что мы члены мафии, а в сумках у нас самодельное взрывное устройство, он проявил бдительность и решил узнать о наших намерениях. Выяснив,

что мы всего лишь две проветривающиеся безопасные тетки, он пошел к выходу, откуда скоро вышел маленький и толстый чернокожий владыка. Сам собой он ничего не представлял, зато его огромная супруга, вдвое толще его, выплыла в платье, казалось, из чистого золота. Зрелище было ослепительное. А молодые, высокие и красивые охранники с почтением проводили их до машины.

В Швецию мама влюбилась с первого взгляда, стала считать Стокгольм своим городом, ей нравилось там все, но чтобы попасть туда, нужно сначала проехать через Финляндию. Приют убогого чухонца выглядит сейчас совсем не так, как во времена великого поэта. Еще когда проезжаешь Выборг и видишь такой знакомый лес, замусоренный, поломанный, поселки с полуразвалившимися строениями, то чувствуешь, что дома. Ничто твой усталый взор не тревожит. Но когда проехал границу — сразу все меняется. Тот же самый лес превратился в красивейший пейзаж, заботливо спрятанный за сетчатой оградой, а дорога, прежде ухабистая и вся в ямах, куда-то исчезла — и автобус ровненько катит по прекрасному асфальту.

Для питерского человека проехать в Финляндию — привычное дело. Большинство наших дач находятся на ее бывшей территории, а названия деревень сохранили еще старые, труднопроизносимые названия. Получил визу на полгода или год — и катайся хоть каждый день за двадцать евро. Многие так и делают — приезжают к финнам утром, проходят всевозможные SPA-процедуры, затариваются экологически чистой едой, пробегают по магазинам, а вечером, часам к одиннадцати, уже дома. Это так — для отдыхающих, а есть еще и люди бизнеса, катающиеся туда-сюда с товаром.

Первый раз в Финляндию мы ездили по обмену опытом. Нам предстояло познакомиться с их предприятиями связи, а еще в программу входило посещение фирмы Nokia. Поездку организовывали мама, я и Раиса Вениаминовна. Это был мой первый зарубеж, и я перед отъездом не спала целую ночь, так как выезжать надо было в шесть утра.

С нами поехали представители питерских фирм, занимающихся связью, числом более десяти, и в мои обязанности среди прочего входило кормить и поить их по пути. Пришлось вооружиться термосами, банками и прочим. Питерские связисты ехали, в общем-то, развлекаться, но для нас это была работа. Мама на меня сверкала глазом, если что-то было не так, и я, боясь свалиться с ног от усталости, навесив приветливейшую улыбку, бодро раздавала бутерброды.

Потом началась гонка — непрерывные заседания, совещания, хождения в недра предприятий связи, лифты, идущие вниз, подзем-

ные коммуникации, какие-то кросы, провода и прочее, прочее, прочее... Везде нас кормили. Непременный стол с кофе и печеньем присутствовал на любом совещании, и к концу поездки я даже устала от сладостей. Отдыхать в гостинице тоже не очень удавалось. Наша с мамой комната представляла собой некий штаб, куда в любое время дня и ночи мог зайти любой из наших, независимо от возраста и пола. Так как подавляющее большинство из них были мужчины, нам приходилось все время быть в порядке и забыть о домашней уютной одежде.

Хорошо еще, что по финской традиции в отеле были и сауна и бассейн. Хорошо после утомительного дня, посидев немного и попарившись, свободно плыть, рассекая воду неспешными движениями. Бассейн был большой, просторный, и никто никому не мешал. Здесь с нами произошел один случай.

Мама, тогда еще не знавшая иностранных языков, в поисках туалета обратилась к пожилой, сурового вида уборщице, которая, стоя со шваброй в руке, с интересом наблюдала за нами.

— Лен, как будет туалет по-английски? — спросила мама, видя, что я вошла в ступор и сама говорить не стану.

— Лэйдиз рум, — ответила я, подозревая, что мама вряд ли это повторит.

— Скажите, пожалуйста, где лэйдиз рум? — приветливо спросила мама, смешивая английские и русские слова и ничуть этим не смущаясь.

Она вопросительно повела окрест себя рукой, как бы приглашая служительницу чистоты разделить с нами поиски уборной.

Той потребовалось некоторое время, чтобы понять, о чем идет речь, похоже, с английским у нее было туго. Пробормотав что-то по-фински, она показала нам на ближайшую дверь.

— Данке шён, — сказала мама на чистейшем мюнхенском диалекте и удалилась летящей походкой.

Тетка еще долго стояла в коридоре — в руке швабра, на лице недоумение, граничащее с испугом. Видно было, что она так и не поняла, на каком же языке все мы разговаривали.

Во время этой поездки нам удалось побывать в церкви в скале — удивительнейшем сооружении, таких больше нигде нет. Сделали ее каких-то два брата, взорвав скалу, а образовавшуюся воронку накрыли куполом. Купол этот как бы висит в воздухе — между ним и скалой существует пространство, закрытое стеклом. От этого здесь много воздуха, хотя сама церковь очень невысокая. Хотя я не большой любитель католических храмов с их скудной атрибутикой, моему сердцу

милее чрезмерная пышность православного убранства, но церковь в скале поразила меня именно своей лаконичностью и простотой.

В следующий раз мы с мамой ехали уже как туристы и посетить должны были и Хельсинки, и Стокгольм.

Наш путь начинался традиционно, через Финляндию в той ее части, где лес и редкие ухоженные хутора. Соседями по автобусу была странная пара — миниатюрная девушка и огромный толстый мужик, который непрерывно пил виски, обливаясь потом и стараясь все время угостить нас этим напитком. Красавица и чудовище. Они уже не первый раз ездили таким маршрутом и рассказывали нам о прелестях путешествия на пароме. Финляндия их не интересовала, как и Швеция, впрочем. Они поехали просто прокатиться и вкусно поесть.

Бегло осмотрев Сенатскую площадь и Кафедральный собор, мы поехали в Турку, чтобы вечером сесть на паром *Silja Line*.

Сейчас, говорят, уже не так, а вот семь лет назад это было что-то.

Огромный паромище, во чрево которого заезжают даже автобусы, перевозящий страшное количество народа, представлял собой место, где непрерывно совершался акт чревоугодия. Когда ты попадаешь туда, практически сразу наступает время ужина, и, держа номерок в руке, ты оказываешься в царстве еды.

Огромные горы всяческой снеди — рыбной, мясной, горячей, холодной. Там лежит форель, засоленная со слегка подкопченным эффектом — она хорошо идет вон с той вареной картошечкой, посыпанной мелко нарубленным укропом, а здесь — оранжевые креветки, к ним прилагается огромное количество соусов. Там — вкуснейшее мясо, приготовленное на вертеле, а здесь икра — загребай ложкой! Пиво и вино можешь брать в неограниченных количествах из бочонков. Так все вкусно, что ты уже точно знаешь: до десерта дела не дойдет — не хватит места. А десерты... Огромные столы заполнены красивейшими тортами и пирожными, по виду которых можно сразу сказать, что они вкуса необыкновенного.

После ужина ты, хмельной и довольный, можешь делать все, что заблагорассудится. Можешь походить по магазину *Duty free*, можешь посидеть в баре (их тут бесчисленное количество) или протанцевать всю ночь на дискотеке. Некоторые так и делают, потому что в большинстве кают, кроме самых дорогих, нет окон, и у иных возникает легкий приступ клаустрофобии.

Наутро мы уже в Швеции. Здесь уже несколько другие правила жизни. Например, можно переходить дорогу где угодно, когда угодно, с какой угодно скоростью и вне зависимости от знаков дорожного

движения. Едва лишь только водитель, едущий по трассе, заподозрил тебя в намерении пересечь ее, как он уже останавливается и ждет, когда ты это намерение осуществишь. Не так, как, скажем, во Франции, где дорожное движение исключительно броуновское, не подвластное разуму, или у нас, где водитель как будто нарочно старается тебя немножко так придавить, чтобы ты впредь был осмотрительнее.

Экскурсовод предупредила нас, чтобы мы берегли монетки по пять крон, которые понадобятся для посещения туалетов. Они в Швеции, разумеется, платные, стоят на улице, по типу наших биотуалетов. Когда человек оттуда выходит и дверь закрывается, некоторое время попасть туда нельзя, так как там происходит процесс — все моется кипятком, происходит дезинфекция, так что каждый последующий получает туалет практически новый, чистый уж во всяком случае. Что делают наши? Ради экономии пяти крон один стоит и придерживает дверь ногой, чтобы она не закрылась, и процесс обдавания кипятком не был запущен, а вся группа решает свои проблемы за один пятак. Пять крон — деньги малые, но, видимо, некоторых привычек не искоренить.

В программу экскурсий обязательно входит посещение Ратуши, Домского собора, места, где вручают Нобелевские премии. Русских экскурсий почему-то нет, все рассказывается на английском языке, но это преодолимо. На выходе из Ратуши, где обычно происходят банкеты, можно купить шоколадную медальку — копию настоящей нобелевской, слабое утешение на случай твоих завышенных амбиций, такая легкая шоколадная грусть...

Процедура смены караула в Швеции далека от той торжественности, какая существует в Англии, но и здесь есть своя прелесть. По окончании церемонии играет великолепный оркестр, которым дирижирует настоящий виртуоз. Он практически танцует, выполняя замысловатые па, используя дирижерскую палочку как трость, элегантный, ироничный, знающий себе цену.

Стокгольм — интересный город. Весь острый, готический, он сразу приглянулся маме, потому что он очень европейский, а Европу мама знает хорошо, бывала там много раз и очень любит. Мне запомнилась центральная торговая улица, вся увешанная разноцветными флагами и от этого нарядная и праздничная. Мы, конечно, купили куколку Пеппи Длинныйчулок (как же без нее?) и небольшие живописные этюды, сделанные пером и изображающие эту улочку. Их мама потом повесила в кабинете, и каждый раз, когда я вхожу туда, мне чудится Стокгольм, потому что именно по этим

местам мы и проходили. Из трофеев у нас оказались еще и фотографии садов Линнея. Мы ночевали в Упсале, древней столице Швеции, и утром, узнав, что здесь находятся знаменитые сады, пошли на разведку. Был выходной день, а в Европе это означает, что все кругом закрыто, ничто нигде не работает, никого на улицах нет. Мы бродили по пустынным улицам с ощущением некоторой потерянности и вдруг увидели табличку, пояснявшую, что здесь, дескать, и есть то, ради чего мы вышли в такую рань. Обыкновенный дом окружал забор, за которым виднелись какие-то грядки. Все сады Линнея были не больше половины нашего дачного участка. Вот тебе и раз! Добросовестно сфотографировав драгоценные насаждения, мы двинулись дальше по пустынным улицам. Да, Европа! Не тот масштаб, не тот размер.

Обратный путь мы проделали уже на пароме *Viking Line*. Он был попроще и поскромнее, но все равно шикарный и изобильный. Опять наш путь лежал через Финляндию, и по традиции всех завезли в Серену — самый крупный аквапарк этой страны.

У меня тогда еще не было очков для плавания с диоптриями, и мама, как поводырь слепого, водила меня по аттракционам. Вдруг она съехала с какой-то горки. Мне, чтобы не потеряться, пришлось катиться за ней. Так мы оказались в одной из труб, спускаясь по которой и совершая множество поворотов, ты оказываешься в бассейне.

Этого я от мамы никак не ожидала, так как отношения с водой у нее более чем трепетные, это я — вся такая водоплавающая, а она купается обычно в местах, где может ногой достать дно. Мы летели с ней по этой трубе весело, с криками, я ничего не видела, но была счастлива. Когда труба кончается, попадаешь в бассейн, но по какому-то причинам тебя бросает как бы на дно, надо еще выплывать на поверхность. Это очень неожиданно и здорово, но я боялась за маму — погружаться с головой в воду для нее было немыслимо. К счастью, все обошлось — она как ни в чем не бывало показалась на поверхности, довольная только что совершенным подвигом.

Еще одна из традиций поездки в Финляндию — покупка рыбы в небольших магазинчиках, расположенных по пути следования автобуса. Ее тут много, приготовленной на разные лады, по разным рецептам. Ассортимент богатый, но покупать нужно непременно форель — она местного улова, очень свежая, жирная, вкусная. Форелевая икра мне нравится меньше, но это уж кому как.

Нагруженные покупками, впечатлениями и рыбой, мы возвращались из поездки, и мама сказала:

— А не зря эти ребята сюда постоянно ездят, надо повторить.

ФРАНЦИЯ

И все-таки — Париж!

Когда мы вышли из отеля, стало ясно, что опять будет дождь. Было раннее утро, моросило, и мы с мамой шли по уже мокрому бульвару Бон-Нувель. На тротуаре стоял чернокожий юноша и держал розу в руке, как будто дарил ее всем прохожим. Мы улыбнулись ему и прошли мимо. Это Париж!

Сегодня был свободный день, и мы могли самостоятельно посетить столько музеев, сколько сможем. Для этого выдавалась музейная карта с числом, по которой тебя бесплатно пускали в любой музей Парижа. Мы выбрали Ренуара, Д'Орсе и Инвалидов. По дороге решили заглянуть на улицу Сан Дени. Я была первый раз в Париже, и мама рассказывала, как однажды ночью она одна проходила по этой улице, и ничего с ней не случилось.

Я уже знала, что там официально находятся, ну, эти, назовем их ночными бабочками. Когда мы свернули с бульвара на Сан Дени, тут же и увидели первую. Довольно большого роста и весьма почтенного возраста полуодетая дама спокойно посмотрела на нас. Разглядывать ее казалось неприличным, но на противоположной стороне их тоже хватало — смотри, пока не надоест. Улица была довольно узкой, и чтобы пройти по ней, приходилось этих девиц и теток обходить. Экзотично, но, в сущности, ничего особенного. Их было немного жаль — дождь, холодно, а им тут стоять и стоять, ведь поутру спрос на них невелик. Потом нам надоело на них глядеть, и мы сосредоточились на магазинах.

Улица кончилась, надо было перебираться через Сену, и мы нашли небольшой деревянный мост. На нем неподвижно, как статуя, стоял человек, одетый в костюм египетских фараонов. Если подой-

ти к нему и бросить монетку в специальную плошку, то эта статуя оживет — поклонится или еще что-нибудь проделает. За рубежом такой способ зарабатывания денег на улицах уже давно укоренился и никого не удивляет. Мы перешли на другой берег Сены и сверились по карте.

В Париже смотреть на карту необходимо через каждые сто метров. Дело в том, что здесь совершенно нет параллельных улиц, каждый перекресток, как наши Пять углов. Улицы расходятся лучами из одной точки, и не вздумай пойти по соседней. Она заведет тебя неведомо куда, причем ты даже подозревать об этом не будешь. Тебе будет казаться, что ты по-прежнему двигаешься в том же направлении, помотришь — а кругом совсем не то, что ты ожидал увидеть, поглядишь на карту — а ты уже на другом конце Парижа.

Первым из музеев у нас был Д'Орсе. В прошлом вокзал, в наше время он является средоточием современной живописи, где главнейшее место занимают импрессионисты — моя страсть и любовь. Мама все хотела, чтобы я увидела «Завтрак на траве» Эдуарда Мане, который поразил ее до бесконечности, а я просто хотела оказаться там, среди знакомых по репродукциям полотен. У нас в Эрмитаже хорошая коллекция, но уже изученная и родная, а здесь можно было прикоснуться к новому и великому впервые, да и доведется ли еще раз?

Вот, например, «Кувшинки» Клода Моне, которые он завещал показать людям только через пятьдесят лет после своей смерти, или «Таитянские пасторали» Гогена — это же все мировые шедевры.

Меня поразила одна особенность: в ранний период своего творчества ни один художник абсолютно не был похож на себя более позднего. Мы с мамой даже затеяли нечто вроде игры — угадай, кто автор, и практически ни разу это у нас не получилось. Ни Ренуар, ни Дега, ни Тулуз Лотрек не были нами достоверно определены. Только, пожалуй, Сезанн хотя бы по цветовой гамме как-то походил на себя самого. Кстати, палитра цвета была практически у всех одинаковой, и я сделала предположение, что все они покупали краску в одном магазине, когда жили на Монмартре. Эта шутка очень развешила маму, мы запечатлели ранние полотна великих художников на пленке и, довольные, перешли в следующий зал. Вот здесь-то она и была.

Во-первых, картина оказалась огромной, репродукции никак не подготовили меня к таким размерам. Во-вторых, она необыкновенно удачно висит. Входишь в зал, уже несколько утомленный от долгого

хождения по музею, рассеянный взор скользит по малоизвестным полотнам, оборачиваешься — и тут же тебя обжигает взгляд насмешливых черных глаз.

Я понимаю, почему «Завтрак на траве» был в свое время запрещен к показу — картина считалась непристойной. Двое одетых мужчин и совершенно нагая женщина на переднем плане. Почему-то взгляд все время останавливается на лице этой женщины, она смотрит на тебя, не отпускает. И дело совсем не в наготе нахальной красавицы. Кто-то сказал, что не ты на нее смотришь, а именно она разглядывает и оценивает тебя. Как точно! Ты даже испытываешь некоторое чувство неловкости, до того ее взгляд ироничен, и понимаешь, что оценка, какую она тебе дала, совсем не высока. А она, уверенная и сильная, сидит себе на траве, и ей абсолютно все равно, что подумают другие.

Хорошо, что там есть где посидеть — сиди себе, смотри, общайся.

Перекусив яблочным пирогом с кофе, мы спустились вниз, в магазинчик, где продают постеры. Накупив их изрядное количество, мы пошли дальше, в Дом инвалидов.

Для русского уха название звучит как-то печально, в нем усматривается некая ущербность, а на самом деле это один из красивейших ансамблей Парижа, он олицетворяет собой военную славу Франции. Там находится музей армии, громадный, в несколько этажей, и для тех, кто увлекается военной атрибутикой, не для дам, он необыкновенно интересен. В это посещение мы с мамой его, к счастью, не обнаружили, но зато в следующий раз Деня нас по залам поводит!

В центре всего находится красивейший собор, силуэт которого стал эмблемой Парижа, почти как Эйфелева башня, а в нем — усыпальницы членов семьи Бонапарт и выдающихся военных деятелей Франции. Я старалась все это запечатлеть на пленку для моего друга Макариуса, так как все, что связано с Наполеоном, очень его интересует.

Гробница великого императора находится точно по центру, в некоем углублении, можно смотреть на нее сверху или спуститься в специальное помещение. Гроб стоит на высоком постаменте, а вокруг расположены очень красивые статуи. Прах Наполеона замурован в шесть гробов: первый — из жести, второй — из красного дерева, третий и четвертый — из свинца, пятый — из эбенового дерева и шестой — из дуба.

Мама томила в этом музее, восторгов по поводу Наполеона она не разделяла, считая, что мелковат он был для таких почестей, и ей хотелось попасть скорее к Родену.

Судя по карте, музей находился совсем недалеко, но, как это бывает в Париже, прямой путь никогда не приведет вас на место. Шли мы очень долго.

На пути нам встретился продавец жареных каштанов, и мы купили два пакетика — для меня и для мамы, заранее зная, что мама съест все одна. Мы всегда так делали. Я пробовала один каштан — и отдавала маме свой кулечек.

Дождь кончился, и когда мы подошли к музею, то засветило такое яркое солнце, что фотографии в доме не получились — свет был настолько интенсивным, что они были практически засвеченными. Зато мне понравилось в парке, где стояли почти все скульптуры, о которых я слышала. Очень здорово расположен «Мыслитель»: с какой стороны на него ни смотри — все время очень красив.

Мне не очень хотелось тут быть, но мама так любит Родена, что пришлось сказать ей, что самое неизгладимое впечатление произвели на меня «Жители города Кале», хотя они менее всего походили на роденовские скульптуры.

Наконец мы побрели домой, обратный путь был таким же длинным, но более знакомым, а значит, приятным. Мы прошли по улице Риволи с ее бесчисленными магазинчиками. Сегодня мы устали, и обилие товаров не тронуло наши сердца.

На родные Гранд Бульварс мы вышли уже в районе бульвара Осман (мы с мамой называли его Гусьман) и двинулись по нему в сторону нашего — Пуасоньеров. Надо было как-то набраться сил — вечером предстояла ночная прогулка по Сене.

Для того чтобы стать снова веселым и бодрым, в Париже существует единственное средство: бокал хорошего красного вина — и ты в порядке!

Сначала я пила только белое вино шардоне. Мама постоянно пребывала в эксперименте и покупала каждый раз другое, ориентируясь по знакомым названиям, чаще всего бордо. Постепенно, после многих дегустаций, она пришла к выводу, что, как ни странно, ее сердцу милее простое ординарное вино, а не дорогое, с богатым букетом. Со временем мои вкусы изменились, я отказалась от шардоне, и мне стало особенно нравиться божоле, единственное вино, которое пьют охлажденным.

Сложнее было с сыром. Я никак не могла заставить себя съесть хотя бы кусочек — очевидная плесень смущала, и казалось странным, что люди могут добровольно этим питаться. Мне помог камамбер. Он не сине-зеленого цвета, а покрыт белой пленкой, и если не знать, то не догадаешься, что это тоже плесень. Я и не знала, а просто как-то за разговором нечаянно уплела целую упаковку. Теперь это мой любимый сыр. Нет ничего приятней, чем глоток бордо с кусочком камамбера, — сочетание аромата и вкуса неповторимо.

Наступил вечер, мы с мамой оделись и вышли на улицу. Вечерний Париж имеет свою неповторимую прелесть. Он становится богаче. За столиками в кафе сидят люди, которые, когда ты проходишь мимо, — смотрят на тебя. Считается, что парижане восемьдесят процентов времени проводят в кафе. Кажется, так оно и есть. И еще Париж — это театр. Существует как бы две сцены. Люди, сидящие в кафе, освещенные, как на витрине, смотрят на улицу, где движется непрерывный поток, прохожие видят их, и по разные стороны стекла течет своя жизнь. Смотреть на людей, которые сидят и едят, считается вполне приличным, а им не стыдно разглядывать тебя. Обе стороны как бы наблюдают другую жизнь из зрительного зала.

Все это было бы, может, и не очень уместно (все-таки нарушается некое право на конфиденциальность), если бы не одно качество парижан — доброжелательность. Тебе здесь рады. Большинство людей ходит по Парижу почему-то улыбаясь. Что-то здесь такое творится с людьми, что тебя переполняет чувство теплоты к людям, и ты всем — друг, а они тебе — все почти родственники.

По Сене ходят теплоходы с многочисленными разноязычными туристами. Экскурсия ведется через микрофон на трех языках — английском, французском и немецком. Понять что-либо сложно, разве что ты можешь поразвлекаться сличением слов, звучащих на разных языках. Ну, это как в школе было: «Москоу Ньюс» и «Нувель де Моску», что-то похожее.

Когда плывешь по реке, то видишь Париж со стороны. Вечером включают подсветку, и знаменитые строения возникают вдруг на твоём пути, торжественные и прекрасные. Вот музей Д'Орсе, а вот Собор Парижской Богоматери. Мы в соборе не были, но ходили вокруг него. Он оказался не таким большим, как казался мне всегда, и вечером он для меня выглядит более красивым и внушительным.

Проплывая под мостами, мы видели клошаров, которые там ютятся. Кстати, клошары — это не просто нищие. Это люди, имею-

щие свой взгляд на жизнь, свое мировоззрение, люди, которые избрали такой способ существования и живут, в общем-то, довольные всем. Там у них стоят палатки, видно, что имеется хозяйство, хотя и непонятно, как они туда добираются, ведь попасть на их территорию можно только по воде.

На реке множество яхт, супердорогих и не очень. Некоторые люди живут там постоянно, даже имеют прописку в своем плавучем доме. Долгое время на яхте жил Пьер Ришар, но, видимо, водная стихия все же не для него, и он перебрался на сушу. Так что и богатейшие люди, и клошары живут, по существу, бок о бок и делят одно и то же пространство. Блеск и нищета соседствуют настолько близко, что, пожалуй, проникают друг в друга. Эти богатые яхтсмены тоже в чем-то клошары.

Еще до экскурсии нам сказали, что на воде где-то стоит статуя Свободы — маленькая копия американской, которую жители Нового Света подарили французам в благодарность за свою (ее ведь сотворил Эйфель). На носу нашего катера столпились японцы — вездесущие японцы, оснащенные, как всегда, современной видеопаратурой. Они как-то умеют так заполнить собой пространство, что простому человеку и встать-то негде. По счастью, они все малого роста, поэтому я всегда имею по сравнению с ними некоторое преимущество. Медленно продвигаясь сквозь эту суетящуюся толпу, я оказалась на самом носу катера, так что впереди меня никого и ничего не было.

Она появляется внезапно, из темноты, небольшая, но очень красивая. Благодаря удачно занятой позиции, мне удалось так это снять, что не видно ни катера, ни людей, только вода и посреди нее непонятно где и на чем стоит белая фигура с факелом в руке. Мы медленно проплываем мимо, и она исчезает так же, как и появилась — вдруг. И опять — только темная вода.

Экскурсия длится где-то час-полтора, но успеваешь посмотреть практически весь город. Французы интересно сделали: они начертили некую условную окружность, и то, что попало внутрь, назвали Парижем. То, что выходит за рамки круга, — уже не Париж, хотя по документам ты будешь считаться жителем этого города. То есть все новостройки, здания, более поздние, чем, скажем, на Больших Бульварах, уже не подходят под определение «Париж». Не могу понять, почему туда попал Дефанс, этот город небоскребов.

Сами французы его очень любят и гордятся им, а для меня он не вяжется с Парижем, как я его себе представляю. Когда туда приезжа-

ешь, то попадаешь как бы в город будущего — огромные здания сложной формы, все в стекле, в разноцветных окнах, в которых отражаются соседние, такие же диковинные дома. Там есть огромная квадратная арка, как бы символизирующая собой ворота города, но просто так в эту арку не войдешь. Посередине прохода стоит какое-то странное сооружение вроде палатки, его надо сбоку обходить. Нам объяснили, что здесь дуют сильные ветры, и поэтому была создана конструкция, способная силу этих ветров уменьшить.

Еще я не понимаю прелесть Центра Жоржа Помпиду. Он считается средоточием современного искусства и представляет собой странное зрелище — не то завод, не то фабрика. Дело в том, что все конструкции, которым наличествует быть внутри дома, вынесены наружу. Все коммуникации, водопровод и канализация заключены в разноцветные трубы и расположены поверх здания. У меня создается такое впечатление, как будто все внутренности вынуты из утробы какого-то зверя и выставлены на всеобщее обозрение. Наверное, я чего-то до конца не понимаю, но мое эстетическое чувство каждый раз страдает, когда я вижу этого монстра. Другое дело — близкие и дорогие моему сердцу традиционные парижские места, например Монмартр.

В Париж мы всегда ездим от одной и той же турфирмы, но получается, что с разными экскурсоводами. На Монмартр можно попасть двумя путями — пешком и на фуникулере. Анна ведет людей снизу, пешком, и ты полностью прочувствуешь эту тяжелую дорогу, зато увидишь больше. Ольга предпочитает более легкий путь — тогда ты сразу, без подготовки попадаешь в атмосферу Монмартра.

Когда я была первый раз во Франции, нас вела Анна. Мы долго шли с частыми остановками, но путь был неуютительным, мне там уже нравилось. Прошли мимо дома Далиды, и Анна рассказала нам, что певица стала жить там затворницей, когда увидела, насколько она постарела, посмотрев телевизионную запись. Последние годы ни с кем не встречалась, жила там с матерью и даже с ней общалась посредством записок.

Мы видели мельницу, одну из последних сохранившихся до наших дней, дома, где жили еще никому тогда не известные молодые импрессионисты. Мы брели по небольшим извилистым улицам, постепенно проникаясь ощущением Монмартра.

Подъем кончился, и появился Сакре-Кёр. В переводе — не то разбитое, не то разорванное сердце. Его называют уважительно не

собором, а базиликой. Необыкновенно красивый, белый, он возвышается над Монмартром. В Париже его отовсюду видно. Когда мы были в Д'Орсе, я вдруг увидела его в окне. Зрелище было потрясающим — только собор, и ничего более. Под ним расположена лестница с множеством ступеней, и мама сказала, что летом она бывает заполнена разноцветным разноязыким людом. Все сидят на ней, радуясь друг другу, глядя сверху на Париж. Мама оказалась рядом с какими-то студентами, которые радостно подвинулись, когда она подошла, и уступили ей место.

После того как мы побывали внутри Сакре-Кёр, у нас наступило свободное время и можно было наконец-то оказаться на том Монмартре, о котором я столько слышала и читала.

Как описать, что это такое? Небольшая площадь, по окружности которой раскинулись кафе и магазинчики безо всякого перерыва и просветов. В центре площади расположились художники — вот, собственно, и все. Но что-то во всем этом есть такое, что моментально влюбляешься в это место. Откуда-то звучит музыка, как правило, традиционный аккордеон или шарманка, французские мотивы создают настроение. Легкое томление и счастливая грусть охватывают тебя.

Увы, мама не дала мне проникнуться всем этим. Она искала кафе, в которое ее в прошлый раз водила Оля. Мы практически бегом носились по площади в поисках этого места, мне это казалось совершенно ненужным и неважным. Хотелось остановиться и смотреть, как рисуют художники, хотелось просто стоять и слушать музыку или зайти в любое кафе, пить кофе или вино и вбирать в себя эти звуки и запахи. Я ходила за мамой, вернее, мое брэнное тело совершало передвижения, а мысли улетели куда-то далеко, я была не с ней.

Когда мы оказались там во второй раз, нашим экскурсоводом была Ольга.

Она обрушивает на тебя Монмартр сразу, без подготовки. Ты ныряешь в эту атмосферу с головой, понимая, что только через некоторое время, не сразу, к тебе вернется чувство реальности. Мы оказались в этом любимом Олей кафе, куда она забегает каждый раз на бокальчик божоле, предоставив своим экскурсантам свободное время.

Кафе называется «Ля бушон», что в переводе значит «пробка». На первом этаже стоит пианино, на котором может играть кто захочет. Как раз когда мы пришли, великолепный пианист исполнял джазовые импровизации. Я стояла, как замороженная, и слушала.

На меня всегда производит сильнейшее впечатление живая фортепианная музыка, а тут играл еще и мастер.

Мы спустились в подвальчик и заказали напитки. Мама — кофе, а мы с Олей — божоле. Тогда-то я и полюбила это необычное вино. В небольшом зале было полутемно, вино приятно холодило горло, импровизации замечательного пианиста удивляли и восхищали, время текло незаметно и стремительно. Вскоре Оля ушла — надо было идти на место нашего сбора, а мы с мамой остались еще немного посидеть в этом уютном местечке.

Наступило время и нам уходить. Мы поднялись наверх, за пианино уже никого не было. И тут мама с отчаянной решимостью, как человек, бросающийся в воду с большой высоты, вдруг села за инструмент и начала играть. Исполняла она «Как упоительны в России вечера». В верхнем зале кафе было довольно много народу — и все перестали есть. Я снимала на камеру, как в полной тишине звучит наша песня, как люди слушают ее, и меня переполняла гордость. Закончив играть, мама развела руки в стороны, как бы констатируя некий факт, сказала «Россия» и встала. Раздались аплодисменты, я раскланялась со всеми, говоря «спасибо» и «мерси», и мы ушли. Это был безусловный триумф, мама была счастлива — ей наконец-то удалось найти это кафе и сыграть на пианино, о чем она так мечтала дома.

Время на Монмартре пролетает незаметно, как будто только сюда пришел, а уже надо уходить. Каждый раз, покидая это место, я точно знала, что вернусь. Я и сейчас так думаю.

По карте не покажу, а на словах объясню, как быстрее и лучше после Монмартра попасть к Мулен Руж. Это такое здание с имитацией мельницы на фасаде. Ничего, так себе. Гораздо интереснее Плас Пигаль, которая совсем и не площадь даже, а улица, где ночные бабочки подороже, пореспектабельнее и покрасивее, чем на Сан Дени.

На всех улицах, расположенных рядом с Мулен Руж, находятся магазинчики, торгующие исключительно товаром сексуального направления. Даже предметы быта, кружки, чашки, ложки — все так или иначе что-нибудь имитирует, на что-то похоже, а то и имеет прямое назначение, для утех, так сказать, определенной направленности. Сначала тебе неловко смотреть на выставленные в витрине предметы, предназначенные для достижения наибольшей радости, потом привыкаешь. В конце концов, имитаторы, шутливые или выполненные в натуральную величину, перестают занимать тебя, становится даже несколько скучновато.

Да и не до того. Наступил вечер, а значит, время ужина. Париж предлагает множество вариантов. Можешь поесть в уютном кафе, можешь забежать в «Монопри» (сеть супермаркетов) за нарезками, но всякий турист, побывавший в Париже, должен поужинать на Эйфелевой башне. Есть такая традиция.

К своей дорогой и любимой башне французы относятся с нежностью. Например, когда идет дождь, они беспокоятся о том, что она ноги промочила, говорят о ней, как о живом существе. Да и встречи туристов назначаются «под передней правой ногой». Существуют три уровня, два из которых открыты для посетителей. Ужин можно заказать, еще будучи в России. Это что-то типа комплексного обеда, но главное ведь не это!

Вечером, когда стемнеет, на башне включается подсветка, и она становится золотой. Все ее стальные конструкции приобретают благородный отсвет, как на дорогом браслете.

Нам повезло побывать там в Новый год, в момент перехода с двухтысячного на две тысячи первый год, то есть новое тысячелетие мы встретили именно в Париже. По этому случаю там устраивались разные торжества, но все ждали, когда загорится Эйфелева башня.

Я снимала на камеру, и мне удалось запечатлеть ее необыкновенное свечение. Она вся мерцала и искрилась, по ней безостановочно бежали огни, казалось, башня дышит и живет. Мы тогда мечтали с мамой, что Деня тоже когда-нибудь окажется в Париже, и я кричала в камеру: «Деня, смотри, это все для тебя!» На следующий год все сбылось, и мы с братом бродили по башне, разглядывая ее переплетения, сидели в кафе, угощаясь фирменным ужином и попивая красное вино.

На следующем уровне тоже находится ресторан, классом выше. Можно на лифте, который движется вдоль «ноги» башни по непривычной траектории, подняться туда и посмотреть на Париж сверху. А третий уровень, который находится совсем высоко, предназначен для специалистов, простых людей туда не пускают, да, признаться, и не хочется — страшно. Мы и на второй-то уровень не поднимались.

Когда мы вышли из кафе и спустились вниз, мама обнаружила, что Деня оставил там сумку со всеми деньгами и документами. Вернуться просто так было невозможно, так как поток туристов движется в одном направлении. Для того чтобы оказаться опять в кафе, необходимо было отстоять длинную очередь страждущих поужинать наверху. Мама подошла к охраннику.

— Мой сын, — сказала она по-английски, показывая на Дениса, — должен подняться наверх.

При этом она оснастила свою речь многочисленными подробностями, поясняя молодому человеку в форме степень нашего родства, добавив при этом, что я прихожусь означенному сыну родной сестрой.

— Мама, его не интересует наша родословная. Скажи ему, что ты забыла сумку — и все, — сказала я.

Мне было смешно смотреть, как охранник с трудом пытается установить причинно-следственную связь в маминих словах.

— Мой сын забыл мою сумку наверху, — маме удалось сформулировать свою просьбу.

— Только кто-нибудь один, — ответил охранник после довольно долгого раздумья, предположив, очевидно, что мама неспроста перечислила всех родственников, и, опасаясь, что мы всей семьей попытаемся нелегально проникнуть на башню. В результате Деня принес сумку, и мы его даже не ругали.

Мы возвращались после ужина на башне, чувствуя себя настоящими парижанами. Метро казалось знакомым и очень разумным. Нужно купить блок из десяти проездных билетов, который называется «корне», — это дешевле, и можно ездить, не обременяя себя стоянием в очереди. Недавно, достав старую куртку, я нашла в кармане неиспользованный билетик. Тут же нахлынули воспоминания, теплые, приятные. Не буду его выбрасывать — он мне еще пригодится!

ЕГИПЕТ

Прогулки по Южному Синаю

— Знаете, я — не тот человек, который будет говорить вам, что в Египте хорошо, — представитель турфирмы собрал нас в вестибюле отеля и вел традиционную беседу. — И вообще, я домой хочу.

Слова его прозвучали более чем странно. Нашему уху привычнее было бы услышать, что здесь самый необыкновенный отдых, потрясающие экскурсии, замечательное обслуживание и лучшие пальмы. Я оглядела собравшихся.

Мое внимание сразу привлекла компания из четырех человек — два парня отморозенно-борцовского вида в сопровождении девиц. Эти ребята были украшены золотыми цепями устрашающих размеров, они непрерывно что-то жевали, томясь в тоске от происходящего. Чувствовалось, что их мысли, если они у них были, улетели далеко. Я сразу назвала их бабуинами. Да они и впрямь были чем-то похожи на этих представителей обезьяньего племени. И звуки издавали практически те же.

Мы только что прилетели и едва успели освоиться в своих номерах. Отель был пятизвездочный, с системой «все включено», с огромной территорией, на которой располагались теннисные корты, бассейны и рестораны. Уставшие после перелета и главным образом от трехчасового стояния в аэропорту в громадной очереди для получения какой-то марки, которую тебе вклеивают в паспорт, мы сидели в креслах, а я чувствовала, что у меня опять начинается жар.

Дело в том, что я полетела в Египет с температурой под сорок, но поскольку заболела в самый последний момент, то поездку отменять не стала в надежде, что сумею быстро поправиться. Слова представителя фирмы долетали до меня, как бы преодолевая еще некоторое пространство, не сразу.

— Экскурсий тут интересных нет, покупать нечего. Впрочем, завтра утром придет еще один наш представитель, и вы сможете приобрести у него билеты на какие-нибудь поездки, — почему-то с сомнением в голосе закончил нашу встречу этот странноватый, уставший от Египта человек.

Напоследок он рассказал нам о правилах алкогольного поведения в этой стране и тем самым разъяснил для нас некоторые вопросы. Мы с мамой никак не могли понять, почему в аэропорту происходит такой ажиотаж с покупкой спиртного. Какой-то мужчина в крайнем возбуждении говорил продавцу: «Мне эту, эту и еще вон ту», показывая на литровые бутылки, а остальной народ томился в очереди, выражая нетерпение и желание немедленно скупить весь алкоголь в отделе.

Оказывается, в Египте местное население спиртное не употребляет, поэтому все прибывшие вынуждены встать на путь трезвости, желают они того или нет. Как только ты попал в эту замечательную страну, у тебя есть ровно двадцать четыре часа, чтобы съездить в местный центр и купить один литр алкогольного напитка. Вино ли это, водка или джин — один литр, и все. Не успел — значит, не получишь ничего. Причем тебе в паспорте (!) ставят специальную отметку, что ты, такой нехороший человек, купил-таки этот запрещенный по всей стране продукт.

Мы с мамой почувствовали себя оскорбленными плюс нам не хотелось портить паспорта несуразной записью, поэтому отказались воспользоваться этим предложением и почувствовали себя гордыми и счастливыми. Оказавшись недалеко от этого места раздачи греховных напитков, мы заглянули внутрь из чистого любопытства.

Продавцы с неприятными осуждающими лицами упаковывали бутылки, тщательно проверяя паспорта и ставя штампы. Когда мы вышли, к нам тут же подошел местный человек и, сделав таинственное лицо, предложил какой-то здешний напиток по низкой цене. Мы, разумеется, отказались, но поняли, что и здесь, несмотря на строгости законов и Коран, все возможно.

В отеле в кафе можно было купить бутылку вина, причем официант очень удивился, когда я попросила ее нам открыть, очевидно, не подозревая, что это можно пить. Система «все включено», как правило, предполагает наличие неограниченного количества напитков, но только не в Египте. Нам были выданы талоны на весь срок пребы-

вания, на которых было написано «пиво» и «вино». Хочешь — сразу все отоварь и выпей, а хочешь — по бокалу пива в день (0,33 литра). Что делалось в кафе, не относящихся к отелю, — не знаю. Рядом не было кафе.

Собрание кончилось, мы встали, бабуины тоже, и холл опустел. Все разбрелись по номерам, а мы с мамой, надев наши лучшие шорты (разумеется, *pink*), вышли из отеля прогуляться.

Место это называлось Шарм-Эль-Шейх. Мы его выбрали за рекламируемую респектабельность. Нам говорили: «Ну зачем вам Хургада, там ведь самая помойка. Другое дело — Шарм-Эль-Шейх! Все главы правительств предпочитают именно его, там совещания устраивают и встречи на самом высочайшем уровне».

Мы шли по странной местности. Вместо привычной бурной растительности, столь присущей всем курортам, мы видели пейзаж, напоминающий скорее стройплощадку в состоянии, когда строители уже закончили работу, а после них остался мусор, кирпичи и разная прочая строительная канитель. Среди этого поля не то щебня, не то гравия высились удивительной красоты отели, числом не более пяти, находящиеся на довольно значительном расстоянии друг от друга.

Напротив нашей гостиницы оказалось необычное сооружение с разноцветными куполами и воротами. Поняв, что это место есть, пожалуй, местный центр разврата и развлечений, как окрестила его мама, мы подошли к стоявшему у ворот мальчику лет тринадцати, который был, видимо, охранником, в надежде, что он нас туда пропустит. Но ничего не вышло. Юный отрок на приличном английском языке объяснил нам, что вход в заведение, которое называется «Тысяча и одна ночь», разрешен только с восемнадцати часов. При этом бесстыдник, внимательно разглядывая маму, поинтересовался, что она делает вечером.

— Зачем тебе? — спросила я.

— Хочу жениться.

— Слушай, парень, сейчас сюда придет большой злой хасбэнд, и тебе будет очень грустно, — сказала я на русском, ввернув все-таки одно английское слово для устрашения, полагая, что уж слово «муж» в какой-то мере охладит его пыл.

Юноша несколько огорчился, но разглядывать маму не перестал. Что любопытно, моя персона не интересовала его совершенно, так как одежда на мне была более целомудренной и скромной. Просто

нечего было разглядывать! Мамино же одеяние открывало не только простор воображению, но и значительная часть ее фигуры перестала быть тайной для окружающих.

Через некоторое время нам пришлось вернуться в отель, потому что каждый проезжающий на автомобиле человек, завидев нас, радостно нажимал на сигнал и не отпускал его, пока не уезжал уже довольно далеко. Устав от непрерывного гудения, мы поспешили спрятаться в отеле.

Так началась наша жизнь в Египте. Каждый день мы совершали открытия, одно удивительнее другого. Вот, например, мы хотели купить карту, чтобы определить, где находимся. В первый раз, развернув ее, мы обнаружили, что нам продали карту Синая. Так повторилось еще пару раз. Наконец, мы нашли продавца, который сносно говорил по-английски, и, покупая очередную, спросили его, показывая на карте: «Мы сейчас здесь?» Продавец энергично закивал, поводя окрест себя рукой, пытаясь охватить пространство, изображенное на листке. Мы, довольные, пошли домой, развернули покупку — карта Синая. В наши головы закралось смутное сомнение — ведь не зря продавцы с такой настойчивостью продают нам именно ее. Приглядевшись повнимательнее, мы поняли, что никто и не пытался нас обмануть. Мы предполагали, что находимся в Африке, а сами уже который день живем на Синайском полуострове, даже не подозревая об этом!

Ну что ж, Синай так Синай! Нас это тоже устраивало. Хотя нет, нас здесь не устраивало ничего. Начнем с отеля. Очень красивый, но почему-то со странными балконами.

Когда мы вошли в номер, он был по-восточному просторным, но и только. Вдруг мама посмотрела на окно.

— Ленка, смотри, какой балконище!

Действительно, то, что было видно от двери, поражало своими размерами. Пока мы восторгались этим, по нашему, как нам казалось, балкону, не торопясь, прошел мужчина в одних трусах и скрылся из виду. Это явление нас настолько обескуражило, что мы не сразу решились выйти и посмотреть, что же с ним случилось. Оказалось, что балкон, действительно, огромный, тянется вдоль всего здания, является общим, по нему все прогуливаются, заглядывая к тебе в номер, так что приходилось шторы держать все время задернутыми. Впрочем, в этом не было нужды — наша дверь на балкон не запиралась. Замок был сломан, и сколько мы ни обращались к админист-

ратору, он ничего не делал, тем не менее записывая наши пожелания тщательно и аккуратно в специальную тетрадь.

А чего только стоил наш замечательный уборщик! Это был совсем молодой человек, который приходил делать уборку лишь под вечер, когда мы уже возвращались в номер. Видя, что все уже здесь, он входил, торжественно пожимал нам руки и удалялся в полной уверенности, что на сегодня он свою работу выполнил. Так продолжалось изо дня в день, пока нам не надоело и мы перестали пускать его в номер. Так и жили в неубранном номере всю неделю.

Персонал отеля, надо сказать, был весь непрост и своеобразен. В пункте обмена нас встретил приятный молодой араб, одетый по-городскому, вполне офисный работник. Мы поменяли деньги и ушли. Вдруг нам пришло в голову, что надо поменять еще немного долларов, и мы вернулись в офис. Он оказался закрытым, а на полу в уголке молился молодой араб, совсем недавно бывший офисным работником, не обращая внимания на то, что рабочий день продолжался и кому-то надо было осуществить валютные операции. У него наступил момент намаза — и тут уж трава не расти. Нас предупреждали, что ни в коем случае нельзя смотреть, как молится мусульманин, и мы поспешно удалились, решив, что денег нам и так хватит.

Навстречу попались наши бабуины. Вид у них заметно потускнел, в глазах появилась растерянность, а один даже поздоровался с нами. У представителя турфирмы, который пришел на следующий день, им удалось прикупить лишь экскурсию на рыбалку, другие поездки тот почему-то начисто отверг. Они искали его, чтобы он согласился отправить их еще раз рыбу половить. Да, бабуинам здесь было тоскливо — сказывалось отсутствие алкоголя и увеселений, достойных их персон.

Центр разврата и развлечений «Тысяча и одна ночь» представлял собой собрание магазинчиков и маленьких кафе, скучных и неинтересных. Второй раз приходить сюда не хотелось. Тогда мы сосредоточились на центре здешней вселенной — Наома-Бей.

Добраться до этого городка можно было на такси. Поездка позволила нам снова ощутить специфику египетской дороги. Когда мы еще только сюда приехали, мама, наблюдая за здешним способом передвижения, заметила: «У них нефти, наверное, много». Действительно, разделительная полоса (высокая, с высаженными на ней пальмами) была непрерывной, развернуться просто негде. То есть, если тебе надо в противоположную сторону, ты должен уехать на другой

конец полуострова, найти там единственный на всю страну разворот, а потом еще столько же ехать назад. Уезжая в Наома-Бей, мы, следуя логике их дороги, пару раз проехали мимо нашего отеля. Но это никого не смущало, а со временем перестало смущать и нас.

Оформляя путевки, девушка из турфирмы попросила меня об одном одолжении. Она только что прилетела из Египта, о чем нетрудно было догадаться — тамошний загар имеет характерный зеленовато-желтоватый оттенок, как будто человек только что переболел желтухой или, по крайней мере, собирается это сделать.

— Вы наверняка попадете в Наома-Бей, вы уж его никак не минуете! Это центр! Я попрошу вас найти магазин, торгующий серебром, передать вот это письмо его владельцу — Али.

Она протянула мне конверт и добавила, что завидует нам — мы ведь едем в Египет!

Наома-Бей оказался заштатным городком с десятком лавочек и небольших забегаловок, где можно было поест. Мы долго искали названный магазин, пока не наткнулись на дверь, свидетельствующую о том, что цель нами достигнута. Дверь была заперта, но в окно было все видно. Размер магазинчика был такой, что если бы мы с мамой зашли в него, то не осталось бы места для самого Али. Просунув письмо под дверь, мы в недоумении удалились. Может, этот Али чем-то и поразил воображение нашей девушки, но нас не вдохновил ни размер его бизнеса, ни то, что на работе в самое время покупок его тоже не было.

В Наома-Бей мы отправились, преследуя не только познавательную цель, но и практическую — мне была нужна аптека. Только-только оправившись от гриппа, повышенной температуры, насморка и прочих респираторных прелестей, я на радостях съела за обедом какой-то фрукт. Все оставшееся время мне пришлось тщательнее продумывать свои маршруты, потому что отходить от отеля на приличное расстояние, не будучи уверенной в наличии на моем пути туалетов, я уже не рисковала.

В Египте, как и в любой мусульманской стране, принято торговаться. Покупая вещи, ты обязан провести этот ритуал, а то они тебе достанутся по цене в десять раз дороже положенной. Но Египет поразил меня как ни одна страна в мире. В аптеке тоже торговались! Можно было купить здоровье по сходной цене! Не зная, как описать мой новый недуг на английском языке, я прибегла к помощи жестов и после небольшого торга унесла из аптеки заветный пакетик.

Мы гуляли, гуляли и все же наткнулись на довольно большое современное здание, которое было торговым центром и, судя по всему, главным в Наома-Бей. Нам тут же захотелось найти ювелирный отдел, так как я уже долго искала украшение, которое называется «картуш», иными словами — «свиток». Это такой традиционно египетский кулончик прямоугольной формы с изображенными на нем символами — «богатство», «счастье», «плодородие», «любовь» и т. д. Картуши эти разнятся по цене, величине и качеству. Мне хотелось не какой-нибудь тоненький, в виде пластинки, а посолиднее, потяжелее и, конечно, из золота. Ювелирных отделов было довольно много, и вот наконец в витрине одного из них я увидела то, что мне нужно. Мы вошли внутрь, и к нам тут же обратился с приветствием, разумеется, на английском языке, молодой симпатичный египтянин.

Я выбрала картуш, у которого по краю были расположены камешки. Судя по цене, которую запрашивал продавец, это были не бриллианты, но очень похожи.

— Мам, ну спроси у него, что за камни, — мне говорить на английском не очень хотелось, тем более что я не знала: ювелирные камни тоже «стоун» или нет. — Мам, ну спроси у него.

— Спроси у меня, — тихо и почему-то печально сказал по-русски продавец.

Мы замерли в оцепенении — такие случаи происходили с нами в Финляндии и в Англии, но в Египте! Я тут же попыталась вспомнить, не говорила ли я чего-нибудь о нем самом или о его замечательной стране такого, что ему не понравилось бы. Как будто нет. Знание языка ему, однако, повредило — мне было значительно легче с ним торговаться, и вскоре я унесла с собой так понравившуюся мне вещь по значительно более низкой цене, чем первоначальная.

В Наома-Бей мы побывали еще только раз и то затем лишь, чтобы убедиться — первое впечатление не было обманчивым. Мы предпочитали прогуливаться у нашего отеля среди щебня и строительного мусора. Мимо нас иногда проезжал автобус, увозя людей из пятизвездочного (!) отеля к морю. Понятие первой линии, когда гостиница такого ранга обязана стоять на самом берегу, здесь отсутствовало начисто. Строго по расписанию (а не тогда, когда тебе захотелось!) народ загружался в автобус, чтобы затем по команде вернуться обратно. Это, конечно, дисциплинирует, но, пожалуй, не вяжется с понятием «отдых». Мы жили несколько иначе, и выход к морю у нас был свой.

Распорядок дня был построен нами в соответствии с погодой и временем восхода и захода солнца. Дело было в предновогоднюю пору, поэтому солнце появлялось в семь утра, а в два уже заходило. В пять часов вечера становилось совсем темно, и деть себя было некуда. В первые дни мы пытались заполнить вечернее время прогулками.

Мы выходили на улицу и шли по ней, стараясь не обращать внимания на непрекращающиеся гудки и радостные возгласы водителей. Передвигаясь от отеля к отелю, мы, однако, смогли встретить только парочку испуганных немцев. Здесь никто не прогуливался. И немудрено — место было пустынное, вся развеселая жизнь, если она была, протекала в отелях. Здесь же только поле, да еще вереница работников гостиниц, которые по окончании работы уходили куда-то далеко в свои поселения. Очевидно, на территории отеля жить им не разрешалось.

Тогда мы решили прогуляться днем. В результате длительного хождения мы наткнулись на столб, очень напоминающий сказочный, где Ивану-царевичу предлагалось решить, куда пойти и с какой потерей смириться. На столбе были приколочены указатели, гласившие «Банк Южного Синая», «Правительство Южного Синая», «Главный Универмаг Южного Синая». Дощечки были направлены в разные стороны и чем-то еще напоминали военные: «На Берлин!»

Мы пошли дальше и на дороге увидели группу каких-то ржавых строений. Я предположила, что это заброшенные гаражи, но оказалось, что там живут. У порога сидел на корточках местный житель и чистил морковь, готовясь, очевидно, ее съесть. Завидев нас, он воодушевился и стал энергичными жестами подзывать к себе, явно предлагая разделить с ним трапезу. Ужаснувшись от этой перспективы, мы так же энергично отказались и поспешили покинуть это сомнительное место. Перед нами была хорошо асфальтированная дорога, и вскоре, незаметно для себя, мы оказались в удивительном месте.

Мы вошли в некий город, состоящий из современных строений, поражающих высотой и авангардностью архитектуры. Людей здесь не было и как будто не предполагалось. Вдалеке виднелся поселок, туда-то вечером и уходили служащие отелей. Здесь же, в этом царстве стекла и бетона, не было никого. Только навстречу нам попались растерянные юноша и девушка. Все напоминало декорации фильма, когда съемки уже закончились, артисты ушли, аппаратуру убрали, а ненастоящий город продолжал жить своей жизнью, в которой не было места людям.

Первое, что нам попало, — полицейское управление. Это было красивое здание, просвечивающее насквозь; было видно, что в нем никого нет, дверь открыта — заходи, если хочешь. Рядом с ним стояли три автомобиля типа «газик», изношенные до такой степени, что казалось, они будут не в состоянии стронуться с места. Посмотрев на это удивительное место, мы двинулись дальше.

Банк Южного Синая был, разумеется, закрыт, он просто проплыл перед нами, как огромный корабль. Вообще эта местность очень напоминала Дефанс в Париже — разноцветные стекла, сложные конструкции. «Правительство Южного Синая», как гласила табличка, скрывалось где-то в недрах огромного здания, зеркальная стена которого отливала синим цветом.

Мы постепенно продвигались в полной тишине в пустом городе. Конечно, был выходной день, но это ведь не значит, что все вымерли. И почему стоит настезь открытый полицейский участок? Наконец нам улыбнулась удача. Судя по всему, «Главный Универмаг Южного Синая» был открыт.

Мы вошли внутрь. Это была одна комната, где стояли стол с кассой и стойка с вешалками, на которых висело штук двадцать кофточек и маек. Мама пошла посмотреть эти вещи, решив, что назо всем врагам купит что-нибудь в самом главном универмаге Синайского полуострова. Я остановилась у кассы, не видя необходимости продвигаться дальше. Мое внимание привлекла коробка, стоящая на столе. В ней оказались заколки для волос, причем все они были сломаны. До сих пор не могу взять в толк, зачем торговать сломанным товаром, и до сих пор жалею, что не спросила, сколько стоит такой товар.

Маме удалось выбрать какую-то не то майку, не то футболку, и она пошла платить. К слову сказать, у этой майки лямка тоже оказалась оторванной.

— Может быть, вы хотите посмотреть мужской отдел? — спросила нас молодая, миловидная, но уже уставшая от жизни продавщица.

— Почему бы и нет? — сказали мы.

У нас не было острой необходимости в мужских вещах, просто хотелось взглянуть на это чудо-юдо.

Девушка попросила нас выйти из комнаты, которая, как мы теперь знали, являлась отделом женских вещей, и тщательно заперла дверь на ключ. Потом, пригласив нас следовать за ней, обошла все здание и открыла какую-то дверь на другой стороне.

Нашему взору открылось такое же помещение, как и раньше, только теперь касса отсутствовала, а весь товар был грудой свален в углу комнаты. Сердечно поблагодарив девушку, мы отказались от удовольствия порыться в куче непонятного белья и отправились дальше.

А город кончился! Опять начались щебенка и стройплощадка. Недалеко от дороги на корточках сидели два египтянина. Они проводили нас таким долгим взглядом, что стало даже как-то тревожно. Только тут мы с мамой сообразили, что, пожалуй, рисковали, разгуливая так свободно в незнакомой и пустынной местности.

Наша поездка была новогодней, но от этого праздника остались лишь тяжелые воспоминания. Новый год был обычным ужином, но если обычно люди распределялись в ресторане в течение трех-четырех часов, отведенных для еды, то теперь их согнали к определенному часу, и пришлось стоять длинную очередь. Продукты особым разнообразием не отличались, разве что они теперь были разложены в виде каких-то фигур. Алкоголь не предполагался, а бутылка вина, которую ты мог еще утром купить в баре по одной цене, теперь стоила ровно в три раза дороже.

Создались толчея и давка. Всем хотелось есть, мест не хватало, а обещанная живая музыка и концерт были заменены магнитофоном. Мы с мамой поклевали еду, которую удалось добыть, и ушли к себе в номер. Признаться, я даже всплакнула слегка. Такого Нового года я не ожидала.

Все было бы печально и не нужно, если бы не одно обстоятельство. Есть такая вещь в Египте, которая, возможно, перекрывает все недостатки, — это море. Удивительной красоты рыбы живут прямо у вас под ногами. Входишь в воду по цементным мосткам, которые постепенно уходят в глубину, и когда они заканчиваются, вода тебе примерно по щиколотку. Отсюда можно плыть. В море входят таким образом потому, что там нет пляжа, просто скалы и обрыв. Глубина сразу огромная, а на дне — кораллы.

Пока идешь по мосткам, мимо тебя проплывают совершенно необыкновенные рыбы. Сначала ты передвигаешься очень осторожно, боясь наступить на них и повредить хрупкие создания. Однако касания не происходит, и тогда ты стараешься потрогать их ногой — ничего не получается. Тогда ныряешь с мостков прямо в густую стаю рыбок, похожих на полосатых барбусов, но ни одной не заденешь. Даже как-то странно. Они разлетаются в разные стороны с такой

скоростью, что попадаешь просто в воду, в которой как будто и не было рыб.

Красное море очень соленое, поэтому мы плавали в очках. Можно опустить лицо в воду — и внизу увидишь дно. Оно где-то далеко-далеко, и мне, человеку даже очень водоплавающему, становилось как-то не по себе. Слишком чувствовалось расстояние, но не смотреть было нельзя. Кораллы, разноцветные, невообразимых форм и оттенков, были как бы подсвечены. Внутри не темно! Там творится сказочное действо, прямо такое, как на картинках. Ты смотришь — и не веришь своим глазам. Казалось, то, что показывают по телевизору, — всего лишь компьютерная графика, и все ненастоящее. Но вот они перед тобой, наяву, и ты понимаешь, что это — не реклама! Такие рыбы есть, и кораллы светятся, и сказка существует, и ты — участник ее.

Да, в Египет надо ездить тем, кто занимается дайвингом, им там есть чем заняться. Мы приходили с мамой на берег в семь утра, народу еще не было, раскладывали наши вещи на двух из четырех лежаках (такой величины был пляж) и шли к морю. Рыб было много, особенно нам нравились огромные фиолетовые, с бантиком на спине. Вода была очень теплой, ласковой, и мы снова оказывались в таинственном и необыкновенном мире.

Эти радостные эпизоды были редки и недолги, и, наконец, настал момент, когда нам надо было уезжать. Покидали мы Египет с радостью, но только сам Египет не отпускал нас еще некоторое время.

Прогуливаясь в аэропорту, мы с мамой наткнулись на магазин, торгующий ювелирными изделиями. Там было удивительно красивое ожерелье — огромные аметистовые розы. Маме оно очень понравилось, и после долгого торга продавец сказал ей, что если она купит его за предложенную цену, то может взять подарок из коробки, где лежали разнообразные серебряные кулоны.

— Ну, Лен, выбирай, что тебе понравится, — сказала мама. — Дарю!

Я выбрала кулон с традиционными египетскими символами, такими же, как и на моем картуше, и показала его продавцу.

— С вас десять долларов, — улыбаясь, ответил тот.

— Как, ведь это подарок! — возмущению моему не было предела.

— Да, но мы хотим сделать вам подарок на десять долларов, а кулон стоит двадцать, значит, с вас еще десять, — улыбка у продавца стала еще шире, он наслаждался ситуацией.

— Так не делают, — я с презрением кинула кулон на прилавок, и мы с мамой ушли, не купив даже ожерелье.

— Что же делать, мне так нравятся эти розы, — мама сожалела, что мы отказались от покупки.

— Не переживай и ничего не делай, — сказала я.

И точно, продавец нас окликнул, и мы получили и ожерелье, и кулон, но неприятный осадок все-таки остался.

Потом начались наши мытарства. Нас отправляли то к одним воротам, то к другим, то к седьмым, то к девятым. Мы до того устали ходить туда-сюда, что решили — не сойдем с этого места. Образовалась даже как бы общность девярых ворот. Потом мы сели в самолет и просидели четыре часа с пристегнутыми ремнями, не взлетая. Самолет задержался надолго, все выпили все, что было куплено в аэропорту, а потом и то, что было в самолете. Когда Деня нас встречал, он никак не мог понять, почему и откуда прилетел такой совершенно пьяный рейс.

Мы стояли в очереди на паспортный контроль, и я разговори-лась с двумя девушками. Они были в восторге от Египта.

— Представляете, мы ездили в глубь страны, там так здорово, — девчонки рассказывали, перебивая друг друга. — И какая прелесть — люди живут в коробках от телевизора!

— О, боже! — только это я и смогла сказать им в ответ.

ИСПАНИЯ

Бабочка, Дали и матадоры

Кто скажет мне — какая разница между Леонардо Да Винчи и Микеланджело? Да никакой! Причем, действительно, никакой, если это — названия отелей в Коста Дорада, где мы отдыхали с мамой прошлым летом.

Маме очень хотелось поехать в «Да Винчи». Четыре года назад они с Раей уже побывали там, восторгов была масса.

— Только «Да Винчи», и никакой другой! — мама убедила нашего туроператора заказать номера именно в этом отеле.

Лето, Испания — мне очень хотелось поехать.

И вот настал тот счастливый миг, когда мы наконец оказались у дверей отеля. Но что-то происходило с мамой — она ощущала некоторое беспокойство, потому что совершенно не узнавала гостиницу. Она тоскливо озиралась вокруг, недоумевая и сокрушаясь, что память уже не та.

Мы вышли на улицу. Рядом с отелем оказался магазин под названием «Микеланджело». Мама радостно вошла в него, узнав и сам магазин, и местность рядом с ним. Чувствовалось, что она опять обрела себя и почву под ногами. Выйдя из магазина, мама пошла совсем не туда.

— Ты куда, наш отель совсем в противоположной стороне, — сказала я.

Мама опять растерялась, не зная куда идти. Она пребывала в таком состоянии еще дня три, пока не стало ясно, что отель, в котором они побывали с Раей, назывался, разумеется, «Микеланджело», но поскольку стоял он, почти соприкасаясь с «Да Винчи», то здесь у любого случилось бы затмение. Когда это выяснилось, мама пришла

в согласии с окружающей действительностью и эта путаница с названиями перестала вызывать у нее смутную тоску.

В Испании хорошо! Только время для отдыха мы выбрали не самое удачное — август. Народу! На пляже просто негде приткнуться. И пройти по берегу невозможно — люди ставят свои шезлонги настолько близко к воде, что идешь по кромке моря эдак бочком, боясь задеть кого-нибудь. Поэтому приходилось ходить туда, что называется, явочным порядком, проводя большую часть времени у бассейна. Но это нам нравилось. Нам вообще нравится в Испании. Я сюда стремилась из-за Дали. Поэтому одна из первых наших экскурсий была в город Фигейрос, где находится его знаменитый дом-музей.

Моей главной мечтой было купить репродукцию картины, где Христос парит на кресте, и первым делом я заглядывала в магазин, а не в музей. Сначала нас повезли в замок Гала, и первое, что я купила в ближайшей лавке, — желанную картину, причем хорошего качества, на дереве. Это была безусловная удача, потому что я больше не встретила достойных ее репродукций. Теперь я могла осматривать замок.

Он сам по себе довольно неуютный и неприветливый — голые стены, мрачные своды, но я тут же пришла в восторг от бесчисленных штучек Дали, которые встречались на каждом шагу. Фантазия здесь была через край. Вот, например, стоит небольшой столик со стеклянной крышкой, ничего особенного, но если подойти к нему и посмотреть сквозь стекло — увидишь, что пола здесь нет, имеется сквозная дыра на первый этаж, где стоит чучело белой лошади, стоящее! Или набор шахмат, где все фигуры — изображения человеческих пальцев, собственных пальцев Дали.

В Фигейросе еще хуже. Там находится его музей с множеством комнаток-залов, где неистощимая фантазия художника проделывает такие чудеса, что на третьем я сказала — всё! Даже я при всей любви и нежности к Дали утомилась, пришло ощущение, что еще немного, и мой рассудок возмутится и покинет меня, возможно, навсегда. Поэтому я поблагодарила маму за доставленное удовольствие и увлекла ее в очередной магазинчик, торгующий сувенирами.

Я скупила бы всего Дали. Мне нравилась картина, где из яйца очень натуралистично вылупляется человек. Действо предельно физиологичное, там много подробностей, смотреть на которые неподготовленному человеку не очень приятно. Мама категорически

запретила покупать мне эту картину, сказав, что если я повешу ее в коридоре, как я собиралась, при входе, то путь ей в мою квартиру будет заказан.

— Лен, ты соображаешь, ведь входить в дом и видеть такое — отвратительно!

А мне не казалось это отвратительным, это же известная картина, ее цитируют довольно часто, все зависит от точки зрения. Я все же дала маме себя уговорить и настояла лишь на покупке небольшой репродукции, самой известной, пожалуй, той, что с висящими на ветке часами. Мама согласилась на нее, сказав, что эта картина (куда ни шло!) имеет право находиться в человеческом жилище.

Как всякие курортные люди, понимающие, что шопинг — неотъемлемая часть отдыха, мы с мамой обошли окрестности, окинули их беглым взором, чтобы потом детально, до мелочей изучить каждый магазинчик. А что еще делать праздному гуляке? Вот вечером мы и пошли прогуливаться. Сначала мы освоили галерею, украшенную светящимися арками — главную торговую местность данного района, ничего, вполне сгодится для вечернего променада, потом свернули на другую улицу. Необычайно узкая, она была запружена громко кричащими по-русски людьми.

— Ой, Коль, смотри, как прикольно, обалдеть! Ты только погляди на эту куклу — девушка сидит на унитазе, боже, да она еще и звучит!

Со всех сторон, перекрикивая друг друга, на нас двигались люди. Было такое впечатление, что они впервые за границей и не знают, как себя вести. То, что впервые — это вполне допустимо, но почему они решили, что надо друг друга звать, крича на всю улицу? Они расталкивали всех и вся, пытаясь дотянуться до сувениров сомнительного качества и назначения. Там был, например, пластмассовый дядька, который время от времени распахивал свой плащ, и было видно, что под ним ничего нет, кроме работающих на батарейках некоторых частей тела. Или фартуки, которые, когда надеваешь, придают тебе вид голого человека. Все это шутки для людей весьма непритязательных, они есть на любом курорте, поэтому было непонятно, почему здесь-то такой восторг! Мы с мамой впали в тоску и уныние и больше туда не ходили, присвоив этой местности длинное наименование — «Улица, где у мамы испортилось настроение».

По другую сторону от наших отелей (мы теперь обе гостиницы считали своими) нашлась торговая улица, на которой люди вели себя

более чем пристойно и по которой пройти в шортах было даже не очень уместно. Цены оказались вполне подходящими, и мы именно там любили гулять.

Мы с мамой по-разному совершаем покупки. С первого же дня ее территория в номере начинает заполняться различными пакетиками и коробочками, в которые заботливо упакованы подарки и сувениры. Она покупает разные маечки, кофточки для себя, брючки и шортики для Ваньки и платьица для Дашки — благо внуков теперь хватает. Я добросовестно и не без удовольствия хожу с ней по магазинам, но тратить валюту не спешу — присматриваюсь. Наконец наступает момент, когда я готова, и тогда уж совершается покупка, которая, как правило, оказывается достаточно дорогой, то есть это не футболка. Вот и здесь я ходила, бродила, смотрела, но ничто мое сердце не согревало. С трудом я согласилась купить бриджи и майку, чувствуя, что главная покупка впереди. Шли дни, один за другим, идеи не было, пока вдруг меня не осенило — я же хочу золотую бабочку!

Мне вдруг стал страшно нужен кулон, который представлял бы собой бабочку, не очень крупную, но и не маленькую. Все, решение было принято, и теперь ни один ювелирный магазин не был обойден моим вниманием. Конечно же, когда мне понадобилась бабочка, тут же все кулоны с этими чешуекрылыми исчезли. Все как сговорились! Стрекозы — пожалуйста, жуков разных — бери, сколько хочешь, хоть горстями зачерпывай, и ни одной бабочки!

А ювелирные магазины на побережье очень интересные, туда просто так не войдешь, надо позвонить, и только тогда тебя впустят, сразу же закрыв за тобой дверь. Ты оказываешься как бы в ловушке, и создается такое ощущение, что без покупки не уйдешь.

Рядом с нами как раз был такой магазинчик, в котором хозяйничали две пожилые дамы. Я их совсем извела, объясняя, что мне надо, пока из закровов, откуда-то из дальней комнаты мне не принесли очень милую бабочку. Она не была золотой — только позолоченной, но это меня уже никак не беспокоило, я являлась обладателем желанного насекомого, осталось только купить к ней цепочку. Эту покупку я решила осуществить на другой день и в другом магазине — в торговой местности под светящимися арками. Я уже расплачивалась за покупку, которую мама не одобрила — цепь была золотой, но на такую совсем не походила (эх, в этом-то и был весь смысл!), как грянул ливень. Грянул в самом прямом смысле слова.

Люди побежали под навесы и кто с ужасом, а кто с восторгом смотрели на разбушевавшуюся стихию.

Моментально по тротуару побежал бурлящий поток воды, которой было столько, что тенты над лавками тут же наполнялись, и кто-нибудь, действуя палкой или просто шваброй, давал выход воде, иначе все грозило обрушиться.

Дождь был недолгим, но беспорядков натворил. По улицам струился поток, мы шли по воде босиком, потому что башмаки размокли и пришли в негодность, да и не было в них никакого смысла, в башмаках-то. Машины нас пропускали, потому что идти было трудно — вода поднялась выше чем по щиколотку, и ехать было тоже не легко, потому что автомобили импортные, с низкой посадкой. Самое интересное, что не было ни одного недовольного человека, все смеялись, воспринимая этот неожиданный сюрприз стихии как веселое недоразумение, о котором и печалиться-то грех.

Теперь, после того как я повстречалась с Дали, купила мечту этой поездки — бабочку, осталось невыполненным только одно, но, может быть, самое важное — поездка в Барселону на корриду.

Мы уже были в этом замечательном городе на обзорной экскурсии и видели Саграда Фамилия — собор Святого семейства, удивительнейшее сооружение, красоты необычайной. Он со всех сторон разный, но мне больше всего нравится та, которую строил сам Гауди. Мы долго бродили вокруг него, не веря, что бывает такое, он казался чем-то нереальным, сказочным.

Вечером мы смотрели на знаменитые музыкальные фонтаны Барселоны — завораживающее зрелище, когда под классическую музыку взлетают в воздух разноцветные струи воды. Мы сидели довольно далеко на ступенях какой-то лестницы, но и слышно и видно было прекрасно, а собиравшаяся шуметь и веселиться молодежь притихла, зачарованная прекрасными звуками и красками.

А сейчас мы снова ехали туда, но уже на корриду, и я все время прислушивалась к себе — готова ли я к бою быков.

Мне все время вспоминались строки из «Фиесты» Хемингуэя, где Джейк говорит Брет, чтобы она отвернулась, если станет страшно или неприятно смотреть. Меня это всерьез беспокоило, потому что я даже телеканал *Animal Planet* всегда стараюсь «проскочить» побыстрее — там все время показывают, как лечат увечных животных, а тут собираются убить целого быка! Но приехать в Испанию и не побывать на корриде, чтобы потом жалеть всю жизнь, ну уж нет! Ничего,

постараемся, возьмем себя в руки, никто же, в конце концов, не заставляет смотреть.

Нас привезли на окраину Барселоны, где расположен цирк, в котором и должно все происходить. По дороге экскурсовод рассказала нам об участниках корриды.

Оказывается, что тореадорами можно назвать всех, кто имеет отношение к бою быков, а вот матадор — один. В переводе это слово означает «тот, кто убивает».

Еще наша экскурсовод попыталась объяснить общие принципы корриды, но из ее рассказа было мало что понятно, только разве то, что мясо убитого быка имеет особенную ценность.

Этих быков заранее готовят к такой участи, выращивая где-то на специальных пастбищах. Нет, не согласна я со словом «участь»! В нем есть что-то обреченное, какая-то заданность судьбы, а здесь все не совсем так. Участь — это когда ты сидишь где-то в печали, не в силах препятствовать грядущему ходу событий, они происходят независимо от тебя. Ты не в состоянии что-либо изменить — вот тебе и участь. А тут, как ни крути, быку все же дается шанс, крохотный, эфемерный даже, но он есть.

Испанцы придерживаются именно той точки зрения, что бык этот погибает в борьбе, как настоящий воин, а не как точно такой же, спокойно пасущийся на поле, который все равно будет убит. Вполне согласишься с Воландом: «...какой смысл умирать в палате под стоны и хрип безнадежных больных. Не лучше ли устроить пир... и, приняв яд, переселиться в другой мир под звуки струн, окруженным хмельными красавицами и лихими друзьями?»

Нам выдали билеты, мы стали подниматься по амфитеатру, окружавшему арену, и забрались так высоко, что даже сидеть было страшно. Ступени, они же — сиденья, уходили вниз почти вертикально, казалась, что чуть-чуть — и ты потеряешь координацию, а потом просто свалишься вниз. Арена казалась очень далекой, но у нас с мамой были камеры, а в объективе все казалось крупнее, как в бинокле.

Вдруг зазвенели трубы, и действие началось. На арену вышло довольно много пестрого народа — матадоры, их помощники, пикадоры на лошадях, еще какие-то люди. Матадоры очень выделялись среди всех, потому что были в костюмах, настолько обильно украшенных золотым шитьем, что светились на солнце. Они подошли поприветствовать председателя корриды, а потом вся эта процессия покинула арену.

Наступил момент тревожного ожидания и, наконец, вот он — бык. Он выбежал на арену, где его встретили помощники матадора со своими пронзительно малиновыми плащами. Эти помощники, как нам сказали, выбираются с особой тщательностью, и доверяют им больше, чем собственной жене, вот так. Они раззадоривают быка, «играют» с ним. Потом на лошадях появляются пикадоры и специальной пикой ударяют быка в загривок. Это производит сильное впечатление, но ничего страшного здесь нет — просто таким образом они ослабляют быка, делают его менее агрессивным, а не наоборот. Бык реагирует на боль и бьет рогами в бок лошади. Это действительно не самое приятное в корриде, но такова уж участь лошадей, ничего не поделаешь! Потом наступает еще один щекотливый момент, когда в загривок быка втыкаются «бандерильи» — разноцветные копыя, которые теперь, напротив, должны раззадорить быка. В общем, все довольно сложно для понимания, но это — традиция, установленная веками, поэтому здесь все оправданно и на своем месте.

Где-то в это время на передний план выходит матадор, который уже присутствовал на арене, но работал вместе с помощниками. Теперь же они вдвоем — он и бык, и начинается то, ради чего и стоит ходить на корриду. Ведь важна не сама смерть быка, не момент его убийства, а мастерство матадора, эстетика его движений, когда его собственная смерть стоит совсем рядом, на расстоянии вытянутой руки.

Первый нас разочаровал — он был как-то трусоват, и хотя мы ничего не понимали в корриде, сразу это почувствовали. Бык его явно переигрывал, а движения матадора были неуверенными и какими-то неоправданными — было непонятно, для чего все это. Кругом начали свистеть, раздавались возмущенные крики, и мне стало казаться, что, по существу, коррида — довольно скучное действо, просто убивание бедного быка на арене, только под музыку.

Матадор после долгих и, казалось, мучительных для него движений кое-как убил животное, и мы с мамой договорились, что скоро пойдем, только посмотрим немного на другого. Вышел маленький человек, издалека очень похожий на Марадону, все повторилось, как и в предыдущем случае, но только до того момента, пока он не остался один на один с быком.

Сразу стало ясно — это мастер, дух захватывало от того, насколько близко он работает с быком, казалось, опасность — вот она, сей-

час произойдет ужасное, но каждый раз матадор красивейшим движением обманывал его, избегая страшной участи, а трибуны ревели от восторга. Иногда он поворачивался спиной к животному, сердце замирало, казалось, что беда неминуема, но опять — движение плащом, изящнейшее, почти балетное па — и бык в растерянности и недоумении, а он, красивый и гордый, смотрит на трибуны, принимая одобрительные крики и свист с видом короля.

Мы переглянулись с мамой — да, теперь понятно — хождение по острию лезвия, невероятный риск, опаснейший танец с быком и неизбежная смерть в конце. На это стоило посмотреть!

Он убил быка одним движением, и тушу увезли потом на лошадах. Мясо этих быков имеет для испанцев не только гастрономическую, но и мистическую ценность (особенно для мужчин), поэтому очередь на него длинная и неиссякаемая. Но сейчас это не имело никакого значения. Смерть быка как таковая (хотя жаль, конечно) была на данный момент чем-то не столь важным, мы сидели во власти новых неведомых чувств, захваченные ими полностью. Я огляделась — рядом с нами такие же возбужденные люди. Что-то такое проснулось в нас, что-то древнее, средневековое, хорошее или нет — не знаю...

Мы решили, что третьего быка смотреть не будем — хватит с нас эмоций, нам удалось увидеть и посредственный бой, и прекрасный и где-то почувствовать, почему испанцы не отказываются от корриды, считая это признаком своей национальности, что ли.

Мы вышли на улицу и долго гуляли по пустынному городу. Было воскресенье, поэтому все везде закрыто, работали только небольшие кафе, в которых завсегдатаи корриды делились впечатлениями и осуждали или хвалили того или иного матадора.

Потом мы ехали домой, а я размышляла о природе чувств человека. Только что мне довелось испытать нечто незнакомое, но, черт возьми, прекрасное!

Мы провели остаток дней в Коста Дорада как обычные курортники, наслаждаясь солнцем, морем, осуществляя такой дорогой нашему сердцу шопинг, но теперь у нас было новое знание, сокровище, которое можешь получить только здесь, в Испании, — мы видели бой быков, и никто не скажет мне, что нет.

АРАБСКИЕ ЭМИРАТЫ

Приключение...

В каждой поездке должно быть какое-то свое, только ей присущее приключение.

Арабские Эмираты.

Декабрь 2007-го

В пальце что-то хрустнуло, он согнулся и больше не хотел разгибаться.

Я сидела на корточках, почти безо всякого успеха пытаюсь засунуть куртку в чемодан, а мама махала мне рукой, чтобы я быстрее шла сдавать багаж, потому что была уже наша очередь. Я отрицательно покачала головой и показала жестом, что сломала палец. Было как-то тревожно, необычно, но не очень страшно — я не одна, с мамой, а это очень важно. Главное — он не болел, только распухал на глазах.

— Так... Что будем делать? — в такие минуты мамин голос всегда приобретает подчеркнута деловую окраску.

Действительно, сейчас не до сантиментов, нужно решение принимать.

— Едем, конечно, — я старалась, чтобы мой ответ прозвучал не принужденно и интонацией успокоил и меня и маму.

— Хорошо. Сладим багаж и будем искать медпункт. Он должен здесь быть.

Должен-то должен, но сейчас четыре утра... Служитель аэропорта, однако, не удивился и подсказал, куда нужно идти.

Мы долго звонили в дверь, пока нам не открыла заспанная и почему-то насмерть перепуганная пожилая женщина в белом халате.

— Что у вас? — она зевала, потягиваясь и недоумевая, что в мире существуют какие-то медицинские проблемы.

— Вот, — я протянула ей руку, которую женщина принялась с удивлением разглядывать.

— Я не знаю, чем могу помочь... Может, это перелом, — она задумалась на некоторое время, размышляя, очевидно, о превратностях судьбы.

Мама, наблюдавшая эту сцену, потеряла, наконец, терпение. Он вспомнила все, что касалось травм и переломов — один из ее мужей был альпинистом, да имелся и собственный опыт.

— У вас есть лед? Нужно приложить что-нибудь холодное.

— Лед... Не знаю, — с сомнением произнесла женщина, и сразу стало ясно, что никакого льда не будет.

— По-моему, надо чем-нибудь зафиксировать. У вас есть что-нибудь?

— Ну разве что шпателем...

Женщина достала из шкафчика эту импровизированную шинку и принялась бинтовать мне руку, причем делала это настолько неумело, что мы с мамой лишь молча переглянулись и пожали плечами. Все это происходило чрезвычайно медленно, но зато дало мне возможность успокоиться и осмыслить происходящее на трезвую, так сказать, голову.

Вот ведь как получается! Только что ехала в такси и думала: а что это я еду за границу просто так, не преодолевая никаких трудностей? Обычно ведь я сражена каким-нибудь тяжелым недугом. То температура высокая, близкая к предельной, то швы после операции еще не сняты. А тут — ничего не болит, здоровая, веселая. Рано радовалась. Теперь на курорте буду вся в бинтах. Причем эта милая дама, ничего не понимающая в травмах, забинтовала мне руку так, что средний палец торчал в том самом жесте, каким американцы выказывают свое негативное отношение к вопросу. Мне даже не надо было особенно напрягаться, все получалось само собой. Я и не знала, пока не поймала на себе парочку веселых взглядов. Разговаривая с мамой, я жестикулировала, не подозревая, что осеняю всех и вся одной сплошной неприличностью.

Еще в самолете мы договорились, что вопрос о пальце (ведь он не болел!) обсуждению не подлежит, оно, это обсуждение, всячески отвергается вплоть до возвращения на родину. Было решено не рассматривать это как приключение, тем более что нам и без него хватало впечатлений и эмоций. Дело в том, что дней десять назад мама обрилась наголо.

Решив сменить цвет волос с темного на свой, естественно седой, она подошла к вопросу серьезно, и волосы с ее головы исчезли, как будто их и не было. Пришлось все дни до отъезда ходить в парике, чтобы в институте никто не падал в обморок. Одно дело, когда это происходит с радикальными студентами, но когда завкафедрой развлекается подобным образом... Институт к этому был явно не готов. Я просила маму никому не показываться пока что в таком виде, чтобы не травмировать психику этих людей, но мы условились, что в Эмираты она полетит без парика.

— Ничего, там тебя никто не знает, — сказала я, с грустью глядя на молодую поросль, едва пробивающуюся на маминой голове.

Это было тем более обидно, что волосы у нее густые и вьющиеся от природы, но она с какой-то неумолимой решимостью всю жизнь стрижется предельно коротко, на грани фоло. Да, спору нет, она элегантна и эффектна, но как-то жаль волос...

Люди в кафе с любопытством посматривали в нашу сторону, стараясь не показывать вида, но было заметно, что в их жизни приключение уже случилось — они увидели нас!

Первые впечатления

Итак, Эмираты! Мы предпринимали несколько попыток поехать туда, но каждый раз что-то происходило, что-то случалось, и в результате мы оказывались совершенно в другой стране. Теперь вот летим в надежде хорошо отдохнуть, покупаться (как я буду делать это с бинтами?), загореть, купить шубы, еще чего-нибудь... Мы выбрали самый консервативный эмират, Шарджу — здесь не продается алкоголь, а требования к внешнему виду более суровые, чем в других. Все нормальные люди везут сколько-то спиртного с собой, и у нас тоже было чем развеять грусть-тоску, если бы таковая приключилась с нами.

Встретили нас хорошо. Было смешно смотреть на людей в майках и сапогах — жара была двадцать девять градусов, все разделись сверху, а сапоги так и остались неснятыми. Мама выглядела супер-элегантно без волос, а проходящие мимо арабские женщины либо не могли отвести от нее взгляда, либо еще сильнее закутывались в свои одежды, а некоторые набрасывали на лицо дополнительный кусок ткани, как бы не в силах смотреть на все это.

Арабы нам понравились сразу. Высокие, красивые в своих длинных одеждах и белых головных уборах, они излучали спокойствие и достоинство. В них не было той привычной суеты — купи-продай, они шли и смотрели на нас как на просто прохожих, хотя было видно, что им хотелось обернуться и разглядеть мамину небывалую прическу. Их-то жены не стригутся!

Нам запретили фотографировать арабских женщин — и моей главной задачей стало получить хороший снимок таинственной арабской красавицы, которая вся с ног до головы закутана в черное, лишь узкая щель для глаз между кусками ткани позволяет что-то разглядеть. Но я вас умоляю! Более насыщенной косметики я не встречала. Это даже не вечерний макияж! Это боевой раскрас индейцев племени сиу!

Глаза подведены не тонким изящным карандашом, они покрашены настолько, что, кажется, весь запас краски должен быть израсходован за один присест. Зато уж как она этим глазом сверкнет — так, надо полагать, весь арабский мир падет к ее ногам. А что им остается? Это единственное, что доступно взору. Ах да, еще рукава...

Вся одежда абсолютно черная, но обязательно, я подчеркиваю — обязательно как-то украшены рукава. Вышивка, бисер, что-нибудь блестящее... Особенно смелые (я подозреваю, что в их понимании — самые распутные) позволяют себе украсить (чуть-чуть!) край верхнего платка — и все.

Как-то мы с мамой шли в их супермаркете. Кругом были узнаваемые фирмы и названия, но встречалась и местная продукция.

— Так... магазин женской одежды... Нет, Лен, ты посмотри на эту цветовую гамму, — мама показывала мне на отдел, где не было даже намека на какой-либо цвет кроме черного.

Это выглядело дико. Длинные мрачные балахоны, платья в виде рубашек, только кое-где мелькнет нечаянной блестящей рукав... А рядом — все, как полагается, европейские фирмы, майки, шорты. Контрасты и контрасты.

Несмотря на всю мрачность атрибутики, арабские женщины очень нравились нам с мамой. И как-то стал понятен ответ араба, которого спросили: а что же, мол, хорошего, когда она так закутана, ведь ничего же не видно?

— О, вы не представляете себе, как это сексуально, — ответил тот.

Действительно, в этом мгновенном, стремительно брошенном взгляде из-под густо накрашенных ресниц, в этой грациозной по-

ходке, повороте головы, покрытой черной тканью, — была тайна, которую хотелось разгадать. Да-а... Такая женщина вызывает интерес. Есть простор воображению. Мы, европейские дамы, лишаем своих замечательных мужчин радости творчества, демонстрируя им все, так сказать, заранее. А в Эмиратах до сих пор жену арабу выбирают его мать и сестры. Предполагается, что любовь приходит не сразу — только после нескольких лет совместного проживания. А плотские утехы... Видимо, арабу, изнуренному долгим воздержанием, не очень важно, насколько сильно у его жены подведены глаза.

Дворец, отель и Абу-Даби

— Лен, знаешь, я восхищаюсь арабами! Ведь какие молодцы! Еще тридцать лет назад здесь в песках бродили одинокие босые бедуины, а теперь — цветущий сад и шикарные коттеджи, оснащенные самой современной техникой!

Наша первая экскурсия была в древнюю столицу эмирата Абу-Даби, автобус ехал по временной трассе, которая даст сто очков вперед нашим постоянным, а вокруг была пустыня. Вот сейчас стоят пальмы, разбиты цветники, зеленеет трава, а за поребриком — песок и верблюжья колючка. Прямо не верилось, что все это растет не в земле, то есть земля, конечно, есть, но лежит она поверх песка, а к каждой пальме, к каждому кустику подведен шланг, по которому непрерывно бежит вода.

Старинный дворец шейха (кстати, почему-то в Эмиратах — шейхи, а не эмиры) особого впечатления не произвел, но мы решили, что им просто нечего показывать из древнего. Что можно показать там, где была пустыня? Единственное, на что обращаешь внимание, — на особенности архитектуры, и прошлой и нынешней. Практически в любом сооружении присутствует бедуинская палатка или ее элемент. Даже в самом современном и дорогом коттедже она обязательно есть — или вход стилизован, или постройки какие-нибудь. Тоскует, видимо, душа даже самого богатого араба по кочевой когда-то не очень сытой, но свободной жизни.

Потом были зоопарк, обед и курение кальяна. Здесь мы с мамой сделали удивительное открытие.

В аттракцион с кальяном входило переодевание наших людей в арабские национальные одежды. Все воодушевились, стали приме-

рять платья, а мы с мамой наблюдали со стороны за всем происходящим. На наших глазах происходили удивительнейшие метаморфозы. Невысокая, с не самой лучшей фигурой, пышноволосяя блондинка, надевая этот наряд, превращалась вдруг в стройную, изящную, таинственную арабскую женщину. Изменялась походка, осанка, даже поворот головы становился необыкновенно грациозным. И так происходило с любой. Мы с мамой даже расстроились — загадочность восточных женщин исчезала прямо на глазах. Оказывается, все дело в этих одеждах! Потом мы научились видеть их по-другому, угадывая реальные очертания под куском черной ткани, и убедились, что женщины они самые обычные, большей частью даже некрасивые, а выдающийся нос неправильной формы — необходимый атрибут каждой прелестницы. Цивилизация наступает на Эмираты невиданными темпами, но им ни в коем случае нельзя отказываться от этих одежд — исчезнет тайна и в значительной степени сексуальность.

На арабов вообще интересно смотреть. Впереди вышагивает «сам», весь в белоснежном балахоне, причем именно в белоснежном, и его не смущает, что подол одежды метет мостовую. Мы у гида спрашивали, как им удастся сохранить такую белизну. Оказалось, что балахонов у него не менее двадцати пяти, и меняет он их несколько раз на дню. За мужчиной семят три-четыре женщины, постреливая глазами на прохожих, очевидно, жены. Иногда с ними бывают дети. Процессия движется неторопливо, с достоинством, и кажется, что ты прикоснулся к какому-то таинству, куда тебе вход запрещен. Женщины все красивы, мужчины великолепны — чудо!

Ладно, посмотрели их дворец, а теперь едем в свой, в отель. С гостиницей нам повезло. Свой собственный пляж, чистый, ухоженный, и очень близко. Впервые я загорала у бассейна, но фактически была на пляже. Номер был тоже нормальный и еда, но не это занимало наше с мамой внимание. Отель был населен какими-то странными русскими.

Других национальностей не было, весь персонал гостиницы говорил на нашем языке. Обычно в таких местах находиться невозможно. Полуголые, неопрятные, чрезмерно шумные соотечественники способны испортить отдых любому, главное, что и себе самим. Здесь же бродили какие-то интеллигентные люди, приветливые, аккуратные... Ну, была пара теток, ходивших на завтраки в ночном уборе, но это так, мелочь. Мы думали, что, может, отсутствие алкоголя так влияет на людей, но у каждого «с собой было», в номере-то пить

никто не запрещал, многие так и делали. Наверное, это все-таки сама атмосфера Эмиратов. Здесь все ведут себя как-то достойно, начиная с самих арабов, и их поведение не предполагает разгульной веселости пьяных людей. Наверное, так. Что ж, это только здорово. Значит, можем.

Вторая экскурсия в Абу-Даби, современную столицу Эмиратов, понравилась нам куда больше. Сам город — это просто нагромождение небоскребов, причем они совершенно не похожи друг на друга. Ты попадаешь в эти самые каменные джунгли, только здесь они скорее стеклянные.

Мама опять пришла в восторг, и было от чего. Все это многоэтажное разноцветье было построено за ничтожные сроки. Причем работа продолжается. Все Эмираты — одна сплошная стройплощадка. Действительно, молодцы арабы. Своих подросших детей, рожденных еще в бедуинской палатке в пустыне, они, разбогатевав, отправили учиться за границу, а те вернулись, вооруженные современными знаниями, и начали внедрять здесь новые технологии. В Эмиратах все делается как-то по уму. И вызывает уважение.

— Я вот что думаю, — сказала мама, склонная, как всегда, оформить свои мысли в резюмирующие слова. — Я еще сюда приеду.

— Точно, давай на следующий год в это же время.

— Интересно, а в мае у них сезон или нет?

Да, маме здесь определенно понравилось, если она готова вернуться сюда через полгода.

Покупка шубы

как осознанная необходимость

Я точно не знаю, сколько у мамы шуб. Белая, темная, «автоледи», еще белая (или не очень?), длинная... Одну она как будто подарила, другую — отдала, но еще осталось. Одним словом, недостатка в шубах не было. Как таковых.

Мы ехали в Эмираты и знали, что будем покупать мне шубу. Что я хотела? Ну, не знаю... Ну, может, норка, может, светлая... Короткая, стриженная... Короче — надо посмотреть!

— Лена, у меня все есть, мне ничего не надо, — мамины слова были торжественны и достаточно убедительны. Но только не для меня.

Сложилась традиция. Однажды наступает момент, когда маму перестает устраивать мой внешний вид, и она, одержимая самыми благими намерениями привести его в порядок, ведет меня в магазин одежды. Должна сказать, что это нелегко, так как мне ненавистно что-либо примерять, и нужно поймать момент, когда я к этому готова.

Мы заходим с мамой в магазин, и происходит (всегда!) одна и та же история: мамин гардероб пополняется новой современной вещью (которая ей очень идет!), а я, счастливая, что меня оставили в покое, возвращаюсь домой в том, в чем его и покидала.

К чести мамы надо сказать, что держалась она долго. Мы добросовестно искали мне шубу, и помогал нам юноша-помощник по имени Роберт. Там налажен целый бизнес по сопровождению несведущих русских дам, желающих купить шубу. В услугах этих ребят никто бы не нуждался, если бы магазины были на виду. По странной прихоти их владельцев (или арендодателей?) они расположены в помещении банков и других учреждений. Все бы ничего, но и вывесок-то нет. Вот и стоят ребятки, готовые сопроводить вас до отела с шубами. Причем бесплатно — у них договор с магазином.

Итак, нами был изучен уже шестой магазин, парочка шуб могла бы быть ничего себе... Но не лежала душа. Я оказалась привередливой, чем удивила даже себя, но стояла насмерть и не давала себя уговорить ни продавцам, ни маме. Постепенно впадая в тоску, я начала думать, что шубу, по всей видимости, придется покупать дома, в Питере, но тут мы вошли еще в один магазин.

Нас встретили приветливо, по-русски и даже с какой-то долей интеллигентности, но почему-то сначала предложили бобра. Какой такой бобер, как он вообще в смысле меха — я не знала. Мама успела шепнуть, что в Питере его нет, он, дескать, дефицит, а сама принялась бродить среди шуб и полушубков, изрядно уставшая от моих бесконечных примерок. Шуба сменяла одна другую, мне ничего не нравилось, да и найти-то на меня одежду нелегко — роста я высокого и веса немалого, большая, в общем. Дамы-продавцы все как одна были миниатюрны и стройны и недоумевали, когда я, снимая шубу и мотая отрицательно головой, говорила, что в ней нет изящества.

«Какого еще изящества ей надо при таких-то габаритах... Хорошо, что шуба хоть не мала», — читалось в их глазах.

Вдруг одна из этих милых дам сняла что-то с вешалки и накинула мне на плечи. Я сразу поняла — это мое! Странное дело — не на светлую короткую норку, а на длинного темного бобра откликнулось мое

сердце. Все вздохнули с облегчением (а больше всех я) — покупка состоялась.

Мама, как будто получив индульгенцию, принесла из первого зала какой-то полушубок.

— Лен, я только примерю. Мне интересно, как это на мне, — изделие было блеклым, неинтересным, почти мужским, но у мамы такое бывает — ей хочется отказаться от стереотипов.

— Да, неплохо... А почему бы вам не попробовать белую? — продавцы были профессиональны и уже включились в работу с мамой.

— А у меня есть такая, — ответила она и взялась за рукав небольшой шубки, которая висела на переднем плане.

— Ну вы просто примерьте, это новый фасон.

Мама и сама уже это заметила. Когда она надела эту шубку-игрушку, стало ясно, что брать ее нужно немедленно, потому что это было сплошное очарование и восторг.

Мы переглянулись с мамой, как делаем всегда, когда надо негласно обсудить необходимость покупки, я едва заметно кивнула, но и без этого, взглянув на ее лицо, поняла, что она уже счастлива.

Довольные, держа в руках огромные сумки и пакеты, мы возвратились в отель.

— Ой, Лен! Что же я буду теперь делать со старой белой шубой?..

Возвращение. Мы — дома!

На следующий день после прилета мама подогнала свой джип к моему дому, и мы отправились в травмпункт. Надо было узнать — что же все-таки у меня с пальцем. Теперь, когда мы вернулись, запрет на разговоры о нем был снят, но говорить особенно было не о чем — мы обе привыкли, что рука замотана.

Когда я вошла в кабинет и начала рассказывать врачу повесть о пальце, он вдруг перебил меня.

— Ой, а я знаю, что у вас!

Он был как-то очень рад, что так быстро и правильно поставил диагноз, что я, глядя на него, тоже начала улыбаться.

— Знаете, вам уже ничего не поможет, будете вы его завязывать или нет, — его прямо переполняла радость, и он спешил поделиться ею со мной. — Палец будет теперь деформирован, это на всю жизнь, но ничего страшного! Вам ведь не надо играть на пианино...

— Надо... Я еще и на компьютере...

Мне очень не понравились его слова «на всю жизнь», и хотя улыбка еще оставалась на моем лице, значение этих слов постепенно проникало в сознание. Настроение стремительно портилось — я поняла, что с пальцем серьезно.

Веселый доктор прервал мои размышления.

— Впрочем, если вас что-то не будет устраивать, можно сделать операцию. Пять недель — и палец как новенький.

Ну ладно, это уже что-то, какой-то просвет в полной безнадежности. Я вернулась к маме — она ждала меня в приемной, рассказала. Мы постояли, подумали и решили ехать домой — решение нужно было принимать все равно не сейчас.

— Знаешь, я насчет пальца, — сказала мама, останавливая машину на перекрестке в ожидании зеленого сигнала. — Я очень довольна.

— Довольна? — это слово я меньше всего ожидала услышать.

— Да, я довольна. Исчезла неопределенность. Теперь все ясно и понятно.

Я задумалась, прислушиваясь к своим ощущениям.

— Мам, а вот я почему-то не очень довольна, — начала было я, но остановилась.

Чего я хочу, все не так уж плохо в этой жизни. С пальцем все ясно, операцию сделаем, поездка удалась... Хорошее настроение постепенно возвращалось, и я откинулась на спинку сиденья, наслаждаясь движением хорошей машины.

Дачная
Мозаика

МАМИНА ДАЧА

37-й километр

Средневыборгского шоссе

— Как звали коня Александра Македонского?

Я осталась ночевать на даче, и утром мама огорошила меня неожиданным вопросом. Память почему-то выхватила из небытия «Баязет». Нет, Баязет — это конь Атоса, подумала я. Господи, Буцефал! Ну, конечно, Буцефал! Зачем ей это? Опять что-то придумала!

— Мама, его звали Буцефал... Сколько времени?

— Восемь.

— О, боже! — воскликнула я и рухнула обратно на постель.

— Хорошо, — мне почувствовалось в мамином голосе, что она удовлетворена ответом и мысленно поставила какую-то галочку в несуществующем реестре.

Следующим был Деня. По причине духоты и тесноты он ночевал в бане.

— Как звали коня Александра Невского? — услышал он вопрос.

Деня, который лег пару часов назад, был на удивление мил и приветлив.

— Мама, тебя, очевидно, интересует, как звали коня Александра Македонского, а не Невского. Так вот, его звали Буцефал, и я буду тебе чрезвычайно признателен, если ты немедленно закроешь дверь и дашь человеку спокойно поспать.

Такие эксперименты и внезапные набегі мама совершала, чтобы проверить, не закоснели ли ее дети в повседневной жизни, не утратили ли интерес к былому, достойны ли настоящего. Это происходило тогда, когда мы оказывались все трое в определенном пространстве, на даче например. Здесь ее великовозрастные чада отдыхали от привычно изматывающей жизни, чтобы потом опять погрузиться в «суету городов и потоки машин».

Мамина дача не старая — ей всего-то лет пятнадцать, не больше. Начиналось все с участка в двенадцать соток и деревянногодомиш-

ки, который был баней по своему истинному назначению. Время шло, годы непрерывного строительства тянулись один за другим, росли и дом и участок. Сейчас это уже тридцать соток и два довольно больших дома.

Первый дом, как мы его называем first house, теперь совсем уже не напоминает баню. В свое время к нему была пристроена веранда, сделан второй этаж, так что он превратился в солидный дом, а когда в прошлом году его обшили сайдингом, он и вовсе стал числиться в серьезных строениях. С ним связаны воспоминания!

Это была пора освоения нами целинных земель, когда весь участок заполняли деревья и кусты и казалось непонятным — откуда же здесь могут появиться дома и прочие постройки. По вырытым вдоль участков канавам бурно и тревожно бежала вода, и мы проложили через них шаткие мостки, по которым Тайгер — наш пес — очень боялся бегать. Подсмотрев у соседей технологию устройства более основательного моста, мы с Саней свалили пару берез и соорудили красивый белоснежный проход через водяной поток. Тайгер до того был рад, что первое время бегал по нему взад и вперед, как бы не веря своему счастью, что обрел наконец безопасный путь.

Это было время великих открытий и великих достижений. Одним из важнейших стала первая грядка, сооруженная мамой посреди участка. На ней росли странноватые цветы, ничем особенным не выделявшиеся, но главным было другое — они росли!

Маме не терпелось, и вместо того чтобы очистить весь участок от леса и, как положено, распланировать его, она насадила где попало что попало и поставила баньку-дом, который тут же начала обживать. Чаще всего она там бывала с Ленкой — моей дочерью и своей внучкой. Посадив в корзину Рыжего (замечательно красивого кота, которого любили все), прихватив с собой еды и воды, они отправлялись на дачу. Никаких машин тогда не было, поэтому ездили общественным транспортом. Все тогда были моложе, и это не казалось таким уж непреодолимым делом.

Готовили на костре. В доме была печка-буржуйка, но не эффективная. Для того чтобы согреть чайник с водой, требовалось много времени и дров. Куда лучше на костре! Мы соорудили из кирпичей жаровню, где одновременно могли готовиться и наша еда, и суп для Тельки — у мамы был ньюфаундленд.

Сначала главным там был лес. Он находился совсем рядом, через дорогу, и был удивительно грибным. Мы с Саней быстренько опре-

делили самые плодоносные места и сделали их своими. Они были на виду, прямо там, где проходила дорога в лес. Как только мы видели, что идут грибники — тут же садились на пенек и курили, беседуя, как два уставших путника, возвращающихся из леса. Люди проходили мимо, а мы, дождавшись, когда они уйдут, собирали огромное количество тех самых подберезовиков, что на толстой ноге и с темной шляпкой. Еще хорошее место было рядом с дотом, оставшимся после войны.

Вообще вся наша дачная местность — это сплошные окопы и воронки, а от одних соседей нас отделяет линия надолбов в три ряда. Мы с Деней любили вычислять, на какой стороне находится дача — на вражеской или на нашей, и по скатам надолбов (пологому и крутому) определяли, что, пожалуй, пребываем за границей. На территории садоводства находился дот, в который можно было войти.

Если у меня никогда и не было клаустрофобии, то здесь я чувствовала ее приближение. Несколько помещений, очень чистых, аккуратных, видно даже, где у них была кухня, и всего одно отверстие — амбразура. Если смотреть изнутри, то все выглядит иначе, а снаружи видно, что вся местность вокруг этой дыры изрыта следами от пуль. Такое прикосновение к войне произвело на меня сильнейшее впечатление, одно дело — фильмы и книги, а другое, когда ты своей рукой проводишь по вмятине, оставленной снарядом. Как же страшно было им, тем, кто сидел в этом каземате, никуда ведь не денешься!

Дотов было несколько, один глубоко в лесу — и там росло какое-то небывалое число грибов. Мы с Саней ходили подолгу, целыми днями. Однажды он прилег подремать в тени кустов, а я стала бродить вокруг — спать мне не хотелось. Мое внимание привлек какой-то предмет в высокой траве. Сначала я решила, что это проржавевшая банка из-под селедки — ее продавали тогда в таких дискообразных емкостях диаметром сантиметров тридцать. Подошла ближе, оказалось — это шляпка огромного подосиновика! Я походила вокруг и нашла еще штук семь таких же громадных грибов. Причем, что удивительно, они были абсолютно чистыми. Когда потом мы с Саней возвращались по шоссе, я несла в двух руках эти грибы, как два огромных букета (они ни в какие корзины не помещались), а машины останавливались, и люди, сидящие в них, даже фотографировали нас, а уж восхищению их предела не было.

Грибы росли и на участке. У нас там была такая местность, где буквально все представители грибного племени появлялись под берез-

ками в положенный им срок. Эти березы мы сохранили, несмотря на уверения соседей, что они все равно упадут — участок-то вокруг расчистили. Теперь это наша гордость. Еще маме захотелось, чтобы на даче непременно было много хвойных. Захотелось — значит, сделаем! Отовсюду — из леса, из заброшенных неухоженных участков — мы притаскивали юные сосенки и елочки и неутомимо сажали то вдоль надолбов, то просто рядом с домом. Природа, как будто поняв наши намерения, сама стала помогать нам в этом деле, и вскоре на земляных отвалах, образовавшихся при рытье канавы и называемых нами Гималаями, стали появляться одна за другой сосенки, причем с равными промежутками, словно их кто-то нарочно туда посадил.

Еще мы мечтали о дубе и клене. Березы, ели, сосны, дубы и клены — вот набор деревьев, казавшийся нам необходимым и достаточным. Как-то мама косила траву позади дома недалеко от надолбов.

— Лен, пойдика сюда.

В ее голосе были непонятный трепет и волнение. Она показала мне на тонюсенький росток, едва возвышавшийся над травой.

— Лен, это что? Это дуб?

Я потрогала свернутый в трубочку крохотный листочек, развернула, потом встала.

— Мама, это — дуб!

В моих словах была убежденность, гордость и — уже уважение к будущему могучему дереву. Мы постояли молча, осознавая важность момента.

Рядом с нашим сокровищем росла небольшая, уже начавшая превращаться в куст рябина. Это дерево не являлось для нас чем-то ценным — рябин, красивых и не очень, на участке было полно. Решив освободить нашему «раскидистому дубу», а именно так он стал называться с нынешнего момента, пространство для жизни, мы принялись выдергивать прутья. Вдруг мама показала рукой на что-то, находящееся позади меня.

— Лен, а это — что? Это тебе что — разве не клен?

И точно, в метре от дуба уже прорывалось из земли крохотное деревце, которое, судя по всему, собиралось стать кленом. Был проведен следственный эксперимент — сорван один листок и отнесен на соседний участок к большому красивому клену на предмет сравнения. Сомнений не было — у нас на участке теперь есть и дуб и клен!

Мы с мамой были новичками в аграрном деле, поэтому даже такие, казалось бы, небольшие радости составляли основу нашего су-

ществования. У каждой было свое занятие. Мама косит траву при помощи всевозможных приспособлений. У нее даже есть такое, которое само по полю бежит — успевай только направлять его. И еще в мамином ведении — цветы. Всевозможных тонов и оттенков, однолетники, многолетники... Даже я с годами научилась отличать аквилегию от астильбы. Мне нравилось, что мама возится с цветами, — от этого участок всегда имел нарядный вид.

В мои же добровольные обязанности входило выращивание ранней редиски и всяческой травы — укропа, там, петрушки... В общем, чего-то такого, что можно было добавить к столу в качестве витамина, выращенного своими руками. Имелся, правда, и опыт получения урожая помидоров с огурцами. Я решила проверить — смогу ли я, человек, далекий от вскапывания грядок и прополки сорняков, достичь хоть каких-то результатов?

С ранней весны я начала выращивать рассаду. Устроила на кухне сплошной огород, заняла все поверхности, и теперь питаться всем приходилось в комнатах. Но это же неважно! Важно, как каждый день увеличиваются мои растения, превращаясь в помидорные деревца. Я любила подолгу сидеть и смотреть, как на кухне у меня зарождается и расцветает жизнь. Наступило лето, и я высадила их на грядки. Походила-походила, подумала-подумала — и соорудила вокруг своих помидоров теплицу. Нормальные люди, конечно, с нее начинают, но мне это в голову не пришло. Мама, окончившая Московский авиационный институт и поэтому разбирающаяся в надежности сооружаемых конструкций, сказала мне, видя мои творческие изыскания: «Лена, не забывай про ребра жесткости». Поэтому из простого ограждения вырос маленький домик — настоящая тепличка. Если смотреть издали — так очень даже ничего.

Для огурчиков была куплена теплица с пластмассовыми дугами, маленькая, но другой и не надо было.

Овощи удались, особенно если учесть, что наша питерская погода капризна и непредсказуема, вернее, наоборот — предсказуема. Мы с мамой ели на обед свои овощи как завзятые дачники-огородники. Ну что же, первый этап пройден мной успешно, но ведь это еще не все. Дальнейшая судьба всякого овоща, если его сразу не съесть, — консервы.

Я задалась вопросом, а смогу ли я законсервировать свой урожай, и если да, то тогда полный цикл мне подвластен. Тут же была куплена масса книг с рецептами, и после долгих раздумий я выбрала один — простой и незатейливый.

На даче было организовано производство по консервированию, результатом которого явились две закатанные банки с овощами ас-сорт. Ну, хорошо, сделать-то я сделала, а пробовать когда? Конечно, завтра! Не ждать же зимы, дикость какая! И вот на следующий день, наварив своей картошки, мы осуществили торжественное открывание банки. Оказалось очень вкусно. Я опять загордилась, почувствовав себя настоящим агрономом и кулинаром. Что же дальше? Может, я стала знаменитым на всю деревню выращивателем овощей? Ничуть! А может, кто-то до сих пор наслаждается моими заготовками? Ни в коем случае! Постигнув однажды тайну всего этого, я тут же к ней охладела, и уж больше никто и никогда не слышал от меня ни про огурцы, ни про помидоры. Специфика характера, что поделаешь! А теплицу я сломала на дрова.

Единственное, что сохранилось в моих взаимоотношениях с овощами, — это посадка картошки. Сказано серьезно: «посадка картошки», а на деле это было двадцать-тридцать, а однажды даже семьдесят (!) картофелин, которые я отправляла в землю и потом терпеливо ждала урожая. Год, когда из одной картофелины получалось пять, считался у нас необыкновенно плодородным, а так обычно — штуки три-четыре, не более. Но мы все равно очень гордились своим урожаем и, когда приходил срок, варили ее с укропчиком (тоже своим). Сидя на веранде, ели, приговаривая, что такой необыкновенно вкусной картошки еще не едали.

Спустя некоторое время после опытов с огурцами-помидорами новое увлечение захватило меня полностью — я решила заняться обрезкой плодовых деревьев и кустов. Соответствующая литература была досконально изучена, и теперь ежегодно я ювелирно подстригала сливы, смородину и крыжовник.

Однажды я полдня возилась с неподатливыми сливовыми деревцами. Некоторые из них норовили расти как-то вкривь и вкось, и придать им красивую форму было нелегко. Эти деревья мы выращивали лет пять-шесть, пока добились от них урожая. Мама, как обычно, была на покосе (пространства-то большие) и наблюдала за моей работой.

Наконец все было закончено, мне удалось сделать сливы красивыми и ухоженными, и я позвала маму, чтобы предъявить ей работу. Мама одобрила сделанное, сказав, что теперь участок приобрел еще более цивилизный вид. Мы постояли немного в раздумьи. Вдруг мама повернулась ко мне.

— Лен, а зачем нам вообще-то столько слив?

Вопрос застал меня врасплох, но странным не показался.

— А действительно, зачем? Мы из них все равно ничего не варим, а вот если убрать штуки три, то просторнее станет для яблонь.

— Блестящая идея! Так что — выкапываем?

— Конечно, — радостно ответила я, уже захваченная новой мыслью о просторах, которые откроются взору.

Наметив, какие конкретно деревья надо убрать, я взялась за лопату, а мама стала косить дальше сильно выросшую траву.

Выкопанные деревья я носила на костер, проходя мимо участка, где меня в конце концов остановила соседка.

— Здравствуй, Лена! А это ты что — сливы выкапываешь?

— Да, решили немного сад разрядить, а то густовато деревья стоят.

— Лен, а это те сливы, которые ты сейчас обрезала?

— Ну да...

— А-а, — протянула соседка, но от комментария воздержалась. Спросила только: — А не жалко?

Ей было непонятно — как можно весь день подстригать деревья, стараясь придать им изысканную форму, а потом взять — и выкопать все напрочь! Да просто появилась идея, и идея эта потребовала немедленного воплощения. Когда я закончила, мы с мамой оценили вновь созданную красоту и поздравили друг друга с правильно принятым решением.

Вообще подход к выращиванию растений носил зачастую радикальный характер — что-то безжалостно выбрасывалось, но что-то по непонятным причинам кропотливо обихаживалось и береглось. Если весной какое-то растение вызывало сомнение, то оно выкапывалось из земли на предмет обнаружения в нем признаков жизни.

— Лен, иди, погляди, у него корни живые? — мама протягивала мне подозрительный росток.

Я внимательно, сняв очки, потому что с близкого расстояния без них вижу лучше, как в увеличительное стекло, рассматривала то, что мне предложили. Если в этом растении теплилась жизнь — оно бережно закапывалось обратно, а если нет — мы говорили, что фаталлисты, и пусть так и будет, раз природа сама распорядилась — кому жить, а кому — нет. Так однажды случилось с лилиями.

Мама посадила сколько-то штук еще прошлой осенью, а весной ходила, смотрела — нет лилий, взяла да и перекопала грядку, подготовив ее для посадки другого, более благодарного растения. На какое-то время земля эта осталась без внимания, а через недельку я обнару-

жила, что лилии не только благополучно взошли, но желают расти и дальше и именно на этом месте. Мама сказала: «Ну, не знаю...» — и лилии с тех пор стали моими. Это практически единственный цвет-ток в саду, к которому у имею отношение.

Растительная жизнь, однако, на даче — не главное. Есть еще одна радость, без которой вроде бы и нет смысла туда ездить, — это баня.

Когда мама начала ее строить, мы все ходили с Саней и разглядывали фундамент с большим сомнением. Что это за миниатюрное сооружение! Но мама объяснила, что маленькую баньку легче протопить, она и должна быть такой, что называется, «на две попы». Когда же она была построена — ее полюбили все.

Печь в бане, как и в доме, была кирпичная, настоящая, сложенная нашим местным умельцем Родионом. Бак, каменка, полки — все, как полагается. Воду брали из колодца, который недавно вырыли. С вениками проблемы тоже не было — кругом одни березы-красавицы.

Баньку надо принять не всуе, не просто так, ей надо посвятить день. Сперва протопить — занятие нетрудное, тем более в предвкушении удовольствия. Веники уже приготовлены, вода — горячая и холодная — в избытке. Начинается первый заход.

Сидишь на полке, а в руках у тебя березовый веник, и ты погружаешь в него лицо и вдыхаешь глубоко-глубоко, чтобы все какие-то фитонциды в тебя попали. А когда жар нестерпимым становится — в предбанник, остывать, беседу неторопливо вести. Потом — снова в парильную, теперь уже с веничком, обмахивая себя горячим паром.

— А не поддать ли еще?

— А отчего же не поддать — можно!

И снова — предбанник, а потом опять — парная. Господи, счастье-то какое!

Потом, когда помытый, весь в чистом, идешь по траве к дому — уж и не знаешь, бывает ли лучше кому на земле или ты один такой необыкновенный и тебе одному ведома радость бытия. Да, баня — это вещь, без нее и дача — дело пустое, какие-то грядки-посадки. С баней отдых полноценным становится, и ты ощущаешь свою принадлежность к корням, истокам.

Есть еще один момент, который я очень люблю, и он бывает только на даче. Летом, где-то часов около одиннадцати, с природой что-то происходит, она замирает как будто. Даже если был ветер — он стихает, а соловей, живущий у нас на рябине, тоже прекращает свое

пение. Природа как будто делает вдох — и все в мире на какое-то время останавливается и ждет. Это длится несколько минут, но вот снова — дуновение ветерка, соловей опять выводит свою необыкновенную трель... Что это — я не знаю. Но в эти моменты чувство какого-то молчаливого восторга охватывает меня, и я ощущаю свою причастность к таинству, к природе, к чему-то большому.

В эти моменты мама любит повторять: «Как упоительны в России вечера». Лучше и не скажешь...

Вот пока и все, что я хотела поведать о маминой даче, но этот рассказ никогда не будет закончен, потому что жизнь продолжается, дача стоит, бани у нас теперь уже две (из первой мама сейчас делает домик для гостей). Теперь на нашем участке появились новые жители — внуки, которые, конечно же, придадут даче новый вид, форму и размер, и будет она другой. А какой — я, конечно, расскажу.

ЮРКИНА ДАЧА

106-й километр,

4-й километр

Юрка посмотрел на свою маму, потом на меня. Чувствовалось, что он хочет задать какой-то вопрос, но не решается. Мы сидели во времянке на их участке и пили чай, удивительно черный, как всегда бывает, когда используется сильно известковая вода. За стеной хлопотали куры, на печи-буржуйке стояла огромная кастрюля с варевом для них. Я не могла отвести от кастрюли взгляда и в то же время боялась смотреть на нее, потому что из нее торчали черные птичьи ноги.

Тетя Тая, Юркина мама, подобрала вороненка, который выпал из гнезда и разбился насмерть, и, недолго думая, сунула его в готовившуюся кашу. День для меня был испорчен. Во-первых, я заподозрила глупых кур в каннибализме, а во-вторых, изменила свое отношение к тете Тае. Пить чай уже не хотелось.

Наконец, Юрка решил.

— Лен, как ты относишься к мышам?

В свете последних событий я некоторое время медлила с ответом. А вдруг он повлечет за собой какие-нибудь последствия?

— По-разному, — осторожно ответила я, надеясь, что в разговоре мне удастся вывести у него истинный смысл вопроса.

— Просто, знаешь, у нас над головой как бы два потолка, один над другим, так вот, в просвете между ними мыши-то и живут.

В это время я услышала над головой шорох, там что-то происходило, проживалась какая-то своя, отличная от нашей, жизнь. Теперь я уже не шевелилась, прислушиваясь. Вскоре мне удалось различить по звуку, как десятки маленьких ножек, царапая обшивку, перебегают с одного угла крыши на другой.

Замечательно, просто супер, приехала отдохнуть на выходные, посмотреть, как варятся вороны и послушать мышей! Скорее из этого дома! На воздух!

Далеко уйти не удалось — участок был крохотный, шесть соток. Почти все пространство занимал огромный сруб. Непонятно было, зачем им такой домище, если их всего двое. Даже если мы с Юркой поженимся — все равно дом был рассчитан человек на двадцать. Громадный, сделанный из вековых бревен, он черной махиной высился над всем пространством садоводства.

Они приобрели этот сруб, а теперь Юрка делал из него дом. Видя, с какой скоростью он работает, я поняла, что эта песня на десятилетия. Ну что ж, должно быть у человека хобби. Я вызвалась красить теплицу.

Вокруг меня бегали куры, сопровождаемые злобным петухом, которого я тут же окрестила — Петручио, сын Антонио. Его главной задачей было обойти меня с тыла и клюнуть в пятую точку. Он подкрадывался сзади, но я успевала повернуться, чем ставила его в тупик. Тогда он обходил дом (!), чтобы опять оказаться у меня за спиной, но тут его ждало разочарование — я опять оказывалась к нему лицом. Глядя на бедного Петручио с его неутомимыми попытками застать меня врасплох, я думала, что куры — действительно дуры. Была, правда, одна...

Я звала ее «интеллигентка». Когда я пропалывала какую-нибудь мелкую траву — например, только что взошедший укроп, она стояла рядом и ждала. Если в земле оказывался червячок, то я убирала руки, и это был для нее сигнал. Она подходила, медленно и как бы совсем не за этим, боком глядела на грядку и неторопливо клевала. Потом отходила в сторонку, чтобы предоставить мне возможность снова откопать для нее червяка. Это было некое действие, ритуал, и мы хорошо проводили вместе время.

Другая курица — «хулиганка» — была предметом вечных забот Петручио. Когда надо было их отправить в загон после гуляния по участку, на нее нападала паника, она начинала носиться по всем участкам, а бедный петух бегал за ней в безуспешной попытке настигнуть беглянку.

Остальные куры были неинтересны, скучны и глупы.

Дача была не единственной, у Юркиного отчима Петровича имелась своя на четвертом километре за Мгой. Петрович ненавидел меня, он хотел свою непутевую дочку выдать замуж за Юрку, поэтому всячески препятствовал нашему союзу, и путь на его дачу был для меня закрыт. Нам это, однако, не мешало, мы точно знали, когда он в отъезде, и жили в его доме, который был старый, обустроенный, не то что Юркина временка с мышами.

Так продолжалось некоторое время, пока не грянул гром.

Петрович решил разобрать нижний этаж дома, обновить фундамент, что ли, и наткнулся на две канистры с вином. Детальный подсчет показал, что им уже по пятнадцать лет, зарыты они были в землю еще во времена его первой жены, о них попросту забыли. Вино было двух сортов — яблочное и земляничное, и я уж и не знаю, какое из них было лучше. Необыкновенно красивого цвета, вкуснейшее, с очень быстрым и легким эффектом, оно пришлось как нельзя кстати. Достаточно было спуститься в погреб, зачерпнуть половником винца в кастрюльку и наверх, кутить и веселиться!

В один из таких дней мы с Юркой, намывшись в бане и продегустировав несколько порций вина, мирно спали на втором этаже. Была зима, день, светило яркое солнце, и ничто не предвещало беды. Вдруг в проеме двери показалась тетя Тая. Оказывается, они с Петровичем решили приехать на дачу. Что делать? Меня здесь быть не должно ни при каких обстоятельствах.

— Выходи в сени, — быстро сказала тетя Тая. Она была за меня.

На лестнице уже слышались шаги Петровича. Я, в чем спала, выбежала в холодное помещение, где были свалены какие-то старые вещи. Это был не то чердак, не то чулан. Главный минус в нем — он не отапливался. Носильные вещи мои Юрка закинул под кровать, чтобы Петрович не заметил.

Я села на пыльный деревянный ящик и стала думать — чего же я жду, замерзну ведь. Мои невеселые размышления прервала тетя Тая. Она принесла какую-то шкуру и накрыла меня ею. Это было очень кстати, потому что на мне были только футболка и трусы.

— Сиди здесь, я что-нибудь придумаю, — шепотом сказала мне она и ушла в комнату, где Петрович уже что-то ел и смотрел телевизор.

Сколько сидеть? И куда потом деваться, ведь они приехали на два дня?

Вдруг — опять шаги, и в руках моих оказывается что-то очень горячее. Котелок с куриной едой!

— Держи, он тебя согреет. Сиди пока здесь, сейчас Петрович уснет, и я тебя выведу. Поедешь на нашу дачу, там как раз котов пора кормить.

У Юрки с мамой были два представителя кошачьих — Катька и Мишка, которые почти круглый год жили на даче, и мы раз в неделю ездили туда и привозили им еду.

Я сидела, накрытая шкурой, обнимая горячий котелок с кашей, и слушала телевизор. День был выходной, поэтому шел детский фильм,

который Петрович с удовольствием смотрел, изредка комментируя происходящее. Я не знаю, что это была за сказка, но примерно через полчаса просмотра кто-то там сказал, что первое желание выполнено. Подозревая, что желаний будет как минимум три, я подумала, что умру, наверное, в этом жутком месте, ожидая их исполнения.

По прошествии многих лет я все пытаюсь понять — что заставило меня сидеть на этом чердаке в обнимку с котелком несколько часов? Я, конечно, знаю ответ — мне не хотелось подводить Юрку и тетю Таю, но все равно мне как-то не по себе. Бесхарактерная я, что ли? Ну, увидел бы меня Петрович, ну, уехала бы я... А так — все какие-то игры, какие-то тайны!

Ну, ладно, что же дальше? Дальше Петрович, как и предполагалось, уснул, мне отдали вещи, я оделась и отправилась на Юркину дачу к котам.

Тем временем спускался вечер, быстро превращаясь в ночь. Когда я вышла на станции 106-й километр, я там оказалась одна, кругом черной стеной стоял лес. Вот тут-то я и задумалась — а как же быть? Дело в том, что Юркино садоводство находилось по ту сторону леса, нужно было пройти три километра по практически непроходимой чаще, где была проложена лишь узкая тропа, невидная в этой кромешной тьме. Можно было, конечно, вернуться в город, но у меня было важное дело — накормить котов, на меня рассчитывали, мне доверили их жизни, и я не могла так с ними поступить.

Электричка уехала, на меня обрушилась темнота. На платформе не было ни огонька, и я практически на ощупь отправилась прямоком в лес. Хорошо, что была луна — узенькая тропка, покрытая снегом, было еле видна, но все же различима в темноте. Я пошла было по ней, но вдруг почувствовала, что каждый шаг дается мне с трудом, ноги тяжелеют. Остановилась, стала думать.

В этом лесу водились кабаны, а в пятидесяти километрах находилась зона, откуда время от времени кто-нибудь сбегал. Перспектива встретиться хоть с кем-то из них казалась немислимой. Медленно-медленно начал подползать страх. Никакие разумные доводы не помогали, он проникал в меня, завоеывая все большее пространство, и казалось, что сейчас завладеет полностью. Нет, этого нельзя допустить! Подойдем к вопросу логическим путем. Если я буду идти и громко шуметь, то звери испугаются и убегут, ведь я же читала, что они сами людей боятся. И вот с радостной громкой песней я зашагала по тропе.

Мой голос звучал дико и странно в этом пустынном месте, но я шла и пела, стараясь обмануть страх. Вдруг внезапная мысль пронзила мозг — а что если мое пение, наоборот, вызовет любопытство и интерес у представителей местной фауны, и они выйдут посмотреть на источник звуков. И потом со мной было огромное количество вареной (еще теплой!) рыбы, запах которой, разумеется, привлекателен для зверей.

Пока я обдумывала все это, голос мой становился тише и тише, и в результате я крадучись, почти беззвучно, стала продвигаться дальше. Из-за того что я перестала петь, все звуки леса стали явственнее, и воображение рисовало то огромного злого кабана, то благородного лося, прекрасного, но тоже недружественного в этот ночной час.

Наконец я вышла на открытое пространство, луна ярко освещала садоводство, и мне уже не было страшно. Теперь я знала, что смогу преодолеть и страх и ужас, я была очень довольна, потому что выдержала испытание. Садоводство казалось пустынным, оно простиралось на несколько километров, но я знала, что где-то живет сторож с собаками. Как же мне повезло, что собаки эти были заняты чем-то или кем-то другим! При моей панической боязни, если бы это чудовище оказалось рядом — не знаю, что бы со мной случилось. А эти зверюги бегали, где хотели, я потом видела следы на снегу — ну точно собака Баскервильей!

Так началась моя жизнь на этой даче, странная, нелепая даже, но домашний конфликт был в апогее, и туда ехать не хотелось. Распорядок дня у меня сложился сам собой. Начать следует с вечера.

Нужно сильно-сильно натопить времянку, потому что сделана она была из фанеры и остывала моментально. Для этого надо сходить за дровами. Я надевала старые кожаные перчатки и шла за дом, где была поленница. Перчатки были для того, чтобы не укусила крыса, они там жили в дровах, им, наверное, так теплее было. Поленьев нужно принести столько, чтобы хватило на вечер, но осталось и на утро, когда станет холодно и на улицу не выйдешь.

Сигналом к тому, что топить буржуйку уже не надо служили раскалинные почти докрасна металлические детали кровати. Еще хорошим ориентиром была Катька. У нее только что появились котята, и когда в комнате становилось слишком жарко, она по одному спускала их под диван, где было прохладно. Там постоянно обитал Мишка, он время от времени ловил мышь и укладывал ее у порога, демонстрируя свою доблесть в охоте.

Нагнав во времянку тепла, я гасила свечу... Нет, об этом особо.

Никакого электричества, конечно, не было, также не было ни свечей, ни денег. Однажды я съездила в город и купила свечечки, которые втыкают в торт. Их было ровно пятьдесят штук, и мне удалось прожить с ними неделю, экономя каждую минуту. Я точно знала, что если времянка не перетоплена, то свеча горит ровно девять минут. Все дело портила зима, а с ней — ранняя темнота, поэтому свечка была важнейшим атрибутом жизни.

Из еды у меня были только тыквы, чай и сгущенное молоко. В тот день, когда я привезла свечки, я купила в городе пару пирожных — эклер и буше. Вечером у меня был пир! Нормальный человек на последние деньги хлеба купил бы, но это — нормальный человек, не я. Мне необходим был этот элемент цивилизации, когда я живу тут без света и тепла, нужна была связь с миром, где есть пирожные, кафе и другая прекрасная жизнь.

Итак, я гасила свечу и забиралась в постель. В комнате было очень жарко, но я знала, что это ненадолго, поэтому в постели со мной находились свитер и рейтузы. Они помогут мне, когда утром надо будет встать и топить печь. Еще в кровати со мной был приемник VEF и плоскогубцы — два постоянных участника моих ночных бдений. Не знаю, что бы я делала без этой связи с миром! К счастью, батареек в доме хватало, поэтому новостями и музыкой я была обеспечена. Плоскогубцы нужны были для крыс и мышей.

Мыши жили наверху. Они постоянно шумели там, суетились, и иногда я видела их. Плиты на потолке не были точно подогнаны друг к другу, оставались небольшие просветы, в которых виднелась тень, когда какая-нибудь мышка пробежала мимо щели. Со временем это перестало смущать меня, мы мирно сосуществовали (если не считать, конечно, что Мишка пару штук в день душил), но иногда у них случались «санитарные дни» — к ним приходили крысы. Тогда там гремели какие-то битвы с визгом и писком, а тени в просветах были огромны, чувствовалось, что там прошел кто-то размером с кошку. Даже Мишка с Катькой с испугом следили за всем этим, что уж говорить обо мне! В эти моменты и могли пригодиться плоскогубцы. Если ими как следует стукнуть по стене, то наверху минут на пять воцарялась тишина и можно было попытаться уснуть.

В доме было много журналов. Большинство из них про цветы и овощи, но встречались и художественные. Так что, имея печатное

слово и радиостанцию «Маяк», я могла существовать там довольно длительное время, а крысы... Да бог с ними, с крысами, не съели же!

Однажды было страшно. В самом начале, еще не отрегулировав количество необходимых поленьев, я натопила так, что из трубы вырывалось почти что пламя, которое было видно в темноте на много километров. В шесть утра меня разбудил странный шум — распахнулась дверь, и на пороге оказались пятеро мужиков в тулупах, вооруженных ломом, топорами и лопатами. Я решила, что это точно — смерть моя пришла. Я смотрела на них, не в силах отвести взгляда, только молча и очень медленно стала подниматься с кровати. Они смотрели на меня. Это продолжалось некоторое время.

— Ты кто? — хриплым голосом спросил один из них и страшно стукнул ломом об пол.

— Я тут котом кормлю, — ответила я, чувствуя, что более идиотскую причину моего пребывания здесь трудно придумать.

Они постояли, обдумывая мои слова.

— Тут один из зоны вчера сбежал, не видала?

— Нет, я из дома-то не выхожу. Я тут сижу, я с котами.

Почему-то мне казалось, что если я объясню им, что занимаюсь мирным делом, полезным, они перестанут подозревать меня в преступлениях.

Мужики потоптались еще в дверях, обсудили перспективы поимки беглеца, посмотрели на котят — и ушли. Странно, но мне стало легче — теперь о том, что я здесь живу, знают люди и не дадут мне в случае чего пропасть. Но с той поры я стала запираеть дверь.

Так прошла неделя, потянулась вторая. Наконец приехал Юрка и забрал меня оттуда. Дачная эпопея, однако, на этом не закончилась, было еще продолжение, даже в какой-то мере драматическое.

Тогда я работала в детском саду, и отпроситься на выходные вместе с пятницей было нелегко. Скрепя сердце Нана Михайловна отпустила меня, поставив условие, что в понедельник, ровно в семь утра, я буду на работе. Конечно-конечно, только отпустите! И вот мы с Юркой оказались опять на даче Петровича, опять была зима и вино. Все повторилось как в прошлый раз. Мы с Юркой намылись в бане, напились вина и уснули, наступила ночь с воскресенья на понедельник. Предполагалось, что мы встанем часов в пять, и я успею на работу, как полагается. На улице было очень холодно, и маленькая печурка не давала достаточно тепла, поэтому мы поставили еще и обогреватель с открытой спиралью.

Проснулись мы оттого, что горело одеяло, освещая все вокруг, как днем. Коты невероятным каким-то усилием умудрились открыть дверь и высочили наружу. Мы схватили одеяло, побежали на улицу и бросили его на землю, одновременно посыпая снегом. Это было удивительное зрелище, необыкновенной красоты! Посреди участка мерцал тысячами огоньков прямоугольник, и если не знать, что под снегом находится горящее одеяло, то все это казалось чудом.

Мы всем этим любовались довольно долго, не зная, что наверху медленно тлели мои единственные брюки, которые нам удалось спасти, когда они догорели до колена. Что ж, получились бриджи с обуглившимся краем, но ничего, под пальто не видно. Пока мы наводили порядок и тушили мелкие очажки огня, стало ясно, что на электричку я опоздала, поэтому, поехав на более поздней, я решила идти в детский сад, не заходя домой, неся на себе, так сказать, доказательство пожара.

Когда я стояла, то рваный обгорелый край брюк не был виден, я была как обычный человек. Но когда села в электричке, пальто распахнулось, и людям напротив меня открылось печальное зрелище. Вообще весь вагон пришел в смятение и стал принюхиваться, поскольку от меня шел сильнейший запах горелой одежды, а это всегда вызывает у людей смутное предчувствие беды — все боятся пожара.

Оказавшись перед кабинетом заведующей, я некоторое время постояла, собираясь с силами и готовясь к хорошей взбучке. Потом она рассказывала, что в дверь вместе с облаком дыма вошла Елена и сказала: «Все, Нана Михайловна, дача сгорела!» При этом я продемонстрировала остатки брюк, которые, казалось, еще дымились. Заведующая посмотрела на меня и начала хохотать. В общем, все обошлось, набежали воспитатели, и мы долго смеялись над всем этим. Оно и понятно почему — всегда здорово, когда беда была совсем рядом и прошла, оставив после себя лишь сгоревшие брюки и одеяло, которое еще пару дней медленно тлело под снегом.

ДЕТСКИЙ САД И ДАЧА

Сиверская

— Федотик, дорогой мой, ну скажи мне, какие у тебя были тапки?

Я — нянечка в детском саду, который выехал на лето в Сиверскую. Федотик — сын нашего завхоза Ольги Федотовой, который вместе со старшим братом приписан к подготовительной группе, где я работаю. Мы сидим с ним на полу в прихожей, а перед нами разбросаны десятки тапок, босоножек, ботинок и прочей детской обуви. Мы ищем тапки Федотика. Ему всего четыре года, и вопрос мой ставит его в тупик.

— Ну скажи, какие они были, какого цвета?

На серьезном личике отразился весь многотрудный мыслительный процесс. Наконец, собрав все свои знания, которые обрел к четырем годам, он, почему-то вдруг заплакав, проговорил сквозь льющиеся потоками слезы:

— Квадратные...

Сначала я работала в младшей группе. На даче была коттеджная система, стояли несколько домов, где на первом этаже жили дети, а на втором — персонал. Работать няней оказалось очень привлекательным делом — сутки через трое, а то можно было так договориться, что ты работал сутки через сутки, а потом — пять выходных. Эту систему придумала я, и она стала очень популярной — можно было почти на неделю уехать домой.

С малышкой трех лет от роду работать просто, у них главное — гигиена, насчет интеллекта — пока еще не так отчетливо, и они более послушны, не то что будущие школьники, которые уже критически смотрят на мир. Поэтому я решила заняться художествами.

Мне дали набор масляных профессиональных красок, и я целые дни проводила в группе, разрисовывая стены сценками из мультфильмов. При входе в группу вас встречал кот Леопольд, в столо-

вой — целая компания бременских музыкантов, а по всем стенам летали бабочки.

Бабочки летали неспроста — ведь я уже чувствовала, что влюбляюсь в Саню, поэтому весь мир для меня был окрашен в радужные тона. Часто мы подолгу сидели в группе, когда дети уже уснули, разговаривали. Оказалось, что он много читал, а чувство юмора у него было необычное, именно такое, какое нравилось мне — с подтекстами, где нужно было брать вторую производную.

Саня подарил мне плеер с маленькими наушничками, тем самым предложив весь мир музыки, что называется, на ладони. Аппарат тогда был диковинкой, элементом некоего престижа, и я, гордая таким подарком, что называется, «зажигала» на полную катушку. А процесс укладывания детей спать стал невероятно простым и легким.

— Так, — говорила я, обводя спальню строгим взглядом. — Еще немного и начинаю репрессии.

Слово было незнакомым, и малыши считали за благо лежать тихонечко. Вскоре они засыпали, не ведая, что эти штучки у меня в ушах — наушники, и мне было абсолютно не слышно — есть хоть какой-то шум в группе или нет.

Роман с Саней бурно расцветал, и оба чувствовали, что недалек тот день, когда свершится главное. Как раз в этот момент развития наших отношений мне подселили соседку. До сей поры я безмятежно жила в собственной комнате прямо над группой и не ведала неудобств совместного проживания. А тут — девчонка, показавшаяся мне совсем противной, потому что нарушала уже очевидные для всех планы, потому что весь персонал уже интересовался нашими отношениями, и все ждали, когда же мы выйдем из тени. Большинство было уверено, что мы давно живем чуть ли не семьей, просто умело это скрываем. На самом деле все обстояло совсем не так. Саня был молод и робок, а я, несмотря на шестилетнюю дочь, все никак не могла решиться, да и вообще не знала, нужно ли мне все это. В то же время Саня мне сильно нравился, поэтому соседки в моей комнате не должно было быть. Я поделилась с ним своими огорчениями.

— Только и всего? Да мы ее быстро выселим.

— Как?

— Ты видела, у ребят в подготовительной группе есть хомяк?

— Да.

Я недоумевала — при чем здесь хомяк...

Вечером мы сидели с моей новоявленной соседкой в комнате и пили чай. Разговор не клеился, и я была рада, когда, наконец, пришел Саня. Пусть она видит, что у меня есть кавалер, пусть знает, что мешает мне! Мы посидели немного, потом Саня встал и направился к буфету.

— Что это у вас тут?— воскликнул он, открыл дверку, чем-то пошуровал там, что-то доставая.

— Где?

— Да в буфете... Ой, смотрите, мыш! — повернулся и сунул соседке хомяка прямо в нос.

Со страшным криком она вылетела из комнаты, а я, хохоча, разглядывала беднягу хомячка, которого Саня держал за шкуру, рыжего, толстенького, с упитанным круглым брюшком, так непохожего на мыш.

Как ни странно, но это сработало. На следующий день, рассказав всему детсаду, что у меня в комнате полно мышей, крыс и еще не знаю кого, соседка с шумом и пафосом съехала. Что и требовалось получить.

Потом я перешла в подготовительную группу. Это было гораздо интереснее. Еще в начале смены я видела, как Наталья, которая была у них воспитателем, проводила первое собрание, что называется.

— Значит так, дети. Мы сейчас с вами находимся на территории нашей группы. Существуют такие очень плохие дети, которые лазают по корням сосен, льют воду из шланга, залезают на забор и не слушают воспитателей... Да, кстати, забыла спросить, среди вас есть плохие дети?

Ребята молчали в растерянности. Очень хотелось залезть на забор, но это была, оказывается, прерогатива каких-то плохих детей. Сказать, что ты тоже нехороший — разве это возможно! Поэтому приходилось признать, что ты — не плохой, и тем самым навсегда лишиться себя радости нарушения порядка.

Наталья продолжала.

— Нет? Значит, мы говорили о ком-то другом, вы все послушные и хорошие. Так и запомним.

Я любила смотреть, как она работает. Вот в этом случае, если бы она сказала просто, что нельзя, мол, лить воду, то это ничего бы не значило для ребят. А так — они сами приняли решение, сами выбрали свое поведение. Мне кажется, что это просто гениально.

Я тоже старалась что-нибудь придумать. Когда группа укладывалась спать на ночь, мне было известно, что утихомирить их будет

очень трудно, это тебе не малышки из младшей группы, поэтому мной был придуман ход, на мой взгляд — изящный.

— Сейчас мы будем спать, но я разрешаю вам десять минут похулиганить.

Я уходила, предоставив им полную свободу. Ребята потом очень полюбили эти минуты, когда можно было накричаться, напрыгаться и набегаться всласть. Когда я возвращалась в спальню, везде летали перья, а дети скакали по кроватям в неистовом веселье. Мое появление утихомиривало их, и они, еще возбужденные, ложились.

— Сегодня разрешается не спать, — говорила я неожиданные, неправдоподобные слова.

Это мое заявление вызывало тихий восторг, ощущение свободы и счастья, дети замирали, не веря своим ушам.

— Да-да, спать не будем, но есть одно условие — лежать с закрытыми глазами.

Господи, да какая ерунда, подумаешь, «с закрытыми глазами», ведь можно же не спать — это главное! Дети радостно соглашались на мое условие — и через пятнадцать минут сладким сном спала вся группа.

На следующий год мы с Саней поехали туда уже вместе, и нам выделили одну комнату на двоих. Теперь я уже не работала няней, а была кладовщиком, выдавала продукты для кухни и ведала их хранением. Саня стал моим персональным водителем, обеспечивающим доставку этих самых продуктов. Мы часто и подолгу ездили на его ГАЗ-52 в Питер. Неизменно в Гатчине нас останавливал гаишник и, как будто так и надо, забирал талоны на бензин. В то время они были почти валютой, милиционерам бензина давали очень мало, и еще ими можно было расплатиться за такси.

Однажды мы, уже нагруженные продуктами, посидев у мамы, попив там чайку, отправились в Сиверскую. Ничто не предвещало беды, мы уже подъезжали к светофору на углу Салова и Бухарестской, когда я заметила, что с Саней творится что-то не то.

— Лена, Лена, Лена, — монотонно повторял он и нажимал на педали.

— Саня, что? Что нужно делать, скажи, — я поняла, что произошла какая-то поломка и Саня не справляется с машиной.

В этот самый момент мы врзались в стоящий перед нами «двадцатитонник». Удар был такой силы, что крышку капота подняло, закрыв весь обзор, а машина, в которую мы попали, тронулась с места и наехала на «Жигули», перебив ему все задние фары.

Столкновение не было резким, внезапным, мне даже показалось, что все происходило как бы в замедленном темпе. Я тронула ручку двери и убедилась, что выйти невозможно — зеркало заднего вида согнулось и перекрыло выход. Да, плохо дело — на улице жара, а в кузове продукты — творог, сметана, виноград... Как их спасти? О машине я не думала, мне казалось, что сейчас мы просто опустим крышку капота и поедем дальше. Только почему-то не ехали, а вокруг стала собираться толпа. Я подумала, что это продлится долго, и прислонилась головой к стеклу двери, закрыв глаза. Вдруг услышала рядом с собой возбужденные голоса. Посмотрела — что такое.

— А, живая, — протянул кто-то разочарованно, и начавшаяся было собираться толпа быстренько рассосалась.

Забавно, я так картинно сидела с закрытыми глазами, что люди подумали — мертвец. Ей-богу, не хватало только струйки крови из уголка губ.

Я кое-как вылезла из машины — мне помог какой-то человек, он оторвал мешающее зеркало, и посмотрела на размер разрушения. Стало ясно, что это транспортное средство перестало быть таковым, все было всмятку, непонятно, как мы живы-то остались. То место, где, как я понимаю, у машины мотор, представляло собой сплошное месиво. В это время какой-то человек подошел и тронул ногой полуотвалившийся бампер.

— Ты, не смей трогать своими ногами мой бампер! — Саня набросился на него, готовый защищать свою машину.

Какой там бампер! «Морды» не было вообще. Ладно, надо что-то решать. Ясно, что у Саниной машины сломались тормоза, и он не виноват. «Двадцатитонник» не пострадал совсем, но нас беспокоили «Жигули». По счастливому стечению обстоятельств их владелец торопился сбежать с места происшествия и, взяв с нас какую-то ничтожную сумму, уехал на своей побитой машине.

Пока все это решалось и выяснялось, я нашла какую-то контору и позвонила в парк, чтобы за нами прислали кого-нибудь, чтобы оттащить отсюда.

Я вышла из конторы, была жара, в тени я увидела железный ящик, прикрепленный к стене, и прислонилась к нему, ища прохлады. Постояла немного, осмотрелась, вижу — на ящике буквы: «Не прислоняться! Высокое напряжение!»

Отлично, просто прекрасно! Наверное, сегодня не мой день. Там не убило — так тут, гляди, шибанет.

Когда нас потом тащили обратно в парк, я больше всего боялась, что мама выглянет в окно и увидит машину. Вид у нее был, как у тех, которые для устрашения стоят рядом с постами ГАИ. Я представила — всего пару часов назад пили чай, а тут — такое зрелище. Не всякий выдержит.

Надо было что-то делать с продуктами. Хорошо, что быстро нашли другую машину, и ребята шоферы помогли перегрузить ее. Мы вернулись на дачу поздно, в стрессовом состоянии, но никому ничего не сказали.

Кладовщиком работать несравненно легче, чем няней, но тоже сопряжено с трудностями. Постоянные проверки, нужно быть на чеку и во всеоружии. Дело-то происходило в советское время, так что закладку продуктов нужно было рассчитать так, чтобы остались довольны и дети и комиссия.

Рано утром, в пять, на кухню приходили повара и растапливали огромную дровяную печь. Уже тогда закладывалось мясо в котел, чтобы к двенадцати был готов обед. Варили кашу и кофе на чистейшем молоке, прямо как дома. У меня были хорошие отношения с базой, поэтому продукты у нас были в избытке и качественные.

Отходы забирала цыганка, удивительной красоты молодая женщина. Это было ей хорошим подспорьем для кормления поросят. Ее семья жила по соседству в большом дорогом доме. Нам рассказывали, как они его купили. Дом этот раньше принадлежал богатому человеку, какому-то начальнику, он жил себе в нем и горя не ведал. Пришли цыгане и попросили дом продать. Само собой, он не согласился.

— Вот что, дорогой, если дом не продашь — завтра он сгорит, и не получишь вообще ничего.

Что делать, начальник с домом расстался, но был не в накладе — цыгане цену хорошую дали.

Каждый день я могла наблюдать за жизнью этой семьи, и вскоре мне стал понятен их распорядок дня. Чуть свет красавица-цыганка уже на ногах, ухаживает за скотиной, возится с детьми, что-то копает в саду — и так до позднего вечера. Что же делает ее не менее красивый муж? Проснувшись часам к десяти, он садится в главной комнате дома, включает записи цыганских песен и смотрит в окно, как жена работает. Строго смотрит, потому что не дай бог...

В течение дня дом постепенно наполняется цыганами-мужчинами, они под звуки песен пьют, веселятся, а жена — в огороде. Насту-

пает поздний вечер, гости, наконец, расходятся, и хозяин дома выходит в сад. Дальше все зависит от настроения — он либо немного поколотит жену, либо просто прогуляется — и спать, чтобы завтра повторить все сначала. Я все смотрела на женщину, неужели ее устраивает такая жизнь? Более чем! Она другой и не знает, и когда наша красавица шла с полными ведрами к своему дому, я видела, что она вполне довольна жизнью, даже счастлива.

Цыгане интересный народ. Их особенно много осело в Вырице, где я тоже была на даче с детским садом, только много раньше.

Помню один случай. Я сидела на площадке с детьми, а от проселочной дороги нас отделяла рабица — прозрачная сетка. Вдруг там остановилась цыганка и стала со мной разговаривать. Меня раньше всегда возмущало, ну как люди могут отдавать последние деньги какой-то посторонней тетке, причем заведомо зная, что она применит различные уловки!

Я сидела и смотрела на нее. А она говорила! Никаких особенных слов как будто и не сказала, но мне показалось, что роднее и ближе на земле у меня никого нет и быть не может. Голос ее обволакивал, тембр его был мягок и нежен.

— Вы извините меня, пожалуйста, но у меня совсем нет с собой денег, — я услышала свой голос и поняла, что прошу у нее прощения за то, что оказалась так непредусмотрительно лишь в одном белом халате, без сумки.

— Ничего, милая, сходи, я подожду.

— Нет, не могу — дети.

Она постояла еще некоторое время, а потом с сожалением ушла. Тут с меня спал дурман и я с ужасом подумала — что же это было, гипноз? Я ведь никогда не поддаюсь на подобные штучки, а тут совершенно искренне сожалела, что не могу оставить детей и сбегать за кошельком. Потом я, разумеется, утратила все иллюзии, потому что цыганки постоянно норовили украсть детские вещи, и нам приходилось гонять их каждый день.

Детям на дачах хорошо. Вопреки всем подозрениям родителей они там и здоровья наберутся, и опыта социального общения. Для больших городов это особенно актуально. И никто там с ними ничего плохого не делает, и последнюю корку хлеба не отбирает. Вот Ленка моя, например, была в моей же подготовительной группе — так ей приходилось не сладко. Как же, мама ее здесь! Ничего подобного, я старалась, чтобы все у нее было на общих основаниях, никаких при-

вилегий, и если на других детей прикрикнуть было некому, то моя получала по полной схеме. Правда, Саня ее баловал — привозил из поселка мороженое, тогда в немилость впадали уже двое и надолго.

В Сиверской я провела два лета и полюбила это место. Река Оредж с очень быстрым течением стала моим тренажером. Там, где мы купались, через нее был переброшен огромный железнодорожный мост, по которому непрерывно проходили поезда. Так вот, я себе поставила задачу попасть непременно под этот мост наперекор сопротивляющемуся течению. Интересно было плыть, практически не продвигаясь вперед, приходилось прилагать невероятные усилия, и вот сантиметр за сантиметром я отвоевывала у реки и в результате оказывалась под мостом. Там в некоторых местах было мелко, и я стояла подолгу, отдыхая. Потом я эти занятия прекратила, меня посетила страшная мысль — ведь надо мной все время пробегают поезда, а туалетами в них пользуются регулярно. Представив себе ужасную картину во всех красках, я стала плавать в другую сторону — по течению.

У меня было много выходных, и мы все время проводили на пляже — чем не курорт? И на море ехать не надо! А по ночам ребята ходили с бреднем по реке.

На выходные к воспитательницам приезжали мужья, и вот они придумали себе такое занятие. Я ходила с ними, но только в качестве сухопутного зрителя. Зрелище это было завораживающее. Взявшись за края бредня, по пояс в воде они медленно шли, красивые, как тридцать три богатыря из «Сказки о царе Салтане». А я была на берегу и ждала их, сохраняя костер. Помню, как сидела на камне, смотрела на Саню и думала о том, как он хорош, и если он сейчас все не бросит, не подойдет и не поцелует меня — я обязательно умру. Но он шел, держа сеть в руках, занятый своим мужским делом, и не думал о таких пустяках.

Рыбы они вылавливали совсем немного, но им нравился сам процесс — ночь, костер, тайна, темная река — романтика!

Лето подходило к концу, и надо было возвращаться домой. Я боялась подумать о нас с Саней — а вдруг это только летний роман? Но все случилось так, как я хотела. Отношения наши с Саней пришли к логическому завершению — свадьбе, а из детсада я уволилась — Ленка в школу пошла.

ЛЕТНИЕ СНЫ

Дача в Лосево

Скажу сразу — я панически боюсь собак. Не просто как-то так боюсь, слегка, а основательно, до дрожи в ногах. Если на моем пути возникает собака, вызывающая сомнения (а это почти все поголовье), то я готова обойти квартал, чтобы с ней не встретиться. Размер и порода зверя значения не имеют. Это у меня очень давно — как себя помню. Я пыталась анализировать, откуда такая боязнь, и нашла одно лишь объяснение — в детстве мама грозилась отдать меня в случае неповиновения не бабе Яге, не Бармалею, а именно бешеным собакам.

Исключительно по этой причине, когда ее муж, ставший мне приемным отцом, снял дачу в Лосево на лето, и там оказалась некая собака, меня повезли с ней знакомиться. Я тогда училась в четвертом классе, у меня имелся двухлетний брат Денис, а у него — своя персональная бабушка — баба Катя. Она была матерью его отца, неприветливая строгая женщина, которая терпела меня по необходимости. Вот именно таким составом, втроем, нам и предстояло провести лето на какой-то неведомой даче, про которую я знала главное — там была собака.

Мы долго шли с отцом по проселочной дороге, мимо нас проплывали дачи, погруженные в пышную растительность, и, наконец, показался дом, опоясанный веселеньким зеленым забором, который выглядел, однако, странновато. Видно было, что все дощечки в нем кто-то долго и упорно грыз. Пока я раздумывала, отчего бы это, на двор выбежало чудовище и со страшным ревом стало бросаться на забор. Оно грызло его, пытаясь добраться до нас, и я в страхе отшатнулась, подумав, кто же здесь может жить и как этот кто-то вообще уцелел.

— Нам сюда, — сказа отец, подтвердив тем самым самые страшные мои предположения.

На крыльцо вышла очень толстая женщина и позвала собаку. Пес, став спокойным и добродушным, радостно побежал к ней. Только

теперь я смогла как следует рассмотреть этого зверя. Довольно крупный боксер белого цвета с рыжим круглым пятном на спине и рыжей же головой показался мне великаном. Особенно впечатляла его морда, огромная, с непрременной слюной на губах. Мне тогда было одиннадцать лет, и я была уверена, что это от бешенства.

Мы зашли в дом и стали пить чай. Шел какой-то разговор об условиях проживания, оплате и прочем, но я ничего этого не слышала, мысли мои были заняты другим — где-то под столом лежало и шумно дышало чудовище. Я слышала и даже ощущала только его. Вскоре наступила развязка. Зверюга почему-то прониклась ко мне теплотой и любовью, встала и доверчиво положила свою страшную слюнявую морду мне на колени. Это решило все. Со страшным криком я вылетела из комнаты, и уже никто не смог меня уговорить переступить ее порог. Так разговор закончился сам собой, но, несмотря на мое несогласие, они ударили по рукам, и отец за дачу заплатил.

С бабой Катей мне уже доводилось жить летом, правда, тогда без Деньки. Это было на даче в Шелково, даже не знаю, где это, Дениска тогда только родился, с ним остались родители, а нас отправили туда. Здесь я, доселе не видевшая никаких зверей кроме кошек и собак, впервые близко столкнулась с коровами, овцами, поросятами и прочей деревенской живностью.

Поросенка я боялась — за оградой ворочалось что-то огромное, грязное, дурно пахнущее, издающее какие-то неприличные звуки. Я все думала, что оно вырвется на волю и съест меня. Я боялась бы и всех остальных, но была поставлена в безвыходное положение — туалет находился в местности, где по ночам были коровы и овцы. Я шла в темноте по мосткам, коровы поднимали головы и смотрели на меня, медленно жуя, а овцы, сбившись в кучу, глядели в мою сторону, и глаза у них отливали сине-зеленым светом. Я шла мимо них, уговаривая себя, что это домашние животные, безобидные и ничего плохого они мне не сделают. Позже я привыкла и даже выгоняла коров на дорогу, где их забирал пастух, чтобы идти на пастбище.

Баба Катя тогда меня не напрягала, я была предоставлена самой себе, проводила почти все время на улице, где гуляла с Ленкой — хозяйской дочкой. Жизнь в то время казалась мне интересной, было много нового. Однажды я видела, как курице отрубили голову, и она бегала по двору. Ужас, который я испытала, передать невозможно, но сейчас я понимаю — это был полезный опыт. Еще я была поражена тем, что из банки, в которой кто-то плавает, все пьют какую-то

желтую жидкость и называют это грибом. Мне говорили, что этот кто-то живой, и я сильно подозревала, что желтенькая водичка — продукт его жизнедеятельности. Все лето я боялась это попробовать, потом решилась — и поняла, что ничего не потеряла, пусть себе пьют, что хотят.

Однажды я сильно отравилась. Мы с Ленкой пошли на колхозное поле, где рос горох, и наелись до отвала. Домой я еле вернулась — так сильно болел живот. Меня тошнило, казалось, что сейчас потеряю сознание. Что меня удивило — баба Катя не ругалась, а только уложила меня в постель и стала отпаивать горячим чаем. Это питье вызывало новые приступы тошноты, но она упорно продолжала поить меня, добиваясь того, чтобы организм полностью очистился. До сих пор считаю, что она спасла мне жизнь, хотя вкус грузинского чая первого сорта определяю с завязанными глазами, руками и не знаю чем еще. Он до того врезался мне в память, что я и сейчас не люблю чай, даже хороший.

Теперь мы жили в Лосево, на даче с собакой, а баба Катя изменилась до неузнаваемости, смыслом ее жизни стал маленький Денька, и все подчинялось только его интересам. Еще мне пришлось привыкать к ее образу жизни и питания. Утром мне полагались три блина и чашка какао. Никаких отступлений не допускалась — ни блинка тебе дополнительного, ни полчашечки напитка. А я-то расту, мне же есть хочется! Но это никого не волновало, и тогда я бежала в сад и жадно ела соседскую смородину с веток, которые перегнулись на наш участок и являлись в моем представлении уже нашими. Хозяйские фрукты-овощи запрещалось трогать категорически.

То ли дело у бабушки Тони! Она испечет пирог с капустой, накроет его чистой тканью, даст полежать, но недолго, он еще не успевал остыть. Мы доставали трехлитровую банку молока и съедали за один присест по меньшей мере полпирога, а если я хотела добавки — пожалуйста, пирог-то на столе. У бабы Кати все не так. Как только трапеза закончена, тут же все убирается со стола и, хоть умри, до следующей еды ни одного кусочка. А потом дадут обед, строго регламентированный, с отмеренными порциями. Тоска зеленая!

Зато у меня была своя тайна.

Каждый день я отправлялась по шоссе за молоком. Путь был не ближний — два километра, но мне нравилось эта трудовая повинность, потому что возникало ощущение некоторой свободы, передо мной открывался весь большой мир.

Я приходила на поле, где паслись коровы, и добродушная молодая доярка наливала мне еще парного молока в двухлитровый пластмассовый бидончик, который я приносила с собой. Она всегда наливала до самого края, и казалось, что еще чуть-чуть — и прольется. Я расплачивалась и отправлялась в обратный путь, зная, что он будет теперь гораздо приятней. Потихоньку, маленькими глотками, я отпивала молоко, строго следя за его уровнем. Когда он достигал плечиков бидона — это был сигнал, что на сегодня все, молоко больше пить нельзя. Я приносила его бабе Кате, она ставила его в холодильник, чтобы завтра сварить кашу Деньке, а нам с ней — какао.

Мы жили на втором этаже, и вечером к нам по почти вертикальной лестнице поднималась хозяйка Клавдия Кондратьевна. У нее было что-то с ногами, передвигалась она тяжело, и было видно, что этот подъем дается ей с невероятным трудом. Мы с ней и с бабой Катей садились за стол и начинали пить чай. Велись какие-то разговоры, в основном ни о чем, так, повседневные, но все ждали главного. А главное в этом визите были карты. Со стола все убиралось, потому что для «Улитки» требовалось много пространства, начиналась игра, и я забывала все на свете. У нашей хозяйки был потрясающий юмор, мне нравилось слушать ее, я все пыталась понять, как она так строит фразу, что получается смешно, приходила от нее в полное восхищение и эти вечера просто обожала.

Баба Катя чувства юмора была лишена начисто, но в нужном месте реагировала правильно. Она вообще была неинтересной — скупая на эмоции, очень строгая ко мне (ну, это естественно), она беззаветно любила Деньку и позволяла ему буквально все. У меня были некоторые ограничения, но в основном разрешалось делать то, что я хочу. А хотела я гулять в саду.

Диковинное место необъятных размеров скоро сделалось моим владением, моим царством. Надо было очень быстро и очень тихо спуститься по лестнице, неслышно пройти мимо комнаты, где спало чудовище, быстро пройти через двор и, открыв калитку, оказаться в другом мире, куда вход собаке Баскервилей был запрещен.

Клавдия Кондратьевна в прошлом работала в цирке, получила там какую-то травму, обрекшую ее на затрудненное хождение, и как цирковой работник — дачу с огромным садом. Сад этот был необычен еще тем, что в нем в разных местах находились клетки. Хозяйка рассказывала, что раньше там жили обезьяны и медведи, но после того как один из них снял скальп с женщины, ей держать животных за-

претили, а скандал едва удалось замять. Женщина решила покормить медведя и подошла прямо к кольшку, к которому тот был привязан. Вроде бы неповоротливый и косолапый, он оказался очень проворным и подошел к ней сзади. Помочь не успели.

Клетки заржавели, они странно смотрелись в местности, буйно заросшей травой и кустами, я подходила к ним, смотрела внутрь и представляла, как по настилу бродит зверь. Воображение работало, и сердце замирало от близости опасности.

Сад был громадный и очень запущенный. Это придавало ему необыкновенное очарование, природа казалась первозданной и прекрасной. Ровно посередине пролегла тропинка, которая уводила меня далеко вглубь, где и находились мои владения. В конце пути оказывалась маленькая полянка, где на двух деревьях был привязан гамак. Я могла часами лежать в этом гамаке, мечтала, о чем-то грезила, качалась, и небо качалось вместе со мной. Это было время безотчетного и бесконечного счастья, я жила одна в сказочном лесу, и никто не мог нарушить моего уединения.

По выходным приезжали родители, они привозили всякой еды, и в строгом рационе бабы Кати делались некоторые допущения. Тогда она пекла не просто блины, а уже с творогом, есть их можно было — сколько сможешь, праздник души, да и только! Но все хорошее когда-нибудь кончается, родители уезжали, а мне опять доставалась лишь порция, отмеренная бабой Катей, а не моим желанием.

Лосево расположено на Вуоксе, там находятся знаменитые пороги, где проводятся соревнования. Мы ходили смотреть на это захватывающее зрелище, нам нравились эти энергичные люди, преодолевающие стихию. Однажды мы стояли и смотрели, как в тихом месте один байдарочник выбирается из лодки. Все было ничего, пока он не показался полностью весь. У него не было одной ноги! Вот это да! Тут с двумя-то большинство переворачивается — пороги на Вуоксе очень коварные, — а тут без ноги, как же это? Вот какие бывают люди!

Вуокса, как я это понимаю, не совсем река, а система озер, и там я научилась и полюбила ловить рыбу. Помимо своей бабушки, у Денки был еще и дед. Он работал, поэтому приезжал к нам на дачу только по выходным. У него была лодка-плоскодонка, и мы с ним провели много чудесных часов на озерах, качаясь на волнах. Дед слыл большим специалистом по ловле рыбы, и у него имелась масса всяческих приспособлений для этого дела. Баба Катя с вечера готовила ему кашу для прикармливания, а в мою задачу входило накопать

червяков. Чуть свет мы отправлялись на озеро, и начиналась иная, прекрасная жизнь. Как здорово, насадив червяка на крючок, забросить удочку и ждать, когда осторожная рыба тронет приманку! Достанешь ее и рассматриваешь.

— Дедушка, это лещ?

— Подлещик.

Больше всего я ловила окуней, они хищники, заглатывают наживку моментально и сильно, просто дергай — и все, без всяких премудростей вываживания.

Мне нравилось на озере даже тогда, когда вообще никакого клева не было. Я могла часами сидеть и просто смотреть на воду, мне даже поплавок становился не так уж важен. Мы с дедом разговаривали очень мало, и я была благодарна ему за это, потому что слова могли отнять очарование у этих минут, когда ты был один на один с природой. Потом мы шли домой, а дальнейшая судьба улова — о ней я не помню.

Иногда к Клавдии Кондратьевне приезжала ее дочь с внучкой Светкой. Светка была маленькая, шести лет, мне с ней было неинтересно, а вот мама вызывала мой полный восторг. Вечерами я приходила к ним в комнату, мы сидели в полной темноте и сочиняли стихи. Она давала первую строчку, я должна была продолжить, потом опять она и так далее. Это были чудесные вечера. Она подарила мне книжку Джеффри Триза о Древней Греции, которую я люблю до сих пор.

На следующий год мы опять поехали туда. Денька уже подросток, мог свободно ходить по двору и, что меня восхищало до крайности, — он совершенно не боялся собаки. Когда пес стоял, его ужасная морда была на уровне Денькиного лица, но Деня морщился от близости собаки и только, он был к ней равнодушен.

Когда мы приехали, я сразу же побежала в сад, гамак оказался на месте, все вернулось на круги своя. Я гуляла по такому знакомому саду, проводила рукой по решеткам клеток и сидела в железной беседке, где раньше жили обезьяны.

Потекли прекрасные летние дни, я часто лежала в гамаке, только мысли были немного другие. Я ведь тоже стала старше, и теперь властелином моих дум стал Юрка из нашего класса. Я качалась в гамаке и думала о том, как он красив и как жаль, что такой тупой... И похоже, я тоже ему нравлюсь... Мысли уплывали, унося меня за собой, подкрадывался сладкий сон, даря ощущение безмятежного детского счастья.

ДАЧА САНИНОГО ДЕДА

Мариенбург

Первый раз я там оказалась, когда еще была в невестах. Дед внимательно рассматривал меня, а у Сани спросил только, почему, мол, жену берет с ребенком. Ответ его, очевидно, устроил, и он принял меня в свою семью.

Дед был хороший, приветливый. Всю жизнь проработал на «Скороходе», имел медаль «За оборону Ленинграда» и свято верил, что Сталин — единственный достойный на земле человек. Я так и запомнила его — благообразный старик, не подверженный ни алкоголю, ни табаку, добрый, мудрый. Он много работал в саду, иногда привлекая и нас к уборке урожая или прополке.

На следующее лето мы приезжали уже семьей, с Ленкой, и дед учил меня, как надо жить. Он разговаривал со мной как с равным ему по возрасту и опыту человеком, это было лестно, и я любила эти вечерние дачные беседы.

Однажды ему стало плохо, нам пришлось вызвать реанимацию по телефону, который находился в паре километров от дачи. Приехала бригада очень серьезных и очень профессиональных врачей, которые буквально вернули деда к жизни. Они грубо прогнали меня, когда я предложила им выпить чаю, но было понятно, что им не до того — надо человека спасать. Потом, сидя на кухне, мы пили чай, а врачи говорили мне, что деда едва спасли и надо срочно увозить его в город.

Дача находилась в месте с красивейшим названием — Мариенбург, это было садоводство, но древнее, ему тогда уже было тридцать лет. Посередине находился пруд, где мы с Саней время от времени пытались ловить карасей, и нам иногда удавалось поймать несколько штук. Мы их пускали плавать в бочку для полива, наполненную водой, они жили там иногда неделями, не испытывая, казалось, никаких неудобств.

Участок был солидный — двенадцать соток, и большую его часть занимали заросли малины. Дед немного приторговывал на рынке, откладывая на сберкнижку деньги для обоих внуков. Когда его не стало, Саня получил по книжке деньги, и мы успели до реформ купить мебель и одежду. Мы жили тогда в маминой квартире, собирались переезжать к свекрови и дожидались лета, чтобы поехать с Ленкой на дачу — ребенка-то надо было вывозить.

Весной я решила уйти из магазина — мама звала к себе, и я записалась на бухгалтерские курсы. В тот день, когда я пришла с трудовой книжкой домой, Саня объявил мне, что уволился.

Мы оказались оба без денег, без работы — катастрофа. Саня, впрочем, не беспокоился — он был уверен, что я, как обычно, что-нибудь придумаю. Так и вышло. Я обратилась к маме, и она пристроила его к своей знакомой на стоянку автомобилей. Работа эта была престижной и денежной, а раз так, то первые два месяца полагалось заработную плату не получать, отдавая ее директору в качестве «входного билета». Ну, два месяца еще куда ни шло, прожить можно, ведь то, что Саня заработает за день, — при нем.

Еще перед отъездом я купила кроликов — двух взрослых самок и самца. Они жили у нас дома в коробке из-под телевизора, а Ирина Александровна — свекровь — с ужасом за этим наблюдала. Кролики появились в нашем доме внезапно и неожиданно. А просто мы с ней сидели как-то на кухне и разговаривали о предстоящем лете. Она сказала, что хорошо бы завести козу... Или кур... Или кроликов... Я-то не знала, что разговор был беспредметным, взяла да и купила семейку ушастых ребят на Кондратьевском рынке.

Свекровь такого от меня не ожидала и в дальнейшем стала осторожней. Она не очень-то делилась со мной своими мечтами, зная, что я тут же начну их воплощать. Тайгер, как пастушья собака, тут же взялся наших кроликов опекать, можно даже сказать — охранять от нас. Он ходил с важным видом по квартире, это был пес, занятый серьезным делом, а не какой-нибудь разгильдяй, бесцельно проживающий свою жизнь на коврике.

Кролики жили у нас пару недель, а потом Ирина Александровна вместе с ними выехала на дачу, где одна из самок тут же родила. Я, как человек ответственный, накупила кучу литературы, так что свекровь справилась и с процессом родов, и вскармливанием блестяще, а кроличья семья уже начала пополняться. Мы с Саней приехали туда на выходные, и он сколотил клетки для больших и для маленьких.

Планов на грядущее лето было много, все так хорошо начиналось, а тут вдруг увольнение, безденежье и какая-то безнадежность. Как Саня мог так поступить, ведь он знал, конечно, что я увольняюсь, о чем он думал! Но что толку сокрушаться, когда дело уже сделано, на дачу ехать надо, а что есть будем — не знаю.

Еще когда я работала в магазине, то запасла необычный продукт — сухой фарш. Это решало проблему кормления собаки — развел, намешал туда крупы, сварил — вот тебе и еда. Нам с Ленкой приходилось сложнее. Саня работал сутки через трое, и вот раз в три дня он к нам приезжал и привозил продукты. Как правило, это была курица, много хлеба, крупа и сушки с чаем. Почти все, что он привозил, съедалось, пока он был с нами, но все же кое-что оставалось и после его отъезда. Ценной вещью был хлеб. Каждый день у нас с Ленкой происходил один и тот же разговор.

— Лен, вот смотри, у нас имеется такой кусок хлеба. Нас с тобой двое, значит, разделим его на две части, эта — твоя, а эта — моя. Хлеба должно хватить на целый день.

Я говорила так с Ленкой, стараясь научить ее щедрости и справедливости, хотя ей было все равно. Надо бежать на пруд купаться, а тут какие-то разговоры про хлеб, подумашь!

Она съедала свою часть и убегала, а я свою — нет. Это хлеб пойдет нам на обед, причем будет так же честно разделен на две части. Голодная, я бродила среди грядок, которые организовала свекровь, — на них она высадила редиску. Я выдергивала тоненький росток, убеждалась, что еще далеко до настоящих корнеплодов, вздыхала и уходила. Самое большое горе нас постигло, когда пакет с сушками (не открытый даже!) наутро оказался пустым — все съели крысы.

Они во множестве водились в этом доме, я их ужасно боялась и настояла, чтобы Саня самые откровенные норы забил жестью. Это не очень помогло, они хозяйничали, как хотели, но, слава богу, в комнаты не забегали — возились на кухне и в прихожей. Когда от крыс не стало никакого житья, мы завели ежика.

Я где-то читала, что они не уживаются, и правда — крыс я больше не видела и не слышала. Зато ежа слышно было за версту, а если учесть, что на моем попечении была еще стая кроликов и собака, то можно сказать, что я была эдакий юный натуралист зрелых годов. К счастью, мои питомцы не требовали человеческой еды, у Тайгера была своя пища, у кроликов — трава, у ежика — блюдечко молока, которое без труда можно было добыть в поселке.

Со временем наша с Ленкой жизнь обрела некоторые очертания и традиции. Например, каждый вечер у нашей калитки останавливался мотоцикл, и тетя Валя-собачница протягивала мне целую буханку горячего хлеба. Ленка подружилась с этой странноватой мужеподобной женщиной, когда выгуливала Тайгера. Городской пес, он мог справить нужду только тогда, когда его вели на поводке. Догадаться, что здесь кругом — туалет, он почему-то не мог. Вот два раза в день Ленка его и выгуливала на потеху всем местным собакам. Ее заметила тетя Валя, они разговорились, и с тех пор мы были обеспечены горячим хлебом. Это было очень удобно, какая-то мелочь у меня была, и в случае нехватки еды вопрос решался.

К середине лета поспела малина, и ее было столько, что я вызвала маму, потому что ягода грозила осыпаться в любую минуту. Все в округе сразу заметили даму в красной панаме и специально проходили мимо, чтобы как следует ее рассмотреть.

Когда мама приехала, она впала в ступор, увидев наши продукты, и тут же пошла в магазин и накупила кучу супов, круп и хлеба. До сих пор мне попадает за то лето, нельзя, дескать, доходить до такой степени нищеты. Нельзя, конечно, а кто ж знал, что Саня уволится?

Потом она успокоилась и вся погрузилась в сбор ягод. Малины было много, и скоро пол в большой комнате был уставлен банками, хорошо, что в моем распоряжении был целый мешок сахарного песка. Нам даже удалось сделать двадцатилитровую бутылку малинового вина, используя чистый сок, без добавления воды!

Мама жила в комнате с Ленкой, а мы с Саней осуществляли нашу жизнь в привычном ритме. Каждое утро, вооружившись деревянными граблями и косой, мы отправлялись за травой для кроликов. Мама сказала, что все это выглядело очень колоритно, как на картинах русских художников.

Вообще-то мы были нетипичными дачниками, и все в поселке нас осуждали. Например, мы сделали поляну на участке и целыми днями играли в бадминтон, а это в понимании местных жителей — дикость. Каждый миллиметр земли должен быть использован по назначению, то есть под посадки. Как же можно такие пространства отдавать под ненужное поле?

Свекровь привезла рассаду огурцов, я их высадила в маленькую тепличку, но ухаживать за ними не умела. Каждый день ко мне ходила соседка и учила, как надо их выращивать. Она была недовольна мной, потому что я отнюдь не каждую минуту думала о грядках,

но самое смешное, что урожай у меня получился лучше, чем во всем поселке. Люди приходили, смотрели на огурцы и говорили, что это мне на новенького везет. Пусть так, меня это устраивало. И помидоры уродились назло всем прогнозам великолепные.

Саня соорудил теплицу, а я высадила туда рассаду. Прочитав массу литературы о продуктивном выращивании пасленовых, я обрела нужные знания и, вооруженная ими, получила-таки небывалый урожай. Я и Саню к этому привлекла. Если его не было в доме, то почти наверняка его можно было найти в теплице. Он любовался растущими помидорами, время от времени удаляя пасынки в строгом соответствии с правилами. Я снимала зеленые плоды и выкладывала их на подоконник для дозревания, а в выходные приезжал Лешка — Санькин брат — и съедал порозовевшие помидорчики. Жалко было ужасно. Еды не хватало, а объяснить это молодому растущему парню я не могла. Он иногда привозил что-нибудь, например килограмм творога, но это не решало проблемы. К этому килограмму требовались еще яйца и мука, чтобы получились сырники, и вот, достав последние копейки, я добывала продукты, готовила... В общем, все были довольны. Хорошо, что Лешка уходил на целый день, а то и на ночь с друзьями, и тогда я ответственности за него не несла.

Больше мы на этой даче никогда не были, а от того лета у меня остались смутные образы и воспоминания — кролики, собаки и хлопотливый ежик, что-то ищущий среди банок с малиновым вареньем.

ПИГМАТКА

Детство.

Лето на Онеге

Что такое Пигматка и с чем ее едят, я представляла себе смутно, хотя слышала о ней много.

Когда на нашей кухне собирались друзья родителей — все больше доценты с кандидатами, то велись нескончаемые разговоры. Ими овладевали воспоминания... Онега, заброшенная деревня прямо на берегу, состоящая из двух полуразвалившихся домов, грибы и ягоды, растущие у порога, и суровая правда будничной жизни, лишенной обычных благ цивилизации — только костер и то, что поймаешь в озере. Дядька Володька, вообще стремящийся ко всему первозданному, воодушевлялся и звал всех нас переселиться в леса, перейти к нормальной здоровой жизни, где все есть истина и счастье. Он по тогдашней моде был в бороде и курил трубку — шестидесятник!

Мне все это было интересно слушать, но представить, что я могу там оказаться, казалось невозможным. И действительно — у дедов благоустроенная дача, зачем же к истокам, так сказать, возвращаться? Но в то же время рассказанная взрослыми сказка завораживала, звала... Хотелось посмотреть на это удивительное место.

И однажды это случилось. Наши мамы, Лешкина и моя, оставив мужей в городе, отправились с чадами в это глухое место. Лешка собирался в этом году в школу, а мне было тринадцать лет.

Сначала мы ехали на поезде, и это уже было приключением, потому что я никогда никуда не ездила, и дорожный быт и способ проживания были для меня в новинку. Мы приехали в Петрозаводск, затем в Медвежьегорск и, наконец, очутились в поселке, названия которого я не помню, но это был уже предпоследний пункт нашего маршрута. Вечером мамы вывели нас с Лешкой на прогулку. Мы шли по проселочной дороге, а у каждого забора стояли ребята, близкие по возрасту, и с интересом разглядывали нас. Нам казалось непри-

личным смотреть на них, и мы с Лешкой в результате шли по улице, угрюмо опустив головы, боясь поднять глаза.

— Странно, мне казалось, что они должны чувствовать себя здесь более уверенно, ведь они же городские, — мамы думали, что у нас есть какие-то преимущества перед местными ребятами.

Я тут же стала размышлять, а действительно, почему нам здесь неловко, ведь мы же из города, значит, круче всех местных. Думала — и придумала! Мы здесь в гостях, а поэтому свято чтим и уважаем чужую территорию и всех, кто на ней обитает. Как здорово, когда все становится понятным и простым!

На следующее утро, нагруженные провизией, мы отправились в путь. Пройдя пять километров и тем самым еще более отдалившись от цивилизации, наша небольшая компания оказалась в Пигматке. Как бы ее описать?

Назвать деревней в полном смысле слова — невозможно, потому что имелось у нее только два огромных деревянных дома, стоящих на самом берегу. Озеро казалось огромным и очень суровым, в его водах угадывались будущие штормы, оно должно было обязательно обрушиваться на берег, и поэтому становилось непонятным, как дома уцелели. Внутри этих некрашенных и потому ветхо-серых громадин не было ни комнат, ни переборок, мы поднимались на второй этаж, где был просто настил, а поверх него лежали наши спальные.

Продуваемый всеми ветрами насквозь, по ночам дом таинственно скрипел. Было не страшно, а, наоборот, сказочно, как будто ты оказываешься в месте, где вполне нормально проживают бабы Яги с их избушками на курьих ножках. Я стала уже достаточно взрослой, чтобы верить в такую ерунду, но все равно мне нравилось, что этот дом явно не просто так дом, а как-то связан с чудесами.

Все пространство внутри было заполнено какими-то рыболовными снастями и приспособлениями. Для кого — непонятно, но потом стали приезжать рыбаки, суровые, крепкие люди, и все встало на свои места. Они были немногословны, чувствовалось, что приехали по серьезному делу. Я, как замороженная, смотрела на них, потому что раньше не видела таких людей, они были скупы на слова, и почти все эти слова были мне неведомы. Я попадала в другой мир, взрослый, тревожный. В грубоватых разговорах этих людей таилась особенная привлекательность. Здесь было что-то настоящее, далекое от велеречивой изысканности фраз и словосочетаний моей прежней жизни.

Они садились на катер и уезжали далеко на середину озера. Иногда мама разрешала мне поехать с ними — она знала, как я люблю рыбалку, да и чтобы не вертелась под ногами.

Рыбалка эта, однако, была странной. Мы с дедом, бывало, возьмем удочки, прикорм, наживку, пару бутербродов — и на речку. Здесь же, на катере, мы долго объезжали какие-то одним этим мужикам ведомые места на бескрайнем озере, никто не доставал никакие снасти, не делал вообще ничего. Все только смотрели на воду. Вот, наконец, показались какие-то щепочки, Они в правильном порядке выстроились на водной глади... Сеть! Вот в чем дело! Тут уже все включались в работу. Огромные тяжелые снасти тянулись из глубины. Часто там была рыба, иногда еще живая, а иногда — безнадежно испорченная.

Я была ребенком, который редко задает вопросы, пытаюсь додуматься до всего самостоятельно. Та-ак, если рыба стухла, значит, сети ставят не каждый день, значит, завтра не поедим, а жаль, мне хотелось поглубже вникнуть в это, понять происходящее. Вот, например, почему рыба запутывается в вертикально висящей сети? Ведь можно, наткнувшись на эту преграду, спокойно развернуться и поплыть в другую сторону, но этого не происходит. Что заставляет рыбу метаться, биться в отчаянной попытке освободиться от пут и тем самым еще больше запутываться в шелковых переплетениях? Спросить у рыбаков? Невозможно! Еще подумают, что я дура такая — не понимаю простых вещей. И поэтому я все придумала сама. Рыба не умеет давать задний ход! Эта блестящая догадка совершенно меня успокоила. Действительно, делая поворот, чтобы плыть в другую сторону, рыба неизбежно плавником или хвостом заденет за сеть, а там — пиши пропало.

Холодало, и один из рыбаков накрыл мне плечи своей курткой. Я сразу же, моментально и бесповоротно влюбилась в него, так как из советских фильмов знала — если парень набросил свой пиджак девушке на плечи — у них наступила настоящая любовь. Они при этом, кажется, еще пели какую-нибудь песню, но в моем случае это было необязательно — сраженная наповал вновь обретенным чувством, я поняла, что абсолютно счастлива. Этому рыбаку от меня не было ни жарко ни холодно, но я всю обратную дорогу стеснялась смотреть на него, а моя дальнейшая жизнь в этой деревне была окрашена радостью оттого, что он изредка приплывал к нам, и я могла его видеть.

Поскольку теперь я имела непосредственное отношение к рыбалке и рыбакам, то тут же решила испробовать удочки, которые хранились в доме.

Найдя одну, оснащенную поплавком-перышком, отправилась на мостки, где обычно мыли посуду. Закинула, смотрю, а поплавок сразу на дно ушел. «Наверное, грузило слишком тяжелое», — подумала я, потянула удочку, а там — рыбка! Маленькая, тоненькая. Вот это да! Случайно, конечно. Повторила все то же самое — еще одна! Так за несколько минут у меня набралось целое ведерко, а рыбалка перестала быть интересной. Ну, действительно, какой в ней смысл, если поклевки ждать вообще не нужно, знай тащи рыбу из воды.

Отпустив свой улов на волю, я, как всегда, подвергла произошедшее тщательному анализу. После непродолжительных раздумий вывод, разумный и простой, пришел сам собой. Мы здесь посуду мыли? Мыли. Остатки пищи в воду попадали? Попадали. Ну вот и прикормили. Да это и не рыбалка была, так, баловство одно.

Обычно рыбаки привозили нам крупную, настоящую рыбу, и в количествах, способных прокормить всю нашу компанию. Чистить улов поручалось мне, и меня научили, как по плавникам определять — свежая рыба или нет. Я так наострилась это делать, что даже стала получать удовольствие от процесса — представляла, что рыбачка уже немолодая, муж привез улов, надо готовить ужин, а эта рыба — единственное средство нашего с ним существования.

Иногда рыбы было много, и мы хранили ее в ведрах. Как-то приехал какой-то дядька и стал приставать к нашим мамам с вопросами. Откуда, мол, рыба, да как вы ее поймали? Он показывал на ведро, в котором лежало несколько крупных экземпляров, таких, что с трудом помещались там. Мама, разумеется, отвечали, что поймано это все на удочку, а как же иначе?

— Да? И вот эта на удочку? — он достал самую крупную рыбу и показывал ее нам.

— Конечно, — мама улыбалась ему, спокойная и уверенная.

— А не многовато ли поймали?

Ну тут уже я не вытерпела. Не подозревая, что это кто-то из рыбанадзора приехал пресечь браконьерство, я подумала, что этот дядька почему-то нам не верит и думает, что у нас с рыбой проблемы.

— Это что! У нас там еще два ведра полных стоит!

Стало абсолютно тихо. Я вдруг почувствовала, что сказала что-то не то, но остановиться уже не могла.

— В теничке... В прохладе... Чтобы не испортиться...

Конец фразы я закончила почти шепотом, наткнувшись на мамин взгляд.

Как-то сразу стало ясно, что выдана великая тайна, которую именно от этого человека, единственного на земле, и нужно было скрывать. Постаравшись стать незаметной и предвидя грядущую бурю, я тихонечко пошла от них.

К счастью, у представителя власти оказалось все нормально с чувством юмора, да и мамы наши были молодые, и чувствовалось, что они ему нравились, и он, в общем-то, наслаждался комизмом ситуации.

Больше он к нам не приезжал, и мне — что очень здорово! — не попало.

Родители укладывали нас с Лешкой спать довольно рано, а сами уходили побродить, посидеть у костра — вести неторопливые беседы. Мне спать не хотелось, и тогда мама придумала мне развлечение — я должна была убедить Лешку, что лучше всего на свете — это учиться в школе. Он почему-то не очень туда стремился.

Задача оказалась непростой, потому что я уже переходила в седьмой класс и лишилась некоторых иллюзий. Пришлось вернуться в детство и вести с юным отпрыском восторженные беседы о прелести обретаемых знаний, добрейших, все понимающих, знающих и прощающих педагогах, о грядущих пятерках и — никогда! — о двойках...

И странное дело, рассказывая все это, я вдруг сама поверила в «школьные годы чудесные»! Захотелось увидеть всех своих, посмотреть, кто каким стал, и вообще вдруг стало совершенно необходимо опять просыпаться рано утром, идти в школу, что-то учить... Непостижимо! Учителя казались милыми, почти родными.

Каждый день мы ходили гулять. Очень мелкое у берегов, озеро имело всякие лагуны, заливчики и множество маленьких бухточек. Мы находили такое место и проводили там почти полдня, купаясь и загорая. Рядом не было абсолютно никого, и это было чудесно! Мы искали и находили красивые разноцветные камешки диковинной формы. Потом мама украсила ими свой цветник на подоконнике.

Мне нравилось, когда я гуляла одна. Рядом с домами было место, где деревья росли не просто так, а как будто их кто-то посадил. Мне рассказали, что раньше здесь был парк, и в нем прогуливались нарядные барышни с кавалерами, проезжали конные экипажи и часто

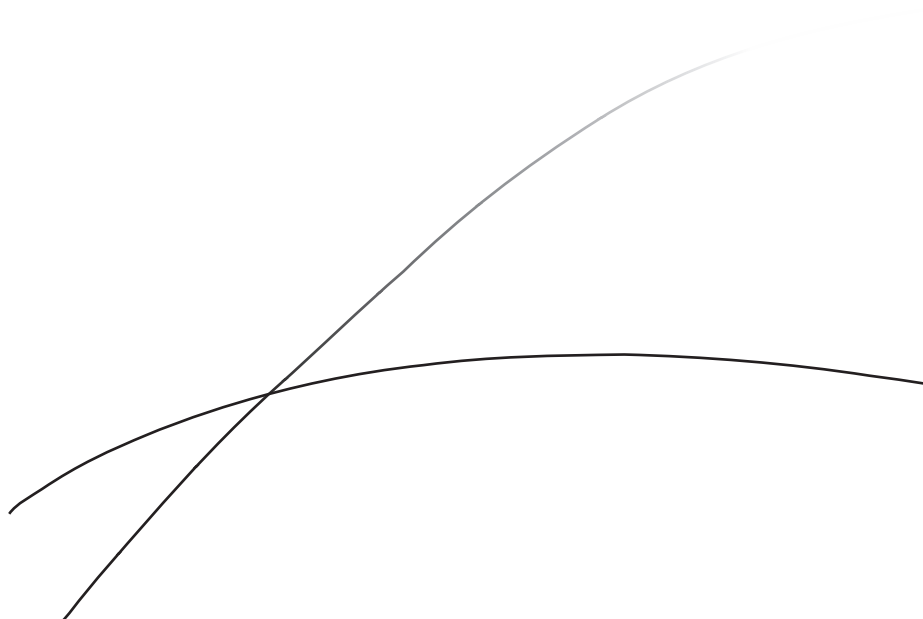
устраиались веселые праздники. Сейчас мне трудно оценить — правда ли это, но тогда я поверила рассказу о дамах в кринолинах безоговорочно и могла часами ходить между деревьев, представляя, что я — какая-нибудь княжна, у меня скоро первый бал, выезд и все такое...

Когда я бывала у бабушки, она по вечерам читала мне вслух главы из «Войны и мира», тогда это все казалось смертной тоской, ненужной тратой времени, но в голове что-то откладывалось, поэтому представить себе юную девицу времен Наполеона мне было вполне по силам. В этом парке было таинственно, он дышал почти сказочной древностью, только грибы и черника, росшая в неимоверном количестве под ногами, портили впечатление.

Лето кончалось, и нужно было собираться. Из трофеев у нас были только разноцветные камешки, сушеные белые грибы и куча фотографий, большинство — черно-белые, снятые еще на аппарат «Зоркий». Но кое-что удалось запечатлеть и в цвете, и тогда мы сделали слайды. Кусочки цветной пленки с фотографиями помещались в бумажный или пластмассовый квадратик, и можно было через специальный проектор (сейчас, наверное, таких и нет) смотреть цветные фото.

С тех пор прошло много лет, но иногда мы устраиваем вечер воспоминаний. На стену вывешивается белое полотно-экран, гасится свет, и вот перед нами снова появляются такие знакомые места — лес, огромные белые грибы на некрашеной поверхности деревянного, очень грубо сколоченного стола... Снова возникают таинственные необитаемые дома, парк, где, как мне казалось, еще можно было услышать голоса и звуки прежних веков... Великолепные блестящие рыбины лежат на траве — улов, которым, гордясь, нас угощали суровые на вид, но на самом деле добродушные рыбаки, и бескрайнее, похожее на море Онежское озеро.

Не обещанное
укрыва-
тельство

Глава 1
Слон, Михаил
и Кудрявый

Она открыла балконную дверь. Нужно повесить полотенце, в комнате оно не высохнет, а на улице, да при нынешней жаре — легко.

Вдруг взгляд наткнулся на что-то, что находилось там, внизу, и сразу стало ясно, что туда не надо смотреть.

На балконе лежал мертвый дятел.

Птица была растерзана (может, кошки?), но все равно оставалась необыкновенно красивой. Яркие контрастные цвета никак не сочетались с фактом смерти, протестовали, сопротивлялись.

Как она сюда попала — на второй этаж? Если чья-то шутка, то неуместная. С детства она знала, что если в дом залетит птица, то это к беде, к покойнику. Эта нелепая примета с неумолимым упорством сбывалась в их семье — очень скоро кто-то обязательно умирал. А тут и сама птица — мертвая.

Она продолжала стоять на балконе, держа в руках мокрое полотенце, не зная, как теперь быть, и увидела, как Инка с Римкой постучали в дверь частного дома. Их впустила неопрятная женщина, которая, наверное, снимала здесь жилье на лето. Дом был одноэтажный, рубленый, крашенный когда-то в синий цвет, а теперь старый, покосившийся и, казалось, съездившийся от осознания собственной никчемности.

Девчонки вошли внутрь. Интересно, что им там понадобилось? В руке у Инки был пакет. Опять, наверное, всякую дрянь пить собираются. И не жарко им.

Что же делать с птицей? Надо Слона позвать.

Слон или Слоник — один из местных обитателей.

Было лето, детский сад выехал в Лугу на дачу, воспитателей поселили в коттеджах в небольших комнатках — кого по двое-трое, а ей повезло — она жила одна.

В первый же день ее комнату вскрыли, забрали деньги, часы, кое-какие вещи из чемодана, но главное — свитер, который она сама вязала. Изделие получилось эксклюзивным, всех цветов радуги, и ей было жалко, что какой-то гад все это унес. Он ведь, змей, и не понимает, насколько вещь уникальна. Она ходила, сокрушалась, рассказывая всем и каждому о своей беде.

Вот так и появился Слоник. Долговязый парень, болтавшийся все время у коттеджей, он быстро сошелся с Инкой, одной из воспитательниц, и они стали жить вместе. Вид Слоник имел блатной, лексикон тюремный, хотя и использовал некоторые специальные слова не без изящества.

Вообще такого народу здесь было много. Позже она узнала, что Луга — это своего рода сто первый километр, место, куда на поселение отправляют людей, так или иначе причастных к тюремным делам. Вот и этот оказался одним из них — ему запрещено было появляться в местах скопления людей, коими в данном случае являлись площадка для танцев в ближайшем пансионате да всяческие кинотеатры и кафе. Никто не знал, откуда у него такая кличка, но он очень смешно пародировал слоненка из мультфильма про тридцать восемь попугаев.

— Слышь, а какой свитер был, такой разноцветный?

— Да! А ты что — видел его? У кого? Ты его знаешь?

— Ну... Скажем, мог видеть... Он что, нужен тебе?

— Спрашиваешь! Слушай, Слоник, найди мне его, или хочешь — я сама с этим человеком поговорю...

— Вот этого как раз не надо делать... Короче — жди.

И через пару дней принес. И свитер, и все утраченные вещи.

Она не стала спрашивать ни о чем, так как уже поняла и приняла правила здешней игры — полукриминальная среда, клички, жаргон. Ей тоже «погоняло» дали — Береза. Она боялась спросить, что это значит, вдруг что-то неприличное, связанное с унижением и потерей достоинства. Но никто вроде не смеялся, значит, кличка оказалась из пристойных.

Она вышла на веранду, где в кресле-качалке сидел Слоник. Он любил так проводить время — наблюдая за жизнью коттеджа и размышляя. Никогда ничего не комментируя, он был в курсе всех событий, происшествий, краж, драк, разборок. Он первым видел, когда нагрывшие менты начнут выискивать по комнатам нарушителей режима, и знал маршруты незаметного ухода, если представители

закона оказывались не из дружественной группировки. Последних видно было за версту. Они и не пытались скрывать своих намерений — выпить, весело провести время «под звуки струн, окруженными хмельными красавицами и лихими друзьями» — практически по Булгакову, тем более что недостатка именно в лихих друзьях не было.

В обоих коттеджах проживали девицы разных устремлений и повадок — на любой вкус. От великих скромниц и верных жен до доступнейших особей, которые именно в силу этой своей доступности скоро теряли для посетителей их жилищ всякую привлекательность.

Она подошла к нему.

— А... Это ты... Привет, дорогая...

— Привет.

Между ними установились необычные отношения, проникнутые каким-то взаимным уважением. Инка, с которой Слоник жил, была из среды, в общем-то, криминальной — у нее сидел муж. Они подходили друг другу, и отношения у них складывались соответственные — иногда он ее побивал, устраивая театрализованные представления, а иногда предлагал в качестве презента кому-нибудь из друзей, стоящих на более высокой ступени их криминальной лестницы.

Здесь же было что-то другое. Поскольку все и вся тут интимно общались, часто меняясь партнерами, то этот вопрос возник и у них. Переходить на иную форму кроме разговорной обоим не хотелось, потому что исчезла бы та особенная, которая украшала этот союз, — длительные беседы обо всем на любые темы, причем они были интересны друг другу. Тогда они договорились, что ЭТО непременно произойдет, но только потом, позже, когда-нибудь. Это устроило обоих, и им стало легко, симпатию свою можно было не скрывать — они ведь друзья.

Ей нравилось, что в этом мирке среди блатных и криминальных людей о ней сложилось мнение как о человеке, далеко от пьяных и плотских утех. Она славилась интеллектом, спокойным нравом и умением молчать, сохраняя при этом лояльность к происходящему.

— Слушай, у меня там птица лежит. Красивая и мертвая. Дятел.

— У тебя? — кресло, скрипнув, на мгновение остановилось, потом снова пришло в движение. — Вот идиоты!

— Кто?

— Да есть тут... Это они балконом ошиблись. Не для тебя предназначалось.

- А что это значит?
- Не нужно тебе знать.
- А как это все убрать?
- Уберут.

Она давно уже не запирала комнату, какой смысл? Есть замок, нет замка — все равно, если им надо, придут и возьмут, что хотят.

Она вспомнила, как, вернувшись в восемь утра с ночной смены, застала у себя в комнате двух совершенно неизвестных ей мужчин. Они сидели за столом и спокойно завтракали. Ели то, что принесли с собой, — какие-то консервы, хлеб, пили водку и курили «Беломор».

Было ясно, что они провели здесь ночь, пока она была на работе, но не собирались ни разговаривать с ней, ни объяснять, почему здесь оказались.

Она вошла и тихонько села на кровать, не издав ни звука, не спросив ни о чем. Дело в том, что одного из них она узнала. Это был Михей, он, по слухам, убил несколько человек, теперь был «на химии», и его отпускали время от времени в город. Такому человеку ненужных вопросов не задают.

Они не обратили никакого внимания на ее приход, продолжали есть, изредка перебрасываясь тихими фразами, где слова невозможно было слышать.

Так прошло несколько минут. Она сидела на краешке кровати, думая о том, как все это странно, страшно и неуместно в ее жизни. И непонятно, как себя вести. А может, нужно уйти? Но это ведь ее комната, здесь ее вещи, документы. Неужели она должна стоять за дверью в ожидании конца трапезы своих незваных гостей?

— Ты что, одна здесь живешь? — он повернулся к ней, прикуривая.

Она кивнула. Господи, только бы не огорчить чем-нибудь этого человека!

— Почему?

В нее воткнулся взгляд спокойных, уверенных глаз. В них не было ни тепла, ни улыбки. На нее смотрели как на вещь, которая, впрочем, и может и обязана отвечать.

Она ничего не успела сказать. Михей повернулся к своему другу, кивнул тому, и они встали из-за стола.

— Я спросил, почему одна, — он уже не смотрел на нее.

Все, конец... Что-то его не устраивает. Уже не в силах пожать плечами, она молча уставилась в одну точку, в пол. И замерла.

— У меня курево кончилось, я твои сигареты возьму, — не спросил — сказал.

Она не ответила.

Они встали и, не прощаясь, вышли, оставив на столе все как есть.

Слава богу, не убили, не ограбили... А в голове мысль — с таким авторитетом общалась, надо же! Идиотизм, конечно, но все вокруг боялись, восхищались этим человеком, Слон каждые выходные ездил встречать дорогого гостя на вокзал, где тот торжественно шел по перрону, сопровождаемый трепещущими шестерками.

На следующий день незнакомый парень постучался в дверь и протянул ей две пачки дорогих сигарет. От Михея.

Этот эпизод стал известен в коттеджном сообществе, и он сильно повлиял на отношение к ней проходящих блатных парней — ее перестали задирать, глупые и пошлые шутки теперь не имели к ней никакого отношения. Было такое впечатление, что Михей каким-то образом покровительствует ей, только за что и почему — она не знала. Все разборки и скандалы проходили мимо нее, и если бы не случай с Кудрявым, то можно сказать, что жизнь протекала безмятежно и весело.

Она сидела в комнате, физически ощущая присутствие мертвой птицы на балконе. Как предчувствие беды. А что могло случиться? Дочка в группе, муж в городе. Там происходит привычная и понятная жизнь, так не похожая на здешнюю. Внезапно возникшее воспоминание о Кудрявом не давало покоя, мешало, влезало в голову, устанавливая причинно-следственную связь между ним и убитым дятлом, нелепую, но возможную.

Он появился в ее комнате однажды вечером с компанией каких-то глупых подростков. Совершенно лысый, большой и очень веселый, даже взвинченный — только что освобожден.

У нее иногда собирался народ поиграть и попеть под гитару. Это были свободные от работы воспитатели и их мужья, приезжающие на выходные. Люди эти были далеки от тюрем, блатных, авторитетов и прочего народа из этой среды.

Она привыкла к тому, что парни вроде Кудрявого не спрашивают разрешения войти, поэтому не удивилась внезапно появившейся большой компании. Все как один ей не понравились, но выгонять их тоже было нельзя — нарвешься на крупные неприятности. Петь под гитару всем вдруг расхотелось, и народ потянулся на улицу. Вскоре в комнате остались только Кудрявый и пара парней из тех, что с ним пришли.

Он сказал им что-то, они покивали и тоже скрылись за дверью.

В этот момент Кудрявый, не говоря ни слова, кинулся на нее, повалил на кровать и стал срывать одежду. От неожиданности она сначала даже не поняла, что произошло, а когда осознала, то стала отчаянно вырываться. Борьба продолжалась, и приходило понимание, что сил скоро не хватит и совершится то, о чем она столько слышала и читала, — изнасилование. Нет! Только не с ней! И она начала кричать. «На помощь!» и «Помогите!» было слышно, наверное, на километры вокруг, но никто не отозвался, не пришел, не помог, хотя в коттедже всегда в половине комнат кто-то был.

Тем временем Кудрявый своих усилий не оставлял, силы для борьбы кончались, а из одежды остались только рваные лохмотья. И тогда она придумала. Раз никто не идет, не спасает, а возможности бороться больше нет, нужно подавить его порыв единственным возможным в ее случае способом — силой интеллекта и сообразительностью.

И она начала шутить. Не над ним, ни в коем случае — над ситуацией. Она даже подзадоривала его! И постепенно стало происходить то, ради чего сквозь ужас у нее рождались блестящие шутки — его хватка ослабла. Что-то изменилось в этом человеке. Он поднял голову, осмотрелся, как будто только что оказался в этой комнате, потом резко встал и вышел.

Она лежала на кровати среди разорванных простыней и остатков одежды, постепенно приходя в себя, понимая, что только что с ней могло произойти страшное, и с удивлением обнаруживая, что исполнена какого-то торжества, ощущения победы.

Она вдруг почувствовала, что обладает некоей властью, что, оказывается, это животное можно усмирить просто словами, которые ей удалось найти в самый нужный и опасный момент. Да это же что-то из психологии, кажется...

Она осмотрелась. Все это, конечно, прекрасно, и страх уже прошел, но осталось ощущение какой-то гадливости, нечистоплотности, грязи.

— Срочно убрать все это! И где народ, хотела бы я знать!

Она специально разговаривала вслух и громко, чтобы ужас не вернулся, чтобы недавние страхи не возобновились, когда она начнет собирать по постели белье.

На следующий день эта история стала известна всем. Девчонки объяснили, что не пришли на помощь, потому что сами очень испугались, и потом — парни, пришедшие с Кудрявым, стояли у дверей

ее комнаты, загораживая проход. О происшествии узнала заведующая и обратилась в милицию.

Кудрявый на какое-то время исчез, и она начала забывать о случившемся, но однажды, возвращаясь с дневной смены, столкнулась со всей компанией. Их было человек десять-двенадцать, они образовали круг и втолкнули ее в центр, где уже стоял и ухмылялся ее недавний обидчик.

— Ну, расскажи нам — кто это хотел тебя изнасиловать.

— О чем это ты? — она попыталась изобразить недоумение, чувствуя, что плоховато получается.

— Ты ходишь и говоришь всем, что тебя пытались изнасиловать. Вот я и хочу послушать — кто. Думаешь, мне нужны неприятности?

Они стояли на опушке небольшого леска, где обычно, как она знала, совершались самые жестокие мордобои и расправы. Близость этого места пугала, опять стал подползать ужас, а парни, составляющие круг, приблизились к ним, тем самым еще плотнее смыкая ряды.

Точно — сейчас бить будут... Этого она ну никак не могла допустить и даже не представляла, что будет, если ее коснется чья-то рука. Никогда никем не битая, она не знала, как поведет себя, больно ли это, но сейчас она уже знала силу рук Кудрявого и всерьез испугалась. Прежнее достижение, когда ей удалось свести все к шутке, здесь никак не годилось, оно было неуместным, нелепым...

Что же делать?..

И тут положение спасла Маринка.

Маринка Чайкина была совершенно несуразная девица. Необыкновенно толстая, но смешная и добрая, она не пользовалась популярностью у мужского пола, но мечтала о большой и светлой любви, пусть хоть и с зэком. Будучи замужем, она своего мужичонку ни во что не ставила, грубила ему, и он позволял ей делать это совершенно спокойно.

«Когда я этого идиота брала замуж...» Эта фраза была ее любимой, и вполне серьезно казалось, что и его тоже.

Она проживала какую-то совершенно невозможную жизнь — вечно у нее был оторван подол платья, зимой она носила сапоги на босу ногу и имела множество чудачеств. Они работали в одном детском саду, дружили и в коттедже жили в соседних комнатах.

Так вот, эта самая Маринка, увидев «компанию», молчаливо стоящую посреди тропинки, ворвалась в круг и коршуном налетела на Кудрявого.

— А чего это вы тут делаете? Что тебе надо от нее? Какие такие вопросы вы тут решаете?

Всех как замкнуло. Молчал в недоуменном оцепенении самый главный, застыла толпа только что агрессивных шестерок.

— Уйди, — наконец нашелся Кудрявый. — Уйди отсюда. Быстро.

— Да-да, мы сейчас уходим. Пойдем-ка, моя дорогая, чего ты тут стоишь, — и Маринка, хватая за руку, потянула ее из круга.

— Ты что — дура? — вопрос прозвучал нелепо и смешно.

— Да, точно, я — дура, — Маринка щебетала, уводя ее от опасности. — Она со мной пойдет, а вы домой идите, ребятки, вечер уже, поздно...

Вдруг Кудрявый неожиданно даже для себя самого расхохотался:

— Слушай, первый раз вижу такую идиотку! Ну прямо не могу на нее смотреть!

Круг зашевелился, дрогнул, и она вдруг почувствовала, что вот, пришло оно, то самое мгновение, когда она владеет ситуацией.

Она отодвинула Маринку рукой.

— Ты иди, мне тут договорить надо.

— Ты что — с ума сошла? Посмотри на них, — Маринка заглянула ей в лицо, увидела что-то и спросила уже совсем другим, нормальным голосом: — Ты уверена?

— Да, все в порядке, иди, — и спокойно взглянула на Кудрявого. — Так о чем это ты?

— Изнасилование...

— А, ну что ты, это же чушь. Ведь если бы ты действительно хотел меня изнасиловать, ты бы это сделал!

И она начала говорить...

Она, можно сказать, спела песню про то, как ей повезло, что на ее пути встретился именно Кудрявый.

Речь ее была пламенной и в том ключе, что этот, стоящий перед ней негодный и никчемный человек, на самом деле — желанный сексуальный партнер, что о применении силы и речи нет, всякая к нему сама пойдет, мечтая выполнить его самые невероятные эротические мечты. А уж если бы ему пришла в голову веселая мысль поиграть в изнасилование, то он моментально добился бы в этом успеха, так как велик и могуч, дееспособен и неистов. Она говорила, поднимая его реноме перед группой, делая сильным и важным, превращая давешний инцидент в веселую шутку, о которой и разговаривать-то — одно сплошное удовольствие.

Запутанный ее речами, но где-то чувствующий, что его похвалили, Кудрявый дал своему войску команду разойтись.

— Ладно. Проехали. Но если что — смотри...

И они растворились в леске, который еще недавно представлял для нее страшную и очень реальную угрозу.

Она пошла в комнату, где ее ждала встревоженная Чайкина.

— Знаешь, Маринка, ты, по-моему, мне сейчас жизнь спасла...

— Да что у вас случилось-то? Смотрю — стоят придурки, собираются кого-то бить, а в центре — ты! Ну я и пошла спросить, в чем дело.

— Если бы не ты...

Воспоминания снова вернули ей мысли об убитом дятле, разметанно лежащем на балконе. Кому это предназначалось и что значит? Какое-то смутное воспоминание из прочитанной случайной книжки говорило, что это нехорошее что-то, непристойное...

Она выглянула на улицу, стараясь не смотреть на птицу.

Вот и Инка с Римкой идут к коттеджу. Уже без пакета.

Вскоре она услышала шаги, разговор, и Римка Шарова — Шарик оказалась на пороге ее комнаты.

Глава 2

Шарик, Кот и Босоножки

— Здравствуй, моя хорошая, сигареточки не будет? — раздался знакомый то ли хрип, то ли свист.

Голоса у Римки не было совсем. Когда она разговаривала, из горла вырывался только натужный сип, совсем такой, каким его изображают в пародиях на алкоголиков. С лицом у нее тоже были проблемы — битое во всех возможных местах, оно постепенно приобрело вид, какой не приснится в страшном сне даже самому фанатичному боксеру. Нос, судя по всему, ломался неоднократно, и сейчас являл собой зрелище экзотическое — имел сложную конструкцию, и становилось непонятным, как с ним таким можно жить.

Короче, Римка Шарик была достопримечательностью здешних мест, и она называла ее «лицом нашего коттеджа».

Как-то раз в ее комнате собралась компания, пели под гитару туристские песни, разговаривали о книгах... И вот в момент обсужде-

ния достоинств произведений кого-то из диссидентов и спора о концептуальных разногласиях означенного автора с его оппонентами открылась дверь, и в проеме возникла Римка со своим традиционным: «Сигареточку...»

В комнате воцарилась полнейшая тишина, никто был не в силах произнести ни звука.

— А, можно, значит... Я тут, на столике, возьму и уйду, мои хорошие. Отдыхайте, — просвистела Римка, унося с собой добрую половину всех сигарет.

Прошло не меньше минуты, когда раздался неуверенный голос.

— Это что такое только что сюда приходило?!

— Да это Шарик, нянечка из младшей группы. Она ничего, хорошая. Пьяная только все время, а так — хорошая.

— А что у нее с голосом?

— О! «Этот стон у них песней зовется»!

— А с лицом?..

— Ну, знаешь... Она же нянечка, а не модель.

Вечер продолжился, но было ясно, что явление Шарика в дверях произвело сильнейшее впечатление.

Сейчас Римка по-хозяйски шарила по столу, собирая сигареты, прихватывая по пути шоколадку и яблоко.

— Ай, спасибо, моя конфеточка! А ты чего такая грустная?

— Фу, Шарик, не дыши на меня. Как можно — с утра и такую дрянь.

— А где ж не дрянь-то взять, радость ты моя, когда зарплата у няньки — сама знаешь. А организм — он все время требует!

— Что это вы с Инкой в синий домик ходили?

— А ничего... Просто так... А ты видела, что ли?

— Да, с балкона. Посмотри, что у меня там лежит. Не знаешь, кто это сделал?

Римка вышла на балкон.

— Ой, беда, беда... Слушай, ты, наверное, побоишься... Хочешь — я здесь все уберу?

— Слон сказал, что кто-то придет и уберет...

— Ой, пока они соберутся... Ты иди в комнату и не смотри.

— Ладно, давай... Только не трогай полотенце!

— Ой, надо мне твое полотенце, подумаешь!

— Надо, Шарик, я знаю...

— Ну ладно, ладно, не трону.

Пока Римка убирала, она лежала на кровати, глядела в потолок и думала — как живут такие люди.

Вот, скажем, Шарик, у которой была отдельная квартира в Купчино, маленькая дочь и какой-то призрачный муж, крайне редко появлявшийся в ее жизни. Римка называла свое жилище блатхатой и устраивала там ежевечернее веселье, где собирались местные гопники, пьяницы, криминальные какие-то люди.

Эти праздники заканчивались тем, что хозяйку квартиры били, а потом расходились кто куда, иногда, впрочем, падая без сил, где придется. Утром из блатхаты выходили сумеречные люди и с тоскливым взором бродили по дворам, стреляя копейки на опохмел. Римка надевала огромные солнцезащитные очки, чтобы скрыть очевидные следы проявления грубой нежности своих кавалеров, и шла на работу в детский сад.

Денег не хватало, но в такой работе имелось преимущество — и она и дочка были сыты, ребенок находился в тепле и относительно уюте, когда Римка оставляла ее в саду на пятидневку.

Вечером она шла домой, неся в баночках пюре с котлетами, доставшееся ей от лояльных кухонных работников, и нарезанный хлеб, который дети все равно не ели, только баловались и кидали друг в друга скатанными шариками. Мыло, салфетки и туалетная бумага тоже ничего не стоили, этого добра в группе было навалом — что-то выдавала завхоз, а большей частью приносили родители. Так что едой и гигиеническими принадлежностями Римка была обеспечена, оставалась одна, но каждодневная проблема — где достать выпить. И главное — на что?

Вот здесь и пригождались друзья и кавалеры, у кого-то всегда сколько-то монет имелось, а если скинуться, а если на круг, то выходило, что каждому достанется, и пойдет веселое разгуляево под Римкины котлеты.

Самое интересное, что она была довольна такой жизнью! Она ее устраивала! В этом мире, где не имелось ни книг, ни телевизора, потому что тот давно был продан за копейки, где не было даже часов, потому что последние, настенные, она с приятелем загнала кому-то ночью на вокзале, Римка находила свой смысл и привлекательность.

Под ванной, которая почему-то находилась на кухне, жили крысы, и по ночам они рылись в мусорном ведре, шурша полиэтиленом. Это никого особенно не беспокоило, даже веселило ее гостей, считавших, очевидно, этих тварей домашними животными.

Ключи от квартиры часто терялись, поэтому большую часть времени дверь, хранящая на себе следы прежней установки многочисленных замков, не запиралась вовсе. Внутри всегда кто-нибудь находился, кто-то спал, кто-то мылся в проржавевшей ванной, из которой вода уходила только через полчаса, а кто-то на кухне варил чифирь, в глубокой раздумчивости глядя на огонь газовой конфорки.

Время от времени в квартире появлялись таинственные люди, говорящие на странном языке с массой незнакомых терминов и понятий, и с их приходом на столе оказывались очень точные весы, и кто-то примешивал к чему-то сахарную пудру, взвешивал, а потом делил на малые части, сворачивал и уносил с собой.

После их ухода Римка становилась несколько богаче и могла позволить себе выпить с друзьями напиток более дорогой, чем купленная в аптеке антисептическая жидкость. Тогда затевался большой праздник, но никто даже словом не смел обмолвиться о людях с весами. Тема эта в доме не обсуждалась, не осуждалась, народ знал — это ее бизнес.

И вот несмотря ни на что, Римка оставалась удивительно чистой и какой-то незапятнанной. Казалось, что и крысы-то в ее доме не от грязи, а потому, что она просто к ним добра и соглашается с проживанием этих дополнительных жильцов. Всегда готовая помочь, приветливая и необидчивая, она имела только две слабости — стянуть что-нибудь, что плохо лежит, причем делалось это почти в открытую, ну и выпить, конечно. Мозг должен быть затуманен не важно какого качества зельем, и тогда знакомый хриплый голос привычно звучал на веранде коттеджа, успокаивая, даря надежду на то, что все будет хорошо. Ее все любили.

Размышления прервал Римкин голос.

— Ну, вот и все, сладкая моя, живи себе да радуйся, а я пошла.

— Спасибо, Шарик. Мне на смену как раз нужно, пока.

Когда за Римкой закрылась дверь, она встала, бесцельно походила по комнате и, не придумав себе никаких дел, вышла на улицу.

Было еще рано, и она шла не торопясь мимо коттеджей, мимо частных домиков и детских площадок.

Ее догнала Людка — воспиталка из средней группы.

— Представляешь — меня обокрали! Что теперь делать?

— А что взяли?

— Фен, босоножки, денег немного, и так по мелочи — косметика, там, духи...

— Да ну, ерунда, найдется все, — сказала она, и тут же ей вспомнились Инка с Римкой, стоящие у синего домика, и пакет в Инкиной руке. — А лучше — забудь.

— Ты что! Этот фен мне муж из загранки привез! Такого ни у кого нет! Что я ему скажу?.. И босоножки — тоже в «Березке» куплены на чеки.

Людка рассказывала и все время смотрела на нее, потом вдруг что-то увидела, что-то поняла.

— Ты знаешь! Говори, кто украл!

— Ничего я не знаю! Откуда? С чего ты взяла?

— А ты все это время дома была и могла видеть, — Людкины интонации приобрели сварливый и какой-то обвиняющий оттенок.

Не хватало еще, чтобы ее сюда приплели! Похоже, это Римка с Инкой босоножки свистнули, но ей до того не нравилась Людка, что она решила молчать, да и не хотелось вмешиваться. Пусть сами разбираются.

— Не видела я ничего — спала перед сменой.

— Наверное, надо в милицию заявить...

— По-моему, это глупо, да и кража-то мелкая.

— Для тебя, может, и мелкая, а для меня — очень даже крупная. Мне кажется, что ты все-таки знаешь — у тебя было такое лицо...

— Нормальное у меня лицо, отстань.

И они разошлись в разные стороны.

Ах, Римка, Римка, не удержалась все-таки! Ну, от Инки, положим, всего можно ожидать. Как-то предполагалось, что у нее будет серьезное криминальное будущее — неулыбчивая, немногословная, она, казалось, готовилась к преступлениям с крупными сроками. Ее устраивал Слон и все его друзья, в этом мире она чувствовала себя уверенно и спокойно, а сидящий в тюрьме муж придавал ей какую-то особенную значимость. Непонятно, чем уж тут можно было гордиться, но сей факт делал ее полноправным членом всего этого сообщества, она была такая же, как они, да и фамилией ее супруг наградил уникальной — Хапутина. Тут и кличка не нужна! С таким «погонялом» — прямой путь в тюрьму. И надолго.

Украденные босоножки и фен представляли собой добычу почти драгоценную. Вещи тогда назывались просто «импортные», было неважно даже, из какой они страны, главное что не отечественные. Что-то доставалось с рук, а что-то в магазине «Березка», где моряки дальнего плавания могли купить на чеки или, как их тогда называли,

боны, товары заморского производства. Торговля чеками налево шла очень бойко, и скоро половина страны, одетая в «импортное», пила тогда (о, чудо!) баночное пиво и имела технику, с которой и обращаться-то было неизвестно как. Причем эта половина никакого отношения к морским делам не имела.

Лучше бы Людка не заявляла в милицию, девчонок ждут неприятности — вещи-то дорогие, дефицитные.

«Ладно, бог с ними со всеми», — она уже входила в группу, началась вечерняя смена.

Вообще-то работать нужно было сутки, но она всегда старалась с кем-нибудь поменяться, ей не нравилась дневная суета и беготня, то ли дело — вечером, когда дети утомляются и можно будет с книжкой сидеть в полной тишине, изредка нарушаемой детским бормотанием. Что-то было таинственное в этой спальне, где тридцать детишек видели сны, оттуда исходило ощущение великого покоя, и она была хранителем его.

Сейчас читать не хотелось, она сидела и рисовала бабочек, больших, разноцветных и диковинных. Позже она приклеит их на стены, и группа преобразится, станет нарядной, а дети даже не сразу поймут, куда это они попали.

В окно постучали. Она выглянула — Кот.

— Привет! Выйди, поговорить надо.

— Попозже — еще не все спят.

— Ладно, подожду... Слушай, одеколон прихвати.

Она закрыла окно и ушла в спальню. Чего это Коту понадобилось? И одеколон еще... Наверное, он будет его пить! Нужно обязательно посмотреть — она никогда не видела, как это делается, ведь трудно даже представить, как можно проглотить такое.

На полке в спальне стояла батарея из бутылочек одеколona «Гвоздика». Родителям предписывалось непременно снабдить свое чадо этим средством для избавления от комаров. Оно действительно помогало, отгоняло насекомых и снимало боль, а в группе стоял устойчивый запах, к которому все скоро привыкли и перестали замечать.

— Чего тебе? — она вышла на крыльцо, держа в руках бутылочку.

— Одеколон принесла? Давай сюда. А кружка где?

— Зачем? Ладно, сейчас...

Тоже мне — эстет, не может прямо так выпить!

— Ну, говори — зачем пришел? Знаешь ведь — тебе здесь нельзя.

— Да сядь ты!

Она села на детские качели и смотрела, как Кот отвинчивает колпачок.

— А Надька где, почему один?

— Дома спит. Ей завтра утром на сутки выходить.

Он сидел на корточках перед качелями, но пить не спешил — сосредотачивался. Потом медленно и с явным трудом проглотил все содержимое. Ее передернуло.

Кот достал из кармана конфету «лимончик» — желтый карамельный шарик — и сунул ее в рот. Вот и все. Достаточно прозаично. И ничего такого в этом нет, разве что запах... Он моментально заполнил собой все пространство и казался неуместным — если человек выпивает, то обычно предполагается еда, закуска, а не ароматы парикмахерской.

И еще было необычное — Кот моментально, за считанные секунды, стал совершенно пьяным. Пока он говорил с ней, язык все больше и больше заплетался, а когда минут через десять он пошел домой, то сделал это потому, что уже не мог сформулировать свою просьбу. А заключалась она в том, что Коту очень нравилась девочка-воспиталка из младшей группы, и он просил его ей представить. Сам знакомиться не решался — благоговел.

Звали ее Нина, и она действительно выпадала из общей схемы. Необыкновенно изящная, тонкая, «импортная», одним словом.

Кот был в восхищении.

— Ты только посмотри, какая у нее талия!..

— Да, Нинка красивая, что и говорить.

Она разговаривала с Котом, а сама не понимала, как такой человек может о талиях рассуждать. Казалось, что ему подавай какую-нибудь маруху, крепкую телом и без мозгов. А Нинка-то книжки читает, о высоком говорит.

Кот появился у них вместе с Надькой, ее сменщицей. Та подобрала его где-то в местном ресторане, где собиралась неприятная публика, он пришел с гитарой и сразу же остался ночевать. Это произошло в самом начале сезона, было необычным, но Надькины подруги рассказали ей, что это — дело привычное, не может Надька без кавалеров и согласна практически на любого, в любом месте и в любое время.

Кот был весь в татуировках. На плече у него красовалась какая-то девица, имелись еще знаки, а выше ремня виднелась голова котенка. Надька говорила, что в трусах скрывается его полное изображение.

Кот великолепно играл на гитаре, и они часто пели на веранде, собирая толпу, — всем нравилось.

Надька жила с ним прямо-таки семьей, ревновала, устраивала скандалы, а он терпел пока, у него вообще характер был не скандальный. Только вот среди своих он не имел уважения. Парни, даже моложе его, относились к нему безо всякого почтения. Что-то, видимо, было такое в его криминальном прошлом, что допускало такое поведение, но что — она не знала. Историю его отсидок могли бы рассказать татуировки, но она не умела их читать. А этим — им первого взгляда достаточно, чтобы понять, кто перед ними.

Помимо питья одеколона Кот не отказывал себе и в иных радостях — сидел на «колесах» и употреблял, похоже, все, от чего дуреют. Его однажды после приема очередной дозы какого-то снадобья замкнуло, а он как раз пиво пил у ларька, вот и стоял потом как истукан с кружкой в руке, не в силах шевельнуть даже пальцем.

— Представляешь, стою, держу пиво, вот она, кружка, а поднести к лицу не могу. Просто первый раз такое!

— И не последний... Завязывал бы ты с этим.

— Нет, не хочу. Мне так жить нравится.

Он как будто сам себя разрушал, губя свою жизнь целеустремленно и безжалостно, даже казалось, что с каким-то отчаянным удовольствием.

Да, грустно все и печально. Этот парень здесь, на земле, ненадолго.

Она посидела еще немного на качелях. Никого, конечно, она знакомить не будет, скажет только Нинке о Коте, причем ответ заранее известен. Да и местный ментовский начальник что-то зачастил в комнату, где та жила с подружками. Так что при любом варианте — Кот не при делах.

В группе все было тихо. На столе лежали бабочки, похожие на цветы, книжка Моруа, в спальне кто-то разговаривал во сне. Она пошла туда, села на пустую кровать, посидела немного, размышляя, а через несколько минут уже сладко спала, убаюканная ровным дыханием детей.

Утром в привычной суете убирки кроватей, мытья десятков лиц и вытирания носов она не заметила, что в группе находится еще кто-то, и этот кто-то наблюдает за ней.

— Здравствуйте, я к вам, — на нее, улыбаясь, смотрел приветливый мужчина небольшого роста.

Милиционер.

— Здравствуйте...

— Мне сказали, что вы можете рассказать о краже.

— Я, о краже?.. О какой?

— О, не надо делать такое лицо, — он улыбнулся еще шире. — Вы прекрасно знаете, о какой. Короче, через десять минут я жду вас в спортивном зале.

Ну, Людка, ну, змея! Как же так можно, не предупредив, не посоветовавшись...

У нее украли босоножки, и теперь весь детсад должен давать показания! Всем миром искать будем, привлекая органы, давайте еще международный розыск объявим!

Она поднималась по лестнице, ругая Людку, раззадоривая себя, а сама думала, как бы сделать так, чтобы остаться в стороне от всего этого.

Постояв немного у двери и собираясь с мыслями, она постепенно успокоилась, нажала ручку и вошла в зал.

Глава 3

Мент, Обморок и дядя Надя

Он сидел на стуле у окна, что-то разглядывал там, за стеклом, махал кому-то рукой и смеялся.

— Приятно смотреть на детей, когда они играют, правда?

— Да, приятно, — суховато ответила она, решив быть осторожной и сначала послушать, что скажет ей этот милиционер.

— Ну что ж, — он стал серьезным. — Берите стул, садитесь, сейчас поговорим...

Она постояла молча, потом, как бы желая показать ему, что ее просто так не возьмешь, села на подоконник.

— О чем?

— Ну, вы же знаете, что у Людмилы пропали вещи.

— Да, она мне говорила.

— И вы знаете, кто их взял... Не спорьте, пожалуйста, не нужно, — он даже поморщился, настолько ему было неприятно ее грядущее вранье.

Они все по лицу, что ли, читают? Сначала Людка догадалась, теперь этот вежливый милиционер.

— Поймите, те, кто это взял, люди бросовые, никчемные. Вы же видели проживающий здесь контингент. Чего же вам их жалеть? Кража у них не первая и, уверяю вас, не последняя, а вот вы можете попасть в ситуацию для вас малопривлекательную.

— То есть? — ей было странновато слышать грамотную речь.

В детском саду обитает кто — дети, говорящие на своем великолепном языке, да нянечки, не утруждающие себя ни чтением, ни учебкой. Воспитатели в какой-то мере еще могли бы претендовать на звание людей образованных, но годы работы с детьми свели и их словарный запас к минимуму. А здесь, в Луге, близкое общение с блатными наводило на мысль об отсутствии печатного слова в принципе, казалось, что всякие там Пушкины-Гоголи плод не вполне здорового воображения.

Милиционер был терпелив.

— Сейчас объясню. Вот вы знаете, кто взял.

— Нет.

— Погодите, — он с досадой посмотрел на нее. — Знаете. И не спорьте. Это ведь Шарова с Хапугиной, верно?

Она отвернулась и стала смотреть в окно.

— Верно, — удовлетворенно сказал мент.

Он получил ответ на свой вопрос, а она стояла у окна и боялась обернуться. Было ясно, что только что сделано признание, фатальное и бесповоротное.

Милиционер встал, походил по залу, подошел к стульям, в беспорядке стоящим у стены, и стал их выстраивать, делая ровные ряды, как по линейке.

— А давайте побеседуем без протокола. Вы мне расскажете, а я не буду просить вас ничего подписывать.

— Давайте, — вдруг согласилась она.

Ей захотелось просто поговорить на нормальном языке с нормальным человеком, пусть даже и с ментом, и даже лучше, что с ментом, потому нужно было расспросить его о том мире, в котором она оказалась и который совсем не понимала.

Она взяла стул, села рядом с ним, и они проговорили с полчаса. Этот человек кое-что объяснил ей, потом рассказал о своей работе, о том, что почти не бывает дома, что сегодня, например, готовится большая облава, и опять его жена и ребенок проведут целый вечер,

а то и ночь без него. Что-то становилось понятным, и она чувствовала, что постепенно оказалась на стороне этого приятного человека, стала его единомышленником. Все Слоны и Коты стали малопривлекательными представителями криминальной среды, с которыми, конечно же, надо — что? Бороться! Всеми силами и средствами.

Самое интересное, что во время разговора он ни разу не заговорил о краже, которая привела его сюда, только в конце вдруг замолчал, и она поняла, что они вот так, с разбега, опять попали в эту историю. Он поднялся, взял стул и поставил его в ряд других таких же стульев, ровно-ровно поставил.

— Значит, Шарова и Хапутина?

Она сделала неувловимое движение головой — почти кивнула.

Он пошел было к двери, но остановился и повернулся к ней.

— Если вы знаете, кто это сделал, то тогда знаете и где вещи...

Ну уж нет! Тут он от нее ничего не добьется — и так сказано достаточно. Она сделала непроницаемое лицо.

— Так вот, — продолжил он. — Хочу вас предупредить — как только вы к ним прикоснетесь, вам тут же грозит заключение под стражу.

— Как это?

— Это называется «заранее не обещанное укрывательство». Ведь вы не обещали им сохранять украденное, верно? Верно... — он снова улыбнулся и стал прежним иезуитом-ментом. — А держа эти вещи в руках, вы их укрываете? Укрываете... Ну, вот вам и статья.

— Да ну, это вы так, шутите. Чего уж тут такого криминального?

— Два года тюрьмы. До свидания.

Он ушел, а она осталась стоять у окна и видела, как девчонок посадили в машину.

Арестовали.

Дальше работать было невозможно, в голове крутились какие-то мысли о предательстве, о долге, о ворах и честных людях... Нужно во всем этом разобраться, и она стала искать Галину, одну из сменщиц, влюбленную в нее няньку-лесбиянку.

С этими нетрадиционными девушками была прямо беда. Они буквально атаквали ее, появляясь неизвестно откуда. Чем уж она их так привлекала, неизвестно, разве что нарочитой женственностью фигуры, но тогда, напротив, мужской пол должен был бы слетаться как на мед, а не такие, ну, иные, что ли...

Это повелось еще с юности, подобные дамы появлялись на ее пути с каким-то пугающим постоянством. Другие девчонки и слыхом не слыхивали об отклонениях такого рода, а у нее возникла целая проблема.

Здесь, в Луге, обитало некое существо по имени «дядя Надя», оно работало в кочегарке и на вид было как будто мужского пола, хотя говорили, что у него «там» есть и то и другое. Короче — гермафродит.

Существо всегда было одето в черную спортивную форму, тоненькая фигурка была совсем мальчишечья, издалека вообще казалось, что это подросток, школьник. И вот оно влюбилось в нее беззаветно и, разумеется, безответно, что не мешало этому чуду-юду постоянно возникать у нее на пути. Оно держалось на почтительном расстоянии, не приближалось, но часто сопровождало ее то на работу, то в магазин. Время от времени дядя Надя приходила в коттедж и стояла рядом с дверью комнаты предмета обожания, не рискуя постучать. Потом все-таки набиралась мужества, ударяла по двери и убегала.

Первое время она боялась, что это существо нападет на нее, но потом успокоилась, видя, что оно безобидно. Пусть себе ходит и вздыхает, раз ему нравится. Она даже слегка беспокоилась, если вдруг дяди Нади не оказывалось в поле ее зрения.

Девчонки сначала смеялись, потом привыкли и перестали обращать внимание на этот эскорт.

Еще одна была в поселке, куда воспитательницы ходили иногда в свободное время потанцевать. Отзывалась она на кличку Обморок и не желала, чтобы ее считали женщиной, носила только мужскую одежду, а грудь, которая выдавала ее принадлежность к слабому полу, безжалостно бинтовала, стараясь быть как можно более плоской.

Отношения здесь установились другие. Обморок всячески оберегала ее от посягательств, следила, чтобы не обидел кто ненароком. Это было удобно, потому что из-за такой опеки пьяные пристававшие местных ухажеров не имели успеха, и она могла спокойно танцевать, наслаждаясь светом, музыкой и вообще — атмосферой танцзала. Теперь, правда, и нормальные люди не смели подойти к ней с приглашением, но это было все равно, она не собиралась выходить замуж.

Обморок на честь ее не посягала, потому что еще раньше у них произошел разговор, и способ общения был определен — обожание на расстоянии и добровольное покровительство.

Слон очень веселился по этому поводу. Он тоже бывал на танцах, но только в качестве зрителя, сидел в тени, следя за тем, чтобы девчонок из коттеджа не обижали. Обморок всегда была недовольна, что в число курируемых Слоном объектов попадал и ее предмет обожания, и вела с ним нескончаемые разговоры, обычно переходящие в грубую брань и почти драку. Она налетала на обидчика с кулаками, а тот, смеясь, уворачивался некоторое время, потом одним ударом валил ее с ног и покидал поле боя.

Обморок, вся в совершеннейшем раздрае, садилась на мотоцикл, исчезала на некоторое время, уезжала куда-то — приходила в себя, наверное, а потом возвращалась, чтобы не упустить момента, если на ее любовь кто-нибудь позарится и нужно будет снова биться насмерть.

И вот теперь в группе, не где-нибудь, ее сменщица тоже начала проявлять ненужную симпатию. Уже немолодая женщина, в возрасте, в котором, казалось бы, должно быть уже все равно, Галина всегда молча, по-собачьи, глядела на нее и была готова выполнить любое желание. Нужно было только постоять рядом и дать подержаться за руку.

— Галь, я сегодня чего-то плохо чувствую себя... Не подменишь?

Глаза, как у больной и очень преданной собаки, посмотрели с надеждой и любовью.

— Конечно, — Галина взяла ее руку в свои, и она почувствовала, что та дрожит и старается это скрыть, но не может.

Господи, что же это с ними такое происходит? Если бы мужчина, то хоть и с большим натягом, но можно было бы такое допустить, но впадать в экстаз от женщины... Абсурд, дикость! Тем не менее перед ней стояло и тряслось существо, искренне переживающее сильнейшее чувство.

Она, как всегда, немного испугалась такого откровенного проявления любви и хотела забрать руку, но Галина не отпускала и все смотрела и смотрела, рассчитывая хотя бы на доброе слово.

— Ну, ладно, Галя, хватит, — ей удалось, наконец, освободиться от рук сменщицы, и она отошла к окну. — Менты уже уехали?

— Да, все говорят, что именно после разговора с тобой девчонок арестовали. Что вроде как ты их выдала. Представляешь, дуры какие?

— Действительно... А кто говорит?

— Людка, да и остальные тоже.

Очень мило! Теперь все будут думать, что это она Инку с Римкой сдала. А что тут думать — так оно и есть. И сама не заметила, как это получилось, купилась на приятную интеллигентную беседу.

На душе стало совсем погано.

— Ну, так я пойду?

— Иди, конечно, — Галина подошла сзади и положила руку ей на плечо.

«Ладно, подождем немного, раз человеку нужно», — подумала она и осталась так стоять, не меняя позы и не отстраняя сменщицу. Дурацкая деликатность! Ей почему-то было неловко просто взять и отвергнуть Галины ухаживания. Чуть ли какая-то, нелепица, но она стояла и ждала, пока та успокоится.

Когда по ее понятиям прошло достаточно времени, она отстранилась, сняла Галину руку со своего плеча и вышла из группы.

Куда пойти? Домой? Нет, лучше — на качели.

В парке, принадлежащем пансионату, были заброшенные аттракционы, на которых никогда никто не катался, все кругом заросло травой, и это стало ее любимым местом. Больше всего ей нравились качели-лодочки, серьезные, большие, не детские. Она умела раскачиваться очень высоко, оказываясь практически вниз головой. Тогда становилось страшно, и это было именно то, ради чего она сюда приходила. Рядом росли длиннющие ели, и когда лодочка дном касалась их вершин, то раздавался хруст, а она, холодея от ужаса и восторга, понимала, что сейчас находится на страшной высоте. Земля то стремительно приближалась, то удалялась, и каждый раз она взлетала и падала, взлетала и падала, и прекрасней этого ничего не было на свете.

Она проводила много времени на этих качелях. Сумка с кошельком лежала на деревянном помосте рядом с ними, и однажды ее просто унес какой-то парень. Он еще, змей, что-то пошутил, а она, в тот момент сильно раскачавшись, видела, как он забирает всю ее наличность, и ничего не могла поделать — качели-то мгновенно не останешь. Глупейшая ситуация!

Сегодня и здесь все казалось враждебным. Она сидела в лодочке, и ей не хотелось ничего — так противно было на душе.

Ну кто ее за язык тянул, спрашивается? И ведь этот мент не прикладывал почти никаких усилий — сама дала понять, что это Инка с Римкой, а потом еще беседовала с ним о жизни, видишь ли, о престоупности, понимаешь ли... Решала, можно сказать, проблемы!

Вечер был душный, ни ветерка, в свитере было жарко, она сняла его и положила рядом на помост. Сейчас здесь никого не было, и за сохранность имущества можно не беспокоиться. Хотя... Да нет! Не будут же этот свитер у нее все время воровать!

Она встала и начала раскачивать качели с какой-то яростью, топясь, как будто не успеет. Старая смазка на качелях давно кончилась, и в парке раздавался почти человеческий визг. Он пугал и подгонял ее, и она ускоряла движения, с силой разгибая колени, стараясь вложить в это движение всю силу, на какую была способна.

Лодочка уже давно трепала верхушки елей, но она продолжала раскачивать ее.

«Что, страшно тебе? Отлично! Получи! Еще! Еще!»

Как будто себе назло. Как будто — наказывая за подлость.

Потом она стояла в неистово качающейся лодочке, ветер трепал волосы, неласковый, злой, бил по лицу, и она ощущала его удары как пощечины.

Потом она шла по пустому парку, опустошенная и несчастная. Качели не помогли.

«Так тебе и надо».

Она вдруг подумала, что сейчас непременно нужно сделать что-то хорошее, полезное и доброе, а то чувство собственной никчемности завладеет ею полностью и останется надолго.

Разговор с ментом все крутился в голове, и она вдруг вспомнила — облава! Надо срочно предупредить Слона. Вот оно — доброе дело! Пусть она предала Римку с Инкой, но зато предупредит всю шатию-братию о сегодняшних ментовских злодействах.

Воодушевленная этой новой мыслью, она быстро пошла по дорожке.

Сегодня в поселке не танцуют, значит, он с ребятами здесь, в пансионате, на «пятаке». Как всегда, он был в темноте, невидный и неслышный, но за всем наблюдающий и все понимающий.

Она подошла к нему. На деревянном помосте резвились отдыхающие, принявшие на грудь пожилые мужички танцевали с такими же тетками, им было весело. В их мире, где наибольшим злом являлся безобидный флирт, могли произойти лишь незначительные события, что они могли знать о кражах, тюрьмах, ворах и милиции...

Они стояли молча, глядя на этот «праздник жизни», время шло, ей не хотелось разговаривать, но надо было сделать то, ради чего пришла. Она еще потянула время. Что ж, надо говорить.

— Слышь, Слон, сегодня вечером какая-то серьезная облава будет, так вот — я тебя предупредить пришла.

— Откуда знаешь?

— Слышала... Сведения достоверные, от самих ментов получены.

— Ты что это, с ментами водишься?

— Это они со мной водятся, — она поняла, что он не знает про разговор в спортивном зале. — Ладно, мое дело — передать.

— Ну, спасибо, дорогая! Нет слов! Я всегда говорил, что ты — супер!

«Ты даже не представляешь себе — до какой степени! Знал бы ты, что я только что твою Инку сдала».

— Да ладно, ничего такого, подумаешь... Ну, я пошла, что ли?

— Да, спасибо еще раз, и я пойду, мне тут надо...

Он пошел, махнув кому-то в толпе, оттуда вышли два парня и двинулись в том же направлении. Ну вот — теперь весть распространится со страшной скоростью, и все окажутся предупреждены.

Она прислушалась к себе. Нет, ничего не произошло, стало, пожалуй, еще хуже. Получалось, что теперь она поступила подло по отношению к менту, который доверил ей тайну облавы.

«Что-то я не то чего-то делаю, что-то я неправильно живу», — вспомнилась ей строчка из какого-то стихотворения. Вот уж точно — не то. Шла бы уж в одном направлении, а так — в стремлении всем угодить наподличала и там и тут. Сказать-то никому ведь нельзя!

Главное — она ничего не украла, противозаконных действий не совершала, а сама, своими собственными руками затащила себя в середину криминального конфликта и, как ни крути, везде проиграла.

Ничего не будет удивительного в том, что ее возненавидят обе стороны.

Она шла, мысленно ругая себя, не зная, как из всего этого выйти, получалось, что человек-то она не очень хороший, плохой, можно сказать, человек...

Уже почти у самого коттеджа ей опять вспомнился разговор с милиционером.

«Не обещанное укрывательство». Эти малопонятные слова не выходили у нее из головы, и она все думала об этом, когда неожиданно для себя свернула с тропинки и решительно зашагала к синему домику.

«По-моему, я делаю какую-то глупость».

Эта мысль пришла ей в голову тут же, как только она постучала в обшарпанную, осыпающуюся синей краской дверь и услышала приближающиеся шаги.

В проеме показалась женщина, которая, казалось, никогда не умывалась и не причесывалась. От нее исходил запах только что выпитого низкосортного алкогольного напитка, в руке она держала пучок зеленого лука и пыталась сконцентрировать взгляд на девушке, которая зачем-то пришла к ней в столь неурочный час. Отчаявшись в этой попытке, она собралась уже захлопнуть дверь, как выяснилось, что это невозможно — посетительница подставила ногу, не давая хозяйке домика ускользнуть.

— Я от Риммы с Инной.

— От кого?..

Видно было, что любительница лука не имеет ни малейшего понятия, о ком идет речь. Она стояла, глядя в пространство, перебирая, наверное, в памяти всех, кто встречался на ее жизненном пути. Потом, пожав плечами и откусив еще порцию лука, стала медленно жевать, глядя на посетительницу в надежде, что та даст ей какую-нибудь новую информацию.

— От Риммы с Инной. Они сегодня приходили и приносили вещи.

В спутанном сознании женщины две какие-то мысли обрели стройность, и она кивнула.

— Ну?

Опять воцарилось молчание. Стало очевидным, что на этом хозяйка дома предполагала закончить разговор, потому что попробовала еще раз дернуть дверь. Та не поддавалась, а назойливая посетительница почему-то не уходила, не давая ей возможности хлебнуть хмельного напитка, находящегося где-то в недрах темных комнат.

— Они попросили меня прийти, забрать вещи и перепрятать.

— Ну? — и опять замолчала.

Время шло.

Две женщины стояли друг напротив друга, думая каждая о своем.
«И чего эта зараза пристала? Пока я тут стою, мужики все выпьют...»

«Да, тяжело... Надо было раньше приходиться, пока алкогольные возлияния еще не заимели такого очевидного действия».

Она решила идти напролом.

— Что — ну? Вещи — где?

— Вещи?..

— Да, пакет!

— Ах, пакет... — и она исчезла в недрах своего жилища. — Вот, возьми... Всё?

— Всё!

Дверь захлопнулась, и от стены дома отвалился очередной кусок синей краски.

Она стояла на пороге, держа в одной руке пакет с украденными босоножками и феном, в другой — свитер, тоже в свое время похищенный, но счастливо возвращенный Слоном. Оглянулась на котедж. Все окна ярко освещены, в любой момент кто-то может взглянуть на улицу и обнаружить ее здесь с уликами в руках.

Завернув пакет в свитер, она быстро пошла по тропинке к детскому корпусу.

Нужно вернуть вещи Людке! Тогда она заберет заявление, и все ошибки будут исправлены.

Проходя мимо леска, она увидела, что на тропинке стоят три милиционера и о чем-то разговаривают между собой. Если сейчас резко свернуть, то это может вызвать у них подозрение, они могут ее остановить, а с тем, что у нее сейчас в руках, лучше обойтись без этих экспериментов.

А что такого? Она идет себе в группу, неся что-то в красивом разноцветном свитере, а что — их не касается.

Когда она проходила мимо этих троих, то думала, что не выдержит и чем-нибудь себя выдаст. Но ничего такого не произошло, они только посмотрели на нее, поулыбались и снова стали говорить о чем-то, что было им гораздо интереснее, чем рассматривать прогуливающихся девушек с носильными вещами в руках.

А что это, интересно, они тут делают? Она со всеми своими переживаниями совсем забыла об облаве, думала только — как бы побыстрее избавиться от вещей. Слова о не обещанном укрывательстве и двух годах тюрьмы имели сейчас к ней непосредственное отношение.

Она тихонько вошла в группу, где работала Людка, и сунула свитер с пакетом в ближайший детский шкафчик. Хорошо, что никто не видел.

— Люд, пойдём, покурим, — она заглянула в спальню, где дети уже готовились ко сну.

— А, это ты... Пойдём.

Они вышли на крыльечко и сели на ступеньки деревянной лесенки. Некоторое время молча курили.

— Люд, ты зачем менту сказала, что я что-то знаю?

— Но ведь это правда! Все так и оказалось. Я и подумать не могла, что это Инка с Римкой, но после разговора с тобой их сразу же арестовали. Значит, не зря я ему на тебя показала. А это правда — они?

«Господи, какая дура! Тупая, как не знаю что!»

— Правда...

— Ну надо же, никогда бы не подумала! А ты откуда узнала?

— Видела... Слушай, а если я тебе вещи верну, ты заберёшь заявление?

— Ты их нашла? Ты знаешь, где они? — Людка вскочила, бросила сигарету на траву, готовая бежать куда угодно за своими несчастными босоножками и феном.

— Сядь, я тебя спросила про заявление. Заберёшь?

— Заявление? Зачем?

«Она ещё глупее, чем я думала».

— Ну, девчонки же в тюрьме!

— Девчонки? Ах, ну да, ну да... Заберу конечно.

— Рано утром пойдёшь в милицию и прекрати это все. Ладно, я пошла.

— А вещи?..

— В прихожей, в шкафчике, на дверце — котенок.

Она пошла обратно к коттеджу по той же тропинке, и видела, что милицейская тройка куда-то подевалась, все кругом тихо, пристойно.

«Вот вам, ребята, и укрывательство! Прошла мимо них, а они даже и не догадались, что у нее в руках!» — «Очень даже глупо, примитивно и пошло!»

В ней как бы разговаривали между собой два человека. Один радовался, что авантюра с возвратом вещей удалась, а другой сомневался в том, нужно ли было вообще что-либо предпринимать.

Так или иначе, но имущество теперь у хозяйки, и получается, что никто не виноват.

Навстречу попалась Светка.

Она шла под руку с новым кавалером.

— Привет, Светик!

— Привет, познакомься — Сергей!

— Ну, здравствуйте, Сергей, — она критически оглядела молодого человека. — Будем, как говорится, знакомы...

Ничего, сойдет, мелковат только.

— А ты чего одна гуляешь? Давай с нами! Мы сейчас к Зинке-поварихе идем, посидим у нее, выпьем, потанцуем...

— Спасибо, я подумаю, но не ждите.

Ей никуда не хотелось идти, она еще не остыла от переживаний, и Светкина компания совсем не подходила для того, чтобы вернуться в состояние покоя и умиротворения.

Она смотрела вслед уходящей парочке — ну, Светка, ну, дает! Почти ежедневно меняя кавалеров, эта жрица любви имела обманчиво застенчивую внешность. Всегда опущенные вниз ресницы, тихий голос — сама скромность и невинность. Это производило на мужской пол гипнотическое воздействие — Светка была еще к тому же удивительно красива. О ее распутстве ходили легенды, потому что ей иной раз удавалось сменить пару партнеров за день. И ни слова пошлости, грубости, только вкрадчивая речь и мгновенный выстреливающий взгляд из-под длинных ресниц.

Бедный Светкин муж и не подозревал о способностях своей супруги, он приезжал на выходные, привозил ей какие-то милые подарки, всякий раз проявляя чудеса изобретательности. Разглядывая эти пустячки, на которые Светик и внимания-то не обращала, девочки спрашивали ее — зачем это все? Неужели не хватает ей одного мужика!

— Ой, девочки, так не хватает, что сил никаких нет!

— А может... Ну, он как в постели-то — способен на что-нибудь?

— Абсолютно на все. И так способен, что я вас умоляю! Но мне — мало! Мне нужно, чтобы разные были. Ну, много разных людей, по количеству, понимаете?

Никто ничего не понимал, и на Светика смотрели как на диковинку. Ее худенького интеллигентного мужа-ботаника все жалели, ничего ему не рассказывали, а он смотрел на нее с обожанием и гордился своей супругой.

Их ребенок, о котором Светик и не вспоминала никогда, жил в своей младшей группе, и только когда приезжал папа, тогда появлялась и мама, заботливая, нежная и невероятно красивая.

И вот сегодня очередной какой-то Сергей... Ладно, их дела.

Она поднялась к себе в комнату, села на кровать, закурила. Свет не хотелось включать — в темноте ощущался покой, которого ей так не хватало сегодня.

Сколько всего произошло за один день! Мертвая птица, фен с босоножками, милиционер, тетка из синего домика и неприятные открытия, обнаруженные в самой себе новые пугающие качества.

Ничего, завтра девчонки выпустят, никто и не поймет ничего.

В конце концов, она же менту вот так вот прямо не сказала, что это они...

Стало совсем темно, и она уже спала, когда вдруг страшный грохот и последовавшие за ним крики подняли ее с кровати. Перепуганная, она открыла дверь. На веранде в своем любимом кресле-качалке сидел Слон, а рядом с ним прямо в стене зияла дыра размером с футбольный мяч.

— Господи, что это?

— А это Светик развлекается...

— Светик?!

— Ну, не совсем она ... Скорее, Зинкин муж.

— А он-то здесь при чем?

— Все тоже так думали... А он, как видишь, рассудил иначе. — Слон показал на дыру в стене, сквозь которую виднелась внутренность Зинкиной комнаты. Свет там не горел, и не было видно, есть ли еще какие-нибудь разрушения.

— А чем это он так стену пробил?

— А кулаком, моя дорогая, всего лишь простым своим рабочим кулаком...

Слон улыбался, кресло медленно качалось, он был как стареющий аристократ, который отошел от забот и проблем повседневной жизни и смотрит на веселье молодежи со снисходительной усмешкой, понимая, что все это — одна суета, не более...

— Да расскажи, что случилось-то!

— Ты не поверишь...

И он рассказал.

Светик и ее новый Сергей уже некоторое время пировали у Зинки, как вдруг приехал Светкин муж. Это произошло совершенно неожиданно, но девчонки сориентировались, успели договориться и представили Сергея как Зинкиного кавалера. Это вполне устроило ботаника, он был счастлив, и веселье продолжалось бы еще очень долго, не появившись на пороге комнаты муж самой Зинки.

Он возник в проеме двери, большой и уверенный, и молча переводил взгляд с одного мужика на другого. Компания за столом превратилась в группу немых и парализованных, только уже изрядно подвыпивший Светкин ботаник обрадовался визитеру и, встав, полез к нему обниматься.

— Здравствуйте, здравствуйте! Заходите! А у нас тут праздник. Вот это — Света, моя супруга, а это, извольте видеть, Зинаида со своим другом Сергеем.

— С другом, говоришь? — и через минуту неудачливый кавалер вылетел из комнаты, а Зинка — следом за ним. Она держалась за щеку и вопила что есть мочи, призывая всех в свидетели, что всегда была верна мужу и знать не знает никаких Сергеев и со всеми остальными мужчинами на земле даже не знакома.

Зинка спряталась у девочек в соседней комнате, глаз у нее стал сильно распухать, но было видно, что для нее это дело привычное.

— Ничего, девочки, — говорила она сочувствующим подругам. — За дело попало. По справедливости.

А ее муж, не найдя кому бы еще дать по физиономии, хотел было переключиться на Слона, но его совершенно сбил с толку вид этого человека, спокойно качающегося в кресле. Тогда он со всего маху стукнул по стене и пробил ее насквозь.

Это привело всех в чувство. Светик с ботаником упорхнула к себе, Зинка осталось у девочек, а ее супруг, допив все, что было на столе, рухнул на кровать и через минуту храпел на весь коттедж.

— Вот так, моя дорогая, такие дела. Светик, как всегда, ни при чем.

— Да... Как облава прошла? Не задело?

— Да нет... Обошлось. Ну, я пошел. Мне в поселок надо. Пока.

— Пока, — она боялась, что Слон спросит про Инку, но он этого вопроса не задал. Почему?

Она вернулась в комнату. Не хотелось ни спать, ни читать. Даже курить не хотелось.

Она лежала в темноте и мечтала о том, как окажется опять дома, где нет криминала, где не бьют морду по поводу или без, где разговаривают на нормальном человеческом языке. Незаметно усталость этого беспокойного дня навалилась на нее, окутала, придавила, и она уснула, тяжело, болезненно, как будто и не сама, а как бы против своей воли. Так бывает, когда начинает действовать общий наркоз.

Послесловие

К концу лета за Надькой приехала мать и увезла в город. Кот сошелся с изысканной Нинкой, а спустя месяц так избил, что девчонкам пришлось поить ее бульоном из заварочного чайника — губы было не разжать.

Слон от безделья (а может, и намеренно) совершил кражу и отправился в тюрьму — теперь уже навсегда.

Обморок повзрослела, вышла замуж и теперь растит детей, совершенно забыв о своем прошлом.

Инка вернулась в город, немного наркоманила по мелочи, затем спилась и теперь ежеутренне сидит на лавочке у магазина в ожидании случайно подкинутых кем-нибудь денег.

Римка Шарова, Шарик... Ее однажды просто зарезали в пьяной драке на блатхате. Дочку отправили в детдом.

Судьба остальных людей из рассказа неизвестна.

СОДЕРЖАНИЕ

Миниатюры

Дебют, или Моя февральская свадьба	5
Продолжение игры, или Моя июльская свадьба	14
Про скальпель, сигареты и мечту	24
В первый раз	38
Разговор с котом на две рыбки	43
Звонок в дверь	45
Про магазин	47
Разговоры с дедом	56

Я — турист!

Франция. <i>Первый Париж</i>	61
Таиланд. <i>Растворяясь в аромате дуриана</i>	65
Франция. <i>Еще раз про Париж</i>	70
Тунис. <i>По Сахаре к троглодитам</i>	78
Канарские острова. <i>Мудрые пингвины Тенерифе</i>	85
Португалия. <i>Одинокий ананас на ветке пробкового дуба</i>	90
Англия. <i>Лондон. Я еще сюда приеду</i>	97
Турция. <i>Аргументы для моей мамы</i>	106
Швеция, Финляндия. <i>Погулять в садах Линнея</i>	114
Франция. <i>И все-таки — Париж!</i>	120
Египет. <i>Прогулки по Южному Синаю</i>	131
Испания. <i>Бабочка, Дали и матадоры</i>	143
Арабские Эмираты	151

Дачная мозаика

Мамина дача. 37-й километр Средневыборгского шоссе	163
Юркина дача. 106-й километр, 4-й километр	172
Детский сад и дача. Сиверская	180
Летние сны. Дача в Лосево	188
Дача Саниного деда. Мариенбург	194
Пигматка. Детство. Лето на Онеге	199

Не обещанное укрывательство

Глава 1. Слон, Михей и Кудрявый	207
Глава 2. Шарик, Кот и босоножки	215
Глава 3. Мент, Обморок и дядя Надя	223
Глава 4. Светик и Зинкин муж	231
Послесловие	237

